

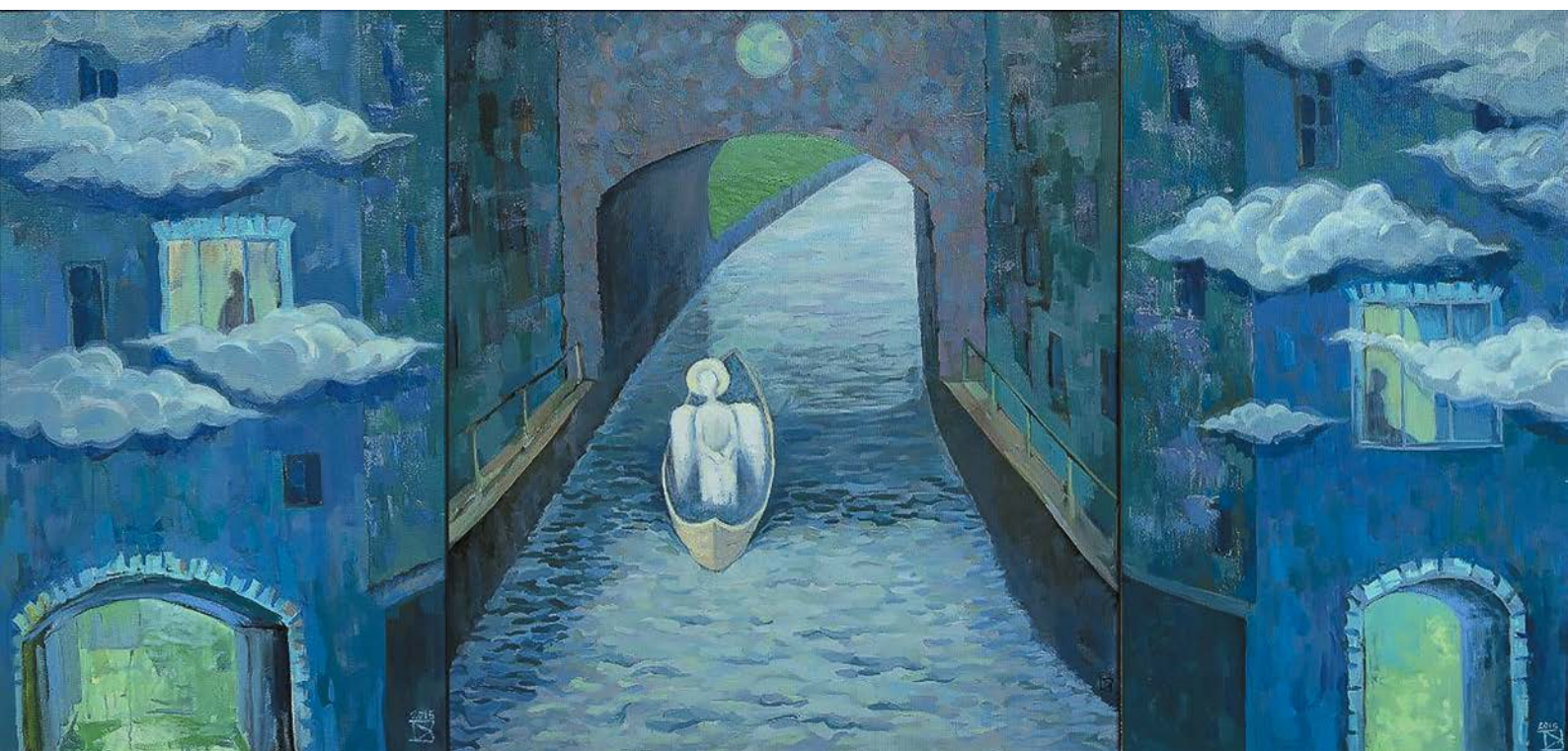
декабрь / 2016

Культура

Алтайского края

№ 4 [24]

12+

Дарья Дёмкина.
Канал. Триптих.
2015. Холст, масло.
110x150.
Фото предоставлено
ГХМАК

Андрей Арестов.
Сена. Солнечный день.
2006. Холст, масло.
70x90.
(Собственность
галереи «Нармин».)
Фото предоставлено
ГХМАК

стр. **20**

«Городской пейзаж в исполнении Андрея Арестова не просто вид,
а переживание, откровение».

Наталья ЦАРЁВА. Мастера

в номере:

СОБЫТИЯ. ЛИЦА

- 4 Лариса Вигандт. Наталья Четырина. **ПЬЕДЕСТАЛ — 2016. КТО ПОЛУЧИЛ НАГРАДЫ?**

СЛОВО

- 8 Лариса Вигандт. **«БОЮСЬ ВЕРИТЬ. БОЮСЬ НЕ ВЕРИТЬ».** К 70-летию поэта Владимира Башунова
- 12 Дмитрий Марьин. **ОДНАЖДЫ НА ДИКОМ... АЛТАЕ**
- 14 **КНИЖНЫЙ ИНСТИНКТ:** рецензии Константина Гришина на книги Владимира Ильиных «Белые одежды», Владимира Тонмакова «Запретная книга Белого Бурхана», Юлии Нифонтовой «12 самых страшных тайн», Анны Никольской «Порожен»

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

- 16 **ВЫСТАВКИ. ИЗБРАННОЕ.** АВТОРЫ: Александр Рыжов, Евгения Шюлина, Наталья Царёва
- 20 Наталья Царёва. **МАСТЕРА**
- 24 Евгений Пешков. **ПОЛЁТ**

НАСЛЕДИЕ

- 26 Дмитрий Ерошкин. **ПЛЕВИЦКАЯ. ОДИН КОНЦЕРТ В БИЙСКЕ**
- 28 Евгений Платунов. **КРАСНЫЙ ТУРИЗМ**

МУЗЕЙ

- 30 Дмитрий Ерошкин. **НЕСУЩИЙ СВЕТ**
- 32 Ирина Юрченко. **КЕРАМИКА: ИСТОРИЯ, СТИЛЬ, ИМЯ**

ХОРЕОГРАФИЯ

- 34 Мария Иванова. **РАЗРЫВ ШАБЛОНОВ**

ТЕАТР

- 36 Елена Кожевникова. **ДЯДЯ ЛЁША**
- 38 Елена Кожевникова. **«ГРОЗА» В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ГРОЗА**
- 39 Лариса Вигандт. **ВЫСОКО ЗАМАХНУЛИСЬ**
- 40 Лариса Вигандт. **НАВСТРЕЧУ «АЛЫМ ПАРУСАМ»**
- 42 Галина Батюк. **ДРАМАТУРГИЯ ЖИЗНИ**

КИНО

- 46 Елена Огнева. **«Я ХОЧУ ХОТЬ ОДНУ ЗВЕЗДУ».** К 90-летию Екатерины Савиновой

ЛИТОТДЕЛ

- 50 **МОЛОДЫЕ ПОЭТЫ СИБИРИ:** Юлия Федорщцева, Оксана Горошкина, Павел Куравский, Сергей Логинов, Дмитрий Филиппенко, Константин Гришин, Ирина Рогозина
- 54 Владимир Соколов. **ВСТРЕЧИ С АЛЕКСАНДРОМ РОДИОНОВЫМ**
- 56 Исая Софьин. **БЕРЕЗОВАЯ ГОРКА. РАССКАЗ**
- 58 Михаил Прокопчук. **СТИХИ**

КУЛЬТУРА
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

№ 4 (24),
декабрь, 2016
(журнал выходит
поквартирно)

Учредитель журнала:
Краевое государственное
бюджетное учреждение
«Алтайская краевая
универсальная научная
библиотека имени
В.Я. Шишкова».
Выпускается при поддержке
Администрации Алтайского
края и управления
по культуре и архивному делу

**Адрес редакции
и издателя:** 656038
Алтайский край, г. Барнаул
ул. Молодежная, д. 5
тел.: (3852) 36-39-37
e-mail: ak.culture@mail.ru

*редакционный
совет:*

Безрукова Е.Е.
(председатель совета)

Быков И.А.
Вигандт Л.А.
(главный редактор)

Замятина Г.А.
Ковалёв О.А.
Марьин Д.В.
Огнева Е.В.
Рыжов А.В.
Царёва Н.С.

Дизайн, верстка — Четырина Н.П.
Корректор — Сигарева М.В.

Адрес типографии:
«Графикс» (ИП Рудь И.В.)
656043, г. Барнаул
пр-т Красноармейский, д. 15
тел.: (3852) 63-77-02, 65-98-14
e-mail: graphxd@yandex.ru

Издание зарегистрировано
в управлении Федеральной
службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
по Алтайскому краю
и Республике Алтай

**Свидетельство
о регистрации:**
ПИ №ТУ22 — 00560
От 18 июня 2015 года

Тираж:
2000 экземпляров

Дата выхода в свет:
25.12.2016

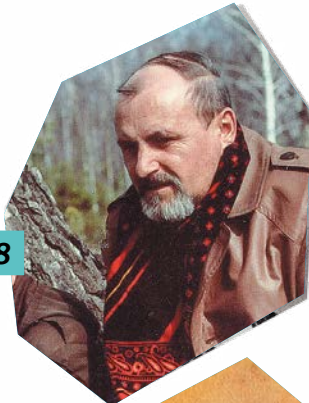
Журнал распространяется
бесплатно

Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора

40

стр.

8

стр.

24

стр.

32

стр.

Пьедестал – 2016

Кто получил награды?

ЛИТЕРАТУРА

ИВАН ЖДАНОВ

член Союза писателей СССР

МЕДАЛЬ ПУШКИНА

МЕДАЛЬ ПУШКИНА — государственная награда Российской Федерации. Медалью Пушкина награждаются российские граждане и иностранцы за заслуги в области культуры и искусства, просвещения, гуманитарных наук и литературы, за большой вклад в изучение и сохранение культурного наследия, в сближение и взаимообогащение культур наций и народностей, за создание высокохудожественных образов.

Награждение медалью Пушкина, как правило, производится при условии осуществления представленным к награде лицом общественно-гуманитарной деятельности в течение 20 лет и более.

ПРЕМИЯ
АДМИНИСТРАЦИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ
В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ
за книгу «Уединенная мироколица»

ПРЕМИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, АРХИТЕКТУРЫ И НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА вручается с 1998 года один раз в два года.

Премия присуждается за талантливые, отличающиеся новизной, оригинальностью, высоким художественным вкусом произведения, программы и проекты в области литературы, искусства, архитектуры и народного творчества, получившие общественное признание и являющиеся значительным вкладом в культуру и искусство края.

ГАЛИНА БАТЮК

2 МЕСТО НА ВСЕРОССИЙСКОМ
СТУДЕНЧЕСКОМ КОНКУРСЕ
ЛИТЕРАТУРНОГО ТВОРЧЕСТВА
за рассказ «Пригоршни»

Информационный блок — Лариса Вигандт.

Инфографика — Наталья Четырина.

В инфографике использованы фотографии Александра Волобуева, Андрея Луновского, архива редакции

ЛИТЕРАТУРА

АЛЕКСАНДР ПЕШКОВ

член Союза писателей РФ

ПРЕМИЯ АЛТАЙСКОГО
ДЕМИДОВСКОГО ФОНДА
за книгу «Ночные журавли»

Книга «Таежная вечерня»
вышла в московском издании
«Вече» в серии «Сибиряда»

1 МЕСТО
V МЕЖДУНАРОДНОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ ЮЖНО-
УРАЛЬСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ
ПРЕМИИ в номинации
«Проза. Профессиональные
авторы» за книгу
«Ночные журавли»

Книга «Ночные журавли»
вошла в длинный список
ПРЕМИИ
«ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ЮЖНО-УРАЛЬСКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ
ПРЕМИЯ (Г. ЧЕЛЯБИНСК) существует
с 2012 года. В 2015 году она стала
международной. В 2016-м в адрес
жюри прислали свои произведения
более 200 человек. Лауреаты-2016
помимо денежной премии получили
в подарок статуэтку «Дон Кихот»
наслинского литья, выполненную по
эскизам известного французского
скульптора Жака-Луи Готье.

ДМИТРИЙ МЫЗНИКОВ

Книга
«По дороге домой»
вошла в длинный список
ПРЕМИИ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» — ежегодная
общероссийская литературная премия, учрежденная в 2003 году
Музеем-усадьбой Л.Н. Толстого «Ясная Поляна» и компанией Samsung
Electronics.

Премия вручается за лучшее художественное произведение
традиционной формы в четырех номинациях:

Современная классика (1,5 млн рублей)

XXI век (2 млн рублей)

Детство. Отрочество. Юность (0,5 млн рублей)

Иностранная литература (1 млн рублей).

Специальный приз компании Samsung «Выбор читателей» отмечает
автора книги, набравшей по результатам открытого читательского
интернет-голосования наибольшее количество голосов.

ИРИНА ЦХАЙ

член Союза писателей РФ

Студией
«Союзмультфильм»
СОЗДАН МУЛЬТФИЛЬМ
по сказке «История
знаменитого Мышонка».
(Поощрение к Гран-при,
завоеванному в 2015 году
НА КОНКУРСЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВА
«СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ»)

3 МЕСТО
НА I МЕЖДУНАРОДНОМ
ОТКРЫТОМ
КОНКУРСЕ-ФЕСТИВАЛЕ
СОВРЕМЕННЫХ ПЬЕС
И СЦЕНАРИЕВ ДЛЯ ДЕТЕЙ
И МОЛОДЕЖИ
«КАЛЕЙДОСКОП-XXI»
(МОСКВА)

В МЕЖДУНАРОДНОМ ОТКРЫТОМ
КОНКУРСЕ-ФЕСТИВАЛЕ ПЬЕС
И СЦЕНАРИЕВ ДЛЯ ДЕТЕЙ
И МОЛОДЕЖИ «КАЛЕЙДО-
СКОП-XXI» приняли участие
опытные и начинающие
драматурги из России, Беларуси,
Украины, Франции и Италии.
На суд жюри были представлены
не только детские пьесы, но
и полнометражные киносценарии,
рассчитанные на ребят разного
возраста. Победителей выбирали
в шести номинациях —
по возрасту потенциальных
зрителей от 5 и до 18 лет.

ТЕАТР

СПЕКТАКЛЬ
«ВИШНЕВЫЙ САД»
(А. П. ЧЕХОВ)
МОЛОДЕЖНОГО
ТЕАТРА АЛТАЯ.
РЕЖИССЕР
СЕРГЕЙ АФАНАСЬЕВ

ГРАН-ПРИ
II ВСЕРОССИЙСКОГО
ТЕАТРАЛЬНОГО ФЕСТИВАЛЯ
ИМ. В. С. ЗОЛУТУХИНА

КОЛЛЕКТИВ
АЛТАЙСКОГО
КРАЕВОГО
ТЕАТРА ДРАМЫ
ИМ.
В. М. ШУКШИНА

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ
за постановку спектакля
«Укрощение строптивой»
по пьесе У. Шекспира

ТЕАТР

ГАЛИНА ЧУМАКОВА

актриса Алтайского государственного театра для детей и молодежи им. В. С. Золотухина

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ за роль Вероники Валлон в комедии «Бог резни» по пьесе Я. Реза

ЛАУРЕАТЫ ГУБЕРНАТОРСКОЙ ПРЕМИИ ИМЕНИ ВАЛЕРИЯ ЗОЛОТУХИНА В ОБЛАСТИ ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА

СВЕТЛАНА БАЙГАБАЕВА (ЛЕПИХИНА)

актриса Алтайского государственного театра для детей и молодежи им. В. С. Золотухина

ПРЕМИЯ учреждена в 2014 году в память о народном артисте России и земляке Валерии Золотухине. Это одна из форм государственной поддержки молодых актеров, режиссеров, сценаристов театров Алтайского края, студентов театральных курсов. Ежегодно премию в размере 50 тысяч рублей присуждают четырем молодым театральным деятелям (актерам, режиссерам, сценаристам) и трем студентам театральных курсов — по 15 тысяч рублей.

АННА БЕКЧАНОВА

актриса Алтайского государственного театра драмы им. В. М. Шукшина

ВИТАЛИЙ СЕЛЮКОВ

артист Алтайского государственного театра музыкальной комедии

ВИТАЛИЙ САНАРОВ

артист Алтайского государственного театра кукол «Сказка»

ДАНИЛ НИКОНОРОВ

студент АлтГИК

ДМИТРИЙ СУРАБАШЕВ

студент АлтГИК

АЛЕКСАНДР ЧЕРЕПКОВ

студент АлтГИК

Сцена из спектакля «Вишневый сад». Молодежный театр Алтая. Фото Александра Волобуева

ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

НИКОЛАЙ КАРПОВ

преподаватель по классу баяна Чарышской детской школы искусств

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ за цикл концертных программ ансамбля «Любо» и Чарышского казачьего народного хора

НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

ВАЛЕНТИНА МЫСНИКОВА

главный хормейстер Детско-юношеского Дома культуры «Черемушки», г. Рубцовск

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ за цикл концертных программ «Музыка нашей Победы», «Песенный салют»

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО

НИКОЛАЙ
ЗАЙКОВ

член Союза художников РФ

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

БЛАГОДАРНОСТЬ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ
ХУДОЖЕСТВ (Отделение
Урала, Сибири и Дальнего
Востока в г. Красноярске)
за участие во Второй
межрегиональной выставке
сибирского автопортрета
«Прямая речь»

ДМИТРИЙ
ПЛОХИХ

член Союза художников РФ

ЛАУРЕАТЫ КРАЕВОЙ ВЫСТАВКИ «ОСЕНЬ – 2016. ПОСВЯЩАЕТСЯ РОДНОМУ БАРНАУЛУ»

Картина
«Охотничий лабаз»
(2010. Холст, масло.
120 x 200)
приобретена

Государственным
художественным музеем
г. Нинбо (Китай)
на II Межрегиональной
художественной
выставке «Сибирь –
Дальний Восток»

АЛЕКСАНДР
ЕМЕЛЬЯНОВ

член Союза художников РФ

ЮРИЙ КАБАНОВ

член Союза художников РФ

ЛИДИЯ
СЕЛЕЗНЕВА

член Союза художников РФ

МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО

СИМФОНИЧЕСКИЙ
ОРКЕСТР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ФИЛАРМОНИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ
за проекты «Алтайский сказ.
Полет над временем», «Мастер»

ОБРАЗЦОВЫЙ ДЕТСКИЙ
КОЛЛЕКТИВ РОССИИ ДЕТСКИЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ХОР
«СЕНТЯБРИНКИ»

Алтайского государственного
музыкального колледжа, руководитель
Инесса Грицай

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ
за цикл концертных программ

ОБРАЗЦОВЫЙ
ДЕТСКИЙ КОЛЛЕКТИВ
РОССИИ НАРОДНЫЙ
ХОРЕОГРАФИЧЕСКИЙ
АНСАМБЛЬ «ЯРОШКИ»

Детской школы искусств г. Яровое.
Руководитель Валентина Федотова

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ
АЛТАЙСКОГО КРАЯ
за концертную программу
«Пред иконою Победы...»

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И МУЗЕЙНОЕ ДЕЛО

ЕЛЕНА ДАРИУС

старший научный
сотрудник сектора
«Отечественное искусство
XX – XXI вв.» Государственного
художественного музея
Алтайского края

ПРЕМИЯ АДМИНИСТРАЦИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ
за цикл публикаций по теме «Художественная жизнь
и искусство Алтай XX – XXI вв.»;
проекты «Художники Алтай – наша гордость»,
«Барнаул – Сибирские Афины. Столице Алтайского
края посвящается», «Образ земли в материальной
и художественной культуре России».

«Боюсь верить. Боюсь не верить»

Письма Владимира Башунова, выдающегося русского поэта, к другу Виктору Горну, литературоведу, критику, пионеру шукшиноведения на Алтае

**Владимир
Мефодьевич
Башунов
(1946–2005),
Александр
Михайлович
Родионов
(1945–2013),
Виктор
Фёдорович Горн
(1949–2012)
(Справа налево)**

Послания во Фрайбург мы даем с некоторыми умолчаниями, но даже и с ними ясно проглядывают сквозь строки «времена и нравы», литературное сообщество Алтая и России, сам поэт — его юмор, жизненная позиция, настроение.

Август, 1999

Витя!

Растравил ты меня своими разговорами о поездке, что мне ничего уже неохота: ни отчеты писать о Шукшинских, ни зачеты сдавать, ни кровь — ни хрена неохота.

Короче, если недоволен останешься моим рапортом, пеняй на себя, ибо — сам виноват. Куда я, к чертовой матери, поеду? <...> работы много, вся почти бесплатная, зато вся срочная.

Еще бы никто не приставал с ненавистной бытовухой — с гвоздями, молотками, обоями и прочей ерундой, то и вообще благодать бы. В мир выходить не поманывает, да уж и не выхожу почти. Кроме срочных заказных дел есть свои собственные затеи, но все тесно их на заднее крылечко, держу в очереди, в самом хвосте, ничего не успеваю, катастрофически не успеваю, жуть просто. Славные такие затеи, иным уже сто

лет в обед, стыдоба, и жалко: кажется, будто они бы получились. Когда доберусь, ничего путевого не получится, это уж точно, зато теперь — кажется. Этими миражами и греюсь, и тешусь, и сыт бываю. Да параллельно рисую какие-то статейки, сшибаю копейки. Это тебе заплачка моя, или, на вашем ученом языке, — вместо предисловия к основному отчету.

<...>

На самих Шукшинских народу было тьма, ничего подобного никогда не было. С другой стороны, ни Астафьева, ни Распутина, ни Белова. Хорошо, случайно в эту пору в Новосибирске оказался Виктор Иваныч Лихоносов, и Миша Щукин¹ привез его на Пикет (все же Бикет правильно-то). Совершенно замечательный человек, настоящий, без примесей. Даже капли писательского пижонства нет, что у всех случается <...>.

Функционеры наши московские, из правления, ни один не появился. Плевать они хотели на по ту сторону Урала. Ладно, мы им не нужны, но не приехать к Шукшину — совесть надо иметь.

Из Москвы были только Витя Калугин² да Володя Карпов³. Из сибиряков кроме Щукина и кемеровчан (человек семь приехали, молодцы) тоже никого не было. Пили, конечно, но я на этот раз не принимал, так только, для видимости. Сдали все, по-моему,

1. Щукин Михаил Николаевич, писатель; в настоящее время главный редактор журнала «Сибирские огни» (Новосибирск).

2. Калугин Виктор Ильич, литературовед, критик.

3. Карпов Владимир Александрович, писатель, родился в Бийске в 1951 году, живет в Москве.

деградировали. Что в водке, что в слове. Один Володя Карпов молодец, там и там. Наши ребята, Толя Кирилин и Саша Родионов, явно сильнее всех (не по водке), заметно сильнее.

<...>

Витя Калугин позвонил мне из Москвы (он сейчас зам в «Москве», знаешь, наверно), пригрозил огромной подборкой из «Полыньи», чем-то она его зацепила — и прямо в досыл, в ближайший номер. Но показали мне на днях номер (Славе Григорьеву⁴ кто-то привез), а там всего 4 стихотворения вместо 4 страниц — видно, свои ребята, московские, вытеснили. Мне-то, честно-то, до лампочки, как говорили древние инки, давно уж перегорел, просто увидел, что старые добрые правила по-прежнему в ходу.

Вот и все тебе Шукшинские: тебя вспоминали, дивились на бесчисленный народ. Витя Калугин был ошарашен, нигде такого в России не видел. Виктор Иванович Лихоносов тоже был поражен — огромностью народа и его искренностью: искренностью, движения к Шукшину и друг к другу. На том и разъехались. Дальше жил тихо.

Март, 2000

Витя!

Начну писать в эту ночь, так сказать, в ночь текущую, а там в какую-нибудь из ночей авось и закончу. Тоска, Витя! Читал сегодня бегло некоторых наших авторов, каких ты хорошо знаешь. До чего все убого, прости меня Господи. И читать их, и общаться с ними. То ли со мной опять что происходит, то ли с ними ничего? Говорим на разных языках, все равно что итальянец с китайцем, еще хуже. Куда деваться-то? Совсем не знаю. Забиться на такую обочину, когда ни тебе, ни тебя не видно, смысла нет. Да и не получится, нереально: копейки-то надо зарабатывать, а это все равно среди них, — если не среди этих, так среди других, они везде, в любых сферах. Наверно, очередной кризис на меня свалился. Придется и очередной пережить. Тем более, что на днях от Вали Курбатова получил маленькую надежду. Пишет, что с Красноярском не все потеряно, что нынче в августе в Овсянке может случиться наша встреча. Боюсь верить. Боюсь не верить. Молиться буду, чтоб случилось. Как и все другое. Анне через день говорю, что нынче едем в Фрайбург. Из Фрайбурга Анну провожу в Россию, а сам побреду пешочком (или, может, ты подвезешь) во Францию, под Париж, останусь бомжевать на Сене, устроюсь под седьмым мостом слева, у второго (нет, лучше третьего) быка. «Прощай, немытая Россия...» Хватит с меня кровушку пить — кровушки не осталось.

21 декабря 2000

Витя!

Никак не могу сесть и написать тебе — одолели всякие заморочки. Время пошло очень плотное, ничего не выкраивается для себя. Вчера, например, надо было мне верстать новогодний (специальный) выпуск «Мытного двора». С утра помчался в типографию. Мчаться сейчас по нашему городу очень сложно: снегу нынче навалило, как давно уже не было. И валит каждый день — сыплет себе, сыплет. Всех видов транспорт еле шевелится, толпы народа стоят по городу, сплошь и постоянно — как на Красной площади во время праздников. Но примчался в типографию, в «Алтайскую правду». Поработал с часок, полетел в школу — на какой-то спецурок к Тане Карповой, просила

поучаствовать. А школа на Потоке. Вот представь, какие концы. Оттуда опять бегом, опять в типографию.

Встал сегодня в 4 утра, поэтому пишу наконец. А писать, честно сказать, шибко нечего. Идет эта круговерть, похожая на вчерашнюю, а то и того хлеще, каждодневно — что про нее напишешь? Целый день впопыхах. Ничего не успеваю, выстарился, что ли, как любил приговаривать Женька⁵. Давно его не видел, только по телефону. Да и многих давно не видел. О. Михаила⁶, например, Лёшу⁷, Левита⁸.

Родионова тоже давным-давно не видел, даже по телефону не окликаемся, встречу — не узнаю.

На днях умер Серёжа Иванищев⁹, причин не знаю, увидел в «Алтайской правде» соболезнование. Ужас какой-то, сплошные смерти. Кто бы мог подумать, даже 10 лет назад, когда уже, собственно, все началось, что жизнь так повалится. Близкая жизнь. Но валится и валится с тех пор, совсем роздыху не дает. Уже не знаю, где я больше дома: на кладбище или в городской суете. А хочется еще порыться в словах, слепить чего-то...

Просили стихи в «Москву», в «Сибирские огни», даже в «Алтайскую правду» настойчиво просили, прямо удивительно. Раздал наконец-то по этим адресам, сегодня в «Алтай» еще отнесу. Надо бы «Этюды» продолжить, осталось в запасе кое-что любопытное, надо бы много чего, да вряд ли сделается. Хотя вроде шибко не балуюсь — ни сном, ни чем другим.

С внешним миром связи почти нет. Только с Курбатовым¹⁰, в письмах.

1 января 2001

Витя!

«Жив и я, привет тебе, привет...» Как вы поновогодничали? Мы обычным порядком (уже обычным!): дома, без общения с миром, тихо.

<...> мы остались одни напротив телятника. Но там смотреть нечего, так что я больше внутри себя сидел.

Сегодня были у Галины Ершовой: 40 дней Лёше¹¹ — поминками в первый же свой день начинается новое тысячелетие. Знаковое начало, хотя мне уже не привыкать.

Видел мимолетом Лёшу Хорошилова, Валеру Казакова¹², Толю Кирилина... Все, больше никого не видел. Такое теперь общение: жизнь вконец разбежалась и, кажется, насовсем.

Тысячелетие-то началось, новенькое совсем, только вокруг все старенькое, как мать поставила, ничего не переменяется. Долго смотрел я в календарь и ничего утешительного не высмотрел, вольного времени или хотя бы продыху для себя не высмотрел: наоборот — ближайшие три месяца взаперти, носа не высунешь, все только что не по часам расписано. Надо бы уже сегодня, по-доброму-то, зарыться в бумаги, но лень, отодвигаю себя в безделье, тяну резину. Все это отодвиганье аукнется мне жестким режимом, знаю наизусть, не впервой, да лень раньше меня родилась, никак с ней не справлюсь. Планов громадье, обязательств — столько же. Как буду управляться — даже не представляю. Просто отдаюся на черную волю, на случай, на авось. Водки, правда, не пью, а надо бы. <...>

Обнимаю.

Март, 2001

Надеюсь, письмо мое успеет к 11 апреля. С днем рождения! Дай Бог нам побыть еще, чтобы встретиться!

4. Григорьев Святослав Иванович, доктор социологических наук, профессор, член-корреспондент РАН.

5. Гушчин Евгений Геннадьевич (1936–2005), писатель.

6. Капранов Михаил Сергеевич (1944–2007), митрофорный протоиерей, с 1996 года был настоятелем Никольской церкви в Барнауле.

7. Хорошилов Алексей Александрович (1951–2015), в 1970–1980 годы сотрудник Алтайского книжного издательства.

8. Левит Владимир Изяславович, однокурсник В. М. Башунова и В. Ф. Горна.

9. Иванищев Сергей (?–2000), в 1960 годы студент филологического факультета Барнаульского педагогического института.

10. Курбатов Валентин Яковлевич, известный литературовед, критик; живет в г. Пскове.

11. Ершов Леонид Тимофеевич (1940–2000), писатель, журналист, с 1977 по 1986 год сотрудник Алтайского книжного издательства.

12. Казанов Валерий Михайлович, однокурсник В. М. Башунова и В. Ф. Горна.

Витя!

Еле раскачал себя немного, в основном своими средствами — постоянным, дневным и ночным, обливанием холодной водой — вот и пробую сочинить тебе отчет. Жизнь бекова, бековой не бывает. Хотя наперед говорить не стану: мало ли что там еще притаилось. Но, по крайней мере, прежде, сколько ни напрягал память, сколько ни перелистывал назад свой календарь, такой тяжести у меня все же не было. Тоска, тоска — как часто повторял Александр Сергеевич. Одна тоска и тягостное томление. Не успеваю огрызаться на все стороны. Не в буквальном, конечно, смысле. Сроки по заказной работе жестоко проиграл. Но даже вслед, после сроков, делать ничего не хочется — вот в чем главная беда. Да еще на свою голову согласился пойти в журнал на поэзию. Поддался на уговоры. Уговоры шли с разных сторон. Ну, я, дурак, и согласился. Как будто я там что-то переменить могу. Если толпа так беспомощно пишет (в том числе и сам я), что тут переменишь? И кто переменит?

<...> Получил приглашение из Красноярск — руководить семинаром поэзии. В конце мая. Зовут они и Курбатова на прозу. Дожить бы. Хотят собрать не только красноярцев, но всю Сибирь. Мне без разницы, просто Курбатова увидеть, Виктора Петровича¹³, других хороших людей, пообщаться, встряхнуться. Надо как-то дожить. Побывать еще разок в Красноярске. Здесь у нас тоже семинар, в конце апреля. Писательская грызня продолжается. Я в нее не лезу, хотя тянут со всех сторон.

Сентябрь, 2001

Витя!

Вообще-то обещанного три года ждут. Да и то — внутри России. А уж за пределами... не знаю, не знаю. Тебе в части обещанного мною отчета еще и повезти может — если, конечно, отечественная почта какой номерок не отколет. Правда, отчитываться на этот раз особо не в чем. Жизнь скупа, все больше затворничаю, да-с. Нынче 50 лет писательской организации. Торжественная часть состоится 1 октября. Что там будет и как — понятия не имею. Как-то что-то будет. У меня другие заботы, среди них есть самая главная, самая интимная, но из суеверия я ее пока вслух кричать не буду: чуть позднее, через месяц. А помимо заветной — полон рот всяких других, и нет им конца-краю.

Вчера в «Алтайской правде» повидался с Валерой Золотухиным. Обнялись, малость словом перекинулись. У него встреча с журналистами была. Те набежали: «Башунов, заканчивай, народ ждет». Но Валера молодец, отмахнулся: «Пусть подождет». Вечером еще по телефону поболтали, а сегодня утром он улетел в Кемерово.

<...> В Бобровке летом видишь одни женские задницы. Лиц нет: голова воткнута в грядки, снаружи одна корма. «Все в мире яд, важна лишь только мера» — это мой постулат, оселок, на который накручиваю свои пропагандистско-разъяснительные «беседы при ясной луне» и без нее. Сдвигов нет, фанатизм торжествует, сумасшествие продолжается, но я не отступлюсь. Теперь уж или-или. Кстати, сам я пообвылся в Бобровке в части работы с бумагами, в части сидения. Когда один, естественно. Теперь хочу увезти туда машинку, чтобы невольно и чаще ехать за ней — как за подружкой-декабристкой. Что-то роится в дурной башке, надо бы это что-то определить на законное и постоянное место жительства. Не хватает времени, сил не хватает. Спасибо тебе за кофе — на ём держусь.

С водкой, правда, завязал — теперь надолго. Отшиваю всех без оглядки. Выпил бы с Александр Сергеевичем, говорю, да уже не получится. Полная трезвость мне погланулась. Успеваю, конечно, мало, но хоть что-то постоянно делаю. Постоянно — великая вещь! Эх, если бы опомниться лет на 20 раньше. Или — всему свой срок? Как дитю в материнской утробе? Как в русской пословице: что сделано хорошо, то сделано вовремя? Может быть, может быть, поглядим. Я заметил: иногда откровенное безделье полезнее состояния делания. Что-то происходит в нас помимо нашего догляда. Эта подспудная работа и обеспечивает себя внешним бездельем. Я верю в свое наблюдение, но служить аргументом для других оно не может. Особенно для всякого рода и положения чиновников. Нас они считают чем-то вроде мясорубки, в которую кидай любой текст, и она выдаст готовый словесный фарш. Хорошо бы еще, чтоб мясорубка была электрическая и выдавала желаемое мгновенно. В огромных количествах. Даже самые просветленные из них совершенно не понимают, с каким сопротивляющимся материалом — словом — мы имеем дело.

<... > Не говорю (и не считал никогда), что у меня бог вещь какая чистота в исполнении, но вижу, что любой текст, до самого малого и как бы постороннего, выстроен удовлетворительно, а местами просто неплохо.

<...> Больше в архиве сижу да в Шишковке. Кстати, очень жалею, что поздно попал в архив. Вот где матерьялец! Саша Родионов молодец, давно там пастбище себе устроил. Работы, честно сказать, впереди толпится много. Залезть бы всерьез, глубоко зарыться, да ведь не дадут. Ни чужие, ни свои.

Нет, уеду в Бобровку, в совсем одиночество. Хочется потому что.

От меня все ждут новых стихов, просят журналы, Ольга Шевчук¹⁴ просит большую подборку, на страницу, я же пока шляюсь по другим палестинам. Но осень вплотную приблизилась, может, начнусь в желанную сторону. Эх, кабы еще одну такую осень, как, помнишь, в колхозе была! Тогда бы, при такой-то красоте точно расшевелился. Ну все, жди еще три года, прощайся, то есть — досвиданьяюсь.

Март, 2002

Витя!

Не знаю, хватит ли мне терпения и силенок одолеть такое пространство бумаги, такое количество белого матерьяла, не знаю.

<...>

На Рождество были у батюшки, позвонили в Красноярск Марии Семёновне¹⁵ (как раз было 40 дней), там оказался Курбатов. Мне как-то полегчало, что он все-таки доехал.

<...>

Жизнь утекает сквозь пальцы и бесследно.

В журнал даем прощальный разговор о Викторе Петровиче, так, я понял из всяких обмолвок, многие недовольны, что место заняли Астафьевым, ихние бесмертные творения потеснили. Я своего добился, а к их самомнению и дурным претензиям пора привыкнуть, да и привык уже, практически ни на что не реагирую...

Ладно, Бог с ними, все это ерунда в конце концов. Азарта нет — вот плохо. Утешаюсь только тем, что депрессия такого рода охватывала всех, даже Пушкина или Твардовского. Эх, засесть бы на несколько дней кряду за бумагу, а еще лучше — за компьютер. Не получается, находится «миллион терзаний», уводящих в сторону...

13. Астафьев Виктор Петрович (1924–2001), писатель, классик русской литературы.

14. Шевчук Ольга Николаевна, главный редактор газеты «Алтайская правда» с 1997 по 2007 год.

15. Астафьева (Корякина) Мария Семёновна (1920–2011), жена В.П. Астафьева.

А и все тут надоело, кругом «обман и подделка». Курбатову написал, что уеду к тебе, ты меня отвезешь под Париж, и я останусь навсегда бомжевать на берегу Сены. Быть по сему!

Октябрь, 2002

Витя!

Хотел написать много, слова прям теснились и во Фрайбург просились. А сел за бумагу — фпр! — куда-то все подевались, теперь не собрать.

От писательской организации мы откололись напроць — Саша, Толя, я¹⁶. <...>

В конце ноября в Новосибирске состоится четвертый съезд писателей Сибири. Ему (Владимиру Берязеву¹⁷ — прим. ред.) хочется, чтоб мы втроем приехали — опять же Саша, Толя, я. Я ему объяснил, что делегатами нас никто не выберет. Теперь пусть думает, как нас туда вытащить.

У NN вышла очередная пошлая книжка, а ему за нее <...> премию имени Лени Мерзликина. Тут уж я не стерпел, разнес его в пух и прах в рецензии для журнала. <...> Живу сейчас по строгому маршруту: архив, журнал, компьютер. Шаг вправо, шаг влево — самосуд, наручники, цепи железные.

Времени все равно жестоко не хватает, хотя сплю крайне мало, что тоже меня не красит.

На днях звонил Ванечка Жданов¹⁸, он здесь, надо повидаться.

<...>

Жаль в Бобровке у меня печь хреново служит. Да и свет уже отключен, и окна заколочены. А так — сидеть бы теперь там — дни стоят хоть и холодные, но ясные. Толя молодец, почти все время пропадает в своем имении, радуется. А я от своего маршрута ни на шаг в сторону.

Валя Курбатов тоже молодец. Пишет постоянно. Один я — ни стыда ни совести, и весь онутан ленью.

Ну ладно, на сегодня хватит. Поклон Галочке.

Обнимаю.

Октябрь, 2004

Дорогой мой Витенька, милая моя Галочка!

Ратник поля Куликова шебуршится потихоньку. Кольчужку вот латаю, всю издырявленную стрелами вражескими, татаровьём проклятым. Копье подправляю. Наждака здесь нету-ка, надо бы меч заострить, пообилить весь о кости басурманские. Да кой-где и ржавь уже полезла. Вобщем, заботишек хватает, ладно хоть уколы перестали тыкать, время не отвлекают, вся тела имя истыкана, хуже стрел татарских. Я за всю свою многовековую жизнь столько уколов не получил, сколько здесь за один заход. 35 дней уже минуло, как я в синекуре пребываю. Уж и выходить отсюда неохота, жил бы и жил. Читай, пиши, пляши — чё хошь. <...>

Может, чё путнее, а то прямо бессмертное нацарапаю. Шевелится вроде внутри: «Выхожу один я на дорогу». Дальше, правда, не сочинил пока, но в уме держу. Про запас. Больше просится другое начало: «Как деньги заработать на дорогу до Фрайбурга, чтоб там уж — на Париж». И — прости-прощай, немьтая Россия! Но задачка сложная, с двенадцатью неизвестными. Думай, Владимир, говорю себе, думай, на то тебе и черепная кость пристроена, а не орехи грецкие бить для салата. Кстати, приеду, щи вам сибирские сварю, салатик какой-нибудь захреначу, у вас челюсти

без подготовки поотпадывают. У вас там шашлыки в городских скверах мужички жарят? У нас тоже. Вот и шашлычок сочиним теплой компанией. Да, Витя, за-был я тебе про один секрет п-ской ругани сообщить. Он там книжку одну костерит, про стихи. Это верно, я ее составлял, типа азбуки, чтоб люди, вконец заблудившиеся, хоть чуть разбирались бы, где стихи, а где фуфло. Только текстов моих там нет, я лепил мозаику из О. Михайлова¹⁹, А. Михайлова²⁰, даже немного В. Кожина²¹. Так что N вывел их на чистую воду: ничё не могут, одна этикетка, что классики.

<...> Чувствую, запас больничного койкоприсутствия во мне кончился. Начинаю нервничать, держусь, естественно, однако на пределе. Надо прибавиться домой, хоть ненадолго к компьютеру присаживаться. «Жизнь моя, иль ты приснилась мне?» Первый раз я многих здесь напугал своей книжкой «Полынь». Теперь вот, второй раз, фокусом с кардиоцентром. Фокус получился, круче некуда, самому не по себе.

Все, дорогой, обнимаю.

11 декабря 2004

Витя!

Проглотил я свой утренний деликатес, таблетки то бишь. И погрузился в душевную думу. Дай-ка, соображаю, напишу письмецо на родину, в Германию, во Фрайбург.

Мужики здесь жалуются на скуку, заняться им нечем, потому чаще бредут в курилку.

А мое занятие всегда при мне, никакой тяготы безделья не переживаю. Изучил два номера свежих «Сибирских огней», теперь имею мало-мальское представление о прозе и публицистике — для члена редколлегии полезно, сам понимаешь, а то ведь только стихи читал. Поэзия в «Сиб. огнях» сильная, бывают сбои, но редко. Пожалуй, сильней, чем в московских журналах. Это без всякого сибирского патриотизму. В нашем «Алтае» всего понамешано.

Перечитал здесь «Оду русскому огороду» Виктора Петровича. Вот диво так диво! Не зря ее сам он выделял у себя. Это не проза — это волшебство. И такого кудесника всякая тварь лаяла. Даже Распутин не удержался, даже теперь, после смерти, даже в Сроствах. Упреки в его сторону высказывал, это нехорошо на меня подействовало. На общем ужине в Бийске, когда мне велели-таки сказать слово, я, стоя напротив Валентина Григорьевича, сказал и об Астафьеве, о том, как всегда высоко и нежно отзывался [он] о распутинской прозе... Что толку от моих слов. Не поленись, перечитай «Оду», получишь великое удовольствие, поплачешь и посмеешься.

Как тут меня топчут нынешние заправилы убогого нашего литпроцесса, ты знаешь. Не помню, высылал ли я тебе ZZ. Шлю еще разок, на всякий случай. Третья рецензия — Толи Кирилина, в заступу мою. Удалось напечатать только в «Голосе труда» у Сапова²². Обрати внимание не на их стрелы каленые, какие все, пожалуй, летят мимо цели, а на злобность, с какою они их пушают.

Ну, вот, Витя, только что наконец-то сказали, что операция завтра. А время уже обеденное, долго меня неизвестностью мурыжили. Так что, оказалось, пишу тебе в самый канун моего торжественного акта.

Если, не дай Бог, всякое бывает, сам знаешь, то встретимся ТАМ.

Обнимаю. ◀

16. В 2002 году писатели Владимир Башунов, Александр Родионов, Анатолий Кирилин вышли из Алтайского отделения Союза писателей РФ и создали Союз профессиональных писателей Алтайского края.

17. Берязев Владимир Алексеевич, писатель, с 1999 по январь 2014 — директор и главный редактор журнала «Сибирские огни»; живет в Новосибирске.

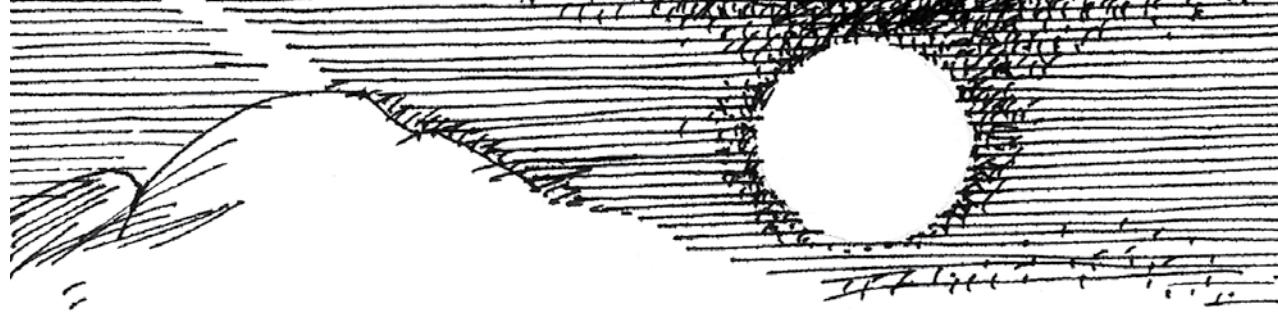
18. Жданов Иван Фёдорович, поэт; в настоящее время редактор отдела поэзии в журнале «Алтай».

19. Михайлов Олег Николаевич (1932–2013), прозаик, литературовед.

20. Михайлов Александр Алексеевич (1922–2003), литературовед, критик.

21. Кожин Вадим Валерианович (1930–2001), литературовед, критик, публицист.

22. Сапов Виктор Григорьевич (1940–2005), с 1997 по 2005 год редактор газеты «Голос труда».

Однажды на Диком... Алтае

Как мотивы киновестерна преломляются в рассказе Михаила Веллера

Рассказ популярного современного российского писателя Михаила Веллера «Конь на один перегон» впервые был напечатан в 1983 году в его дебютном сборнике [Веллер, 1983, с. 8–20] и в настоящее время считается одним из лучших произведений автора. В фокусе рассказа — нравы и повседневный быт алтайских скотогонов, ведущих стадо овец из Монголии в Бийск. В основу произведения положены реальные события из жизни автора: с мая по октябрь 1976 года начинающий писатель работал перегонщиком скота на Алтае, на Чуйском тракте. Много позже те же события Веллер опишет в главе «Скотогоны» в книге «записок советского бродяги» «Мишахерезада» [Веллер, 2011]. Рассказ уже привлекал внимание литературоведов и, в частности, может быть интерпретирован в контексте мифологии [Куляпин, 2015]. Однако нам ближе прочтение произведения сквозь призму поэтики и эстетики киновестерна.

В рассказе «Конь на один перегон» присутствует целый комплекс сюжетных мотивов, аллюзий и интертекстуальных связей, отсылающих к типичным особенностям киновестерна. Несмотря на то, что вестерн как направление искусства находит реализацию не только в кинематографе, но и в литературе, музыке, живописи, в данном случае речь идет о влиянии на эстетику и поэтику рассказа Веллера именно киновестерна, так как для советского человека 1960–1970 годов были доступны, в основном, кинематографические варианты вестерна. Напомним, что в начале 1960-х в советском прокате с большим успехом прошел художественный фильм «Великолепная семерка» (1960) режиссера Джона Стерджеса, а летом 1974 года началось триумфальное шествие по экранам кинотеатров СССР картины «Золото Маккены» (1969) Джея Ли Томпсона. Не будем забывать и о популярных в нашей стране в 1960–1970-х кинофильмах восточногерманской студии «ДЕФА» с Гойко Митичем в главной роли.

В тексте веллеровского рассказа о скотогонах Алтая обращают на себя

текст

ДМИТРИЙ
МАРЫИН

внимание прямые маркеры отсылки к вестерну. Например, имя одного из персонажей рассказа — «Толик-ковбой». Образ ковбоя появляется и еще в одном рассказе Веллера, написанном на основе впечатлений от пребывания на Алтае, — «Мы не поедем на озеро Иштуголь» (1988). Характерно, что в главе «Скотогоны» из книги «Мишахерезада», посвященной полугодовой жизни Веллера на Алтае, уже нет отсылок к эстетике вестерна. В этой книге сделан акцент на реалистическое в ряде моментов даже натуралистическое воссоздание событий молодости автора.

Одним из центральных мотивов рассказа, сближающим его с киновестерном, является мотив перегона скота. Перегон скота — основа сюжетных линий многих американских вестернов, в том числе картины с участием Джона Уэйна, входящей в пятерку классических, наиболее значительных вестернов: «Красная река» (1948, реж. Говард Хоукс), а также таких фильмов, как «Далекый край» (1954, реж. Энтони Манн), «Перегон скота» (1951, реж. Курт Нойманн) и др. Разведение скота и связанная с этим субкультура ковбоев (стиль одежды, стиль «кантри» в музыке, родео и т.п.) — неотъемлемая часть истории освоения Дикого Запада. Перегон скота — давнее, традиционное занятие кочевых народов Алтая и русских поселенцев, что сближает в культурном плане историю освоения Алтая и американского Запада.

Еще один характерный для вестерна мотив, реализованный в рассказе «Конь на один перегон», — мотив фронта. Согласно американскому историку Фредерику Тёрнеру, который и ввел данный термин в научный оборот, фронт — граница американских поселений на Западе в период его колонизации, «место контакта дикости и цивилизации» [Тёрнер, 2009, с. 14].

Тёрнер утверждал, что в социальном плане фронт был «предохранительным клапаном», который давал Соединенным Штатам уникальный шанс смягчить социальную напряженность в обществе. Именно благодаря фронту формировались и постоянно воспроизводились идеалы свободы и демократии. Культурный аналог фронта в послевоенном СССР — Сибирь, Дальний Восток, советский Север, полные «темных личностей, скитающихся в целях «заколочивания» денег, — короче, территория, где живут «крутые» ребята» [Замятина, 2016]. Напарники Сиверина в рассказе — как и он сам, бывшие уголовники (в реальности, согласно «Мишахерезаде», Третьяк — бывший немецкий полицейский). На Алтай они прибыли «за длинным рублем» («расчет получим, рублей тысяча или больше даже, если хорошо дойдем, без потерь...» [Веллер, 2012, с. 383]). Главная особенность фронта — «свобода от устоев и традиций (общество состоит в большинстве из приезжих, еще не устоялось — нет и устоев), от классовых или сословных условностей, а при желании — и от своего прошлого. Свобода от каких бы то ни было государственных, общественных, правоохранительных органов» [Замятина, 2016]. Именно здесь, на окраине Советского Союза, царят свобода мысли, свобода личности, которых нет в метрополии. В приграничном Алтае воплотились нонконформистские идеалы Михаила Веллера. Однако, если в 1950 годы произошла идеологически успешная «смычка» сибирского фронта с процессом организации всеобщих ударных строек, то к 1970 годам высокий пафос в восприятии Сибири был уже утерян [Вайль, 2014, с. 103–104]. Карточная игра, более того, умение передернуть,

**В оформлении
страницы
использованы
фрагменты
графики
Аркадия
Казанцева**

способность постоять за себя, жизнь по неписаным законам данного микросоциума — вот ценности, которые котируются алтайским фронтиром в изображении Веллера.

Фронтир — это еще и место контакта европейской цивилизации с туземной. Действие рассказа разворачивается в долине алтайской реки Юстыд, которая известна своими археологическими памятниками: скифскими курганами, древней наскальной живописью. В поединке Сиверина с рыжим конем-монголом вновь оживает эпоха тысячелетней давности, когда здесь, в Чуйской долине, жили древние кочевые племена, когда человек был один на один с природой, когда конь был важной составляющей жизни и быта, спутником и товарищем мужчины-воина. В итоге фактически Сиверин не объезжает коня, не ломает его волю, а происходит взаимное приспособление коня и всадника друг к другу. В сцене объезды коня-монгола и всадника-русского происходит буквальное примирение двух цивилизаций, почти языческое слияние человека и животного. Так в рассказе появляется мотив двойничества. «У ручья конь затропился и стал пить, звучно екая, отфыркивая и переводя дух. Сиверин опустился на колени рядом, со стороны течения, и тоже долго пил. От студеной воды глотка немела и выступило на глазах.

Прикинув место получше, он вбил топором кол, привязал чумбур и снял с коня уздечку. Конь отошел на шаг и жадно захрумкал траву.

Постояв, куря и глядя, Сиверин помохнулся, и конь тоже пустил струю.

— Мы с тобой договоримся, паря... — улыбнулся невольно» [Веллер, 2012, с. 384]. Более того, Сиверин находит в лошади родственную душу. Характерно, что только с рыжим монголом герой Веллера делится своими планами на будущее — это единственный монолог, который произносит Сиверин в рассказе. Именно после поединка действие, казалось бы, стремится к гармонизирующему финалу, предтечей которого является монументальная картина ночного Горного Алтая, нарисованная воображением Третьяка и Кольки Милосердова в ходе их диалога. Еще одним символом интерференции двух культур и цивилизаций является монгольская монета в 5 монго, которую вместо нательного креста носит на шее Колька Милосердов.

Еще одним важным мотивом киновестерна является мотив построения общества [Cook, 2003, p. 845–868]. «Всех документов у него было справка об освобождении» [Веллер, 2012, с. 375] — единственная характеристика, которую дает Веллер своему герою в начале рассказа. Сиверин выключен из общества, он чужак для членов бригады, как и рыжий конь-монгол, которого не принимает табун скотогонов. Бригадир Третьяк не хочет брать Сиверина: «Иван сморщился, лысину потер: "Не брать тебя, дьявола... Да людей нет"» [Веллер, 2012, с. 376]. Неслучайно, только в сцене объезды одичавшего монгольского коня раскрываются личные качества героя, да и сам он, как будто, находит себя, и читатель впервые получает возможность увидеть психологический портрет Сиверина. Для Сиверина объездка коня — обряд инициации, принятия его в общество скотогонов, спровоцированный бригадиром Третьяком. «Мужски-лестное уважение» «Коня ничо ты сделал» [Веллер, 2012, с. 385], которым награждает Колька Милосердов Сиверина в конце рассказа, — знак признания его бригадой, включение в микросоциум скотогонов.

Непосредственное влияние на эстетику и поэтику веллеровского рассказа, как нам кажется, оказала знаменитая серия вестернов итальянского кинорежиссера Серджо Леоне. Фильмы Леоне до 1984 года в прокате в СССР не выходили. Но специалисты, узкий круг представителей богемы, были знакомы с ними [Карцева, 1976, с. 239–241]. Известно, что Никита Михалков снимал фильм «Свой среди чужих, чужой среди своих» (1974) под влиянием спагетти-вестернов Леоне с участием Клинта Иствуда. Да и сам главный герой рассказа Сиверин (Имя или фамилия героя? А, может быть, кличка?) напоминает сквозного персонажа трилогии Леоне — «Человека без имени» в исполнении Клинта Иствуда или более позднего, также безымянного, героя художественного фильма «Однажды на Диком Западе» (1968) в исполнении Чарльза Бронсона. Даже специфика именованного персонажа подчеркивает неопределенность его социального статуса, и даже некоторую психологическую близость. Как и «Человек без имени» у Леоне — «плохой герой», чей образ создан вне канонов положительного героя классического вестерна [Карцева, 1976, с. 240], приходящий из ниоткуда и уходящий в никуда, Сиверин — герой-одинок, вне канонов положительного героя соцреализма: бывший уголовник, не гнушающийся в карточной игре шулерских приемов, «скор на руку», неразговорчивый и замкнутый в себе, независимый, но, тем не менее, с четким представлением о законах дружбы, о качествах настоящего мужчины, со своим своеобразным кодексом чести, вовсе не совпадающим с «моральным кодексом строителя коммунизма».

Характерной особенностью вестернов Леоне является их притчевость. Рассказ Веллера, несмотря на реалистическую, и даже этнографическую основу, может быть рассмотрен и в аспекте притчи, параболы. Свобода, к которой стремится вышедший из заключения Сиверин, казалось, находится на просторах Алтая, на землях фронта. Объездка коня есть его подчинение, лишение свободы. Поэтому по законам фронта всадник и конь взаимно приспособляются друг к другу. Конь такое же вольное, свободное существо, как и сам Сиверин. Но свобода даже в условиях фронта не идеальна, как и сам фронт и его люди. Внезапно герой узнает, что прирученный им конь, уже ставший другом, подлежит в конце перегона сдаче на мясокомбинат. Конь — собственность государства, определившего его судьбу. Власть государства, как оказалось, и на фронте не менее действенна и всесильна, чем в метрополии. Судьба самого Сиверина также не будет безоблачной, ведь конь — его двойник. Решение Сиверина в финале рассказа: «Сам убью!» — не что иное, как отчаянный протест против воли государства, попытка сделать еще один шаг к настоящей свободе. ◀

* Интересно и то, что, согласно сценарию, действие фильма Михалкова происходит в «северных предгорьях Алтая». Итак, регион в творческом сознании традиционно соотносится с Диким Западом.

ВЛАДИМИР ИЛЬИНЫХ
БЕЛЫЕ ОДЕЖДЫ

Бийск, 2015

Иногда читаешь провинциальных авторов — и неудержимо тянет, рвет, как сказано в анекдоте про Штирлица, поговорить о теории прозы. Владимир Ильиных издал книгу рассказов о советских людях, уделив особое внимание партийной и комсомольской номенклатуре. Приятно, что книга написана со знанием дела, подкованной борьбой, бюрократических ходов, проработок на комсомольских собраниях и оруэлловского «новояза»: «В кабинет к Первому секретарю стягивались члены бюро. Они рассаживались за длинным столом, согласно месту, определенному партийной иерархией. Неторопливо знакомились с повесткой дня заседания бюро, вписывали замечания и предложения в проекты постановлений, обдумывали свои выступления. Впрочем, как правило, решения по многим основным вопросам, заранее обговаривались по телефону, оттого нередко на заседаниях царил единодушие. Авторитет Первого секретаря был незыблем, слово его — весомо».

Но именно в этой связи находится главный недостаток автора — излишнее растворение в материале. Между писателем и той пошловатой средой, которую он изображает — скупое, лапидарное, «с важностью необыкновенной», — не чувствуется ни вершка расстояния. Комсорг едет в деревню прорабатывать молодую учительницу, которая согрешила с подростком, комсорг созывает народное вече — учительницу увольняют. А деятель ВЛКСМ читает в гостинице Пастернака и готовится к очередному этапу «завершения Ленинского зачета». Точка.

В другом рассказе начальник милиции принуждает жену, большую раком, вступить в партию, чтобы самому получить новое назначение. Она докладывает комиссии о «решениях ...надцатого съезда», получает членский билет, потом умирает. В финале рассказа — традиционный символ: «Густой снег, опускаясь с декабрьского неба, быстро укутал одинокую фигуру причудливыми хлопьями, через минуту ее силуэт растаял вдали. Казалось, будто небесные ангелы в белых одеждах бережно подхватили женщину на свои крылья и унесли ввысь. Эта картина нечаянно привиделась секретарю приемной Аллочке...»

О своих героях Ильиных пишет пафосно, с библейской риторикой, ставя на одну доску смерть, небесное воинство и партком. Получается термоядерная смесь абсурда, соцреализма и Владимира Сорокина. У последнего хотя бы «советский рассказ» взрывался глоссолалией и разрушением языка. Ильиных не разрушает

неправедный, сюрреальный мир. Писатель, хоть и изображает среду достоверно, — органическая часть, плоть от плоти советских кривляк и шутов гороховых, которые долбят решения съезда и одновременно умиляются сиянию золотогоглавых церковей (тут нет противоречия). Книга интересна и написана не без таланта, но эффекты не рассчитаны художником, наивны, а материал разоблачает сам себя. Приходится признать: порою человеческий документ — сильнее созданий гения и таланта.

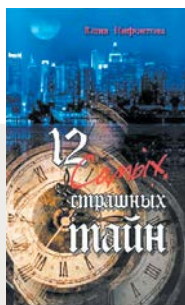
Выйдет
в 2017 году

ВЛАДИМИР ТОКМАКОВ
**ЗАПРЕТНАЯ КНИГА
БЕЛОГО БУРХАНА**

«Провинциальный писатель пишет не для денег и славы, а потому, что не может не писать», — говорил Владимир Токмаков. В начале нулевых на волне интереса к исповедальной прозе он издал книгу в Санкт-Петербурге. Но тренд сменился, и автор занялся чистым искусством. «Запретная книга Белого Бурхана» — политический триллер с элементами детектива и антиутопии. Книга написана на алтайском материале, главный герой — журналист, который «ищет себя» и по совместительству — рай на земле, тихую гавань, городок Бурханостан. Роман отличается небольшим объемом, в нем, вопреки авторской привычке, почти нет шаржей на деятелей провинциального бомонда, историческая, этнографическая часть сведена к минимуму: мы наблюдаем чистое действие и экзистенцию. На каждой второй странице герой достает из кармана сигареты (сдают нервы), на каждой третьей — идет дождь, тот самый крупный руанский дождь из рассказов Мопассана. Напрасно ломали копыя остроумцы барнаульских СМИ — Токмаков не хочет стать вторым Коробейщиковым, мистика в его текстах — просто лавровый листик, случайно упавший в суп, отвлекалочка для детей. К достоинствам романа следует отнести пластичный, сжатый язык. Владимир дробит текст на мелкие главы, ориентируясь на клиповое мышление читателя. Ядерная республика, город-государство «где-то в Горном Алтае» гибнет от нелепой случайности, железно вписанной в сюжет. Удалось ли автору внушить к фабуле доверие? Я полагаю, да. Третья часть книги отмечена катарсисом. К глазам подступают слезы: «А счастье было так близко, так возможно...» Даже легкий налет либеральной риторики не может отравить удовольствие от динамичной прозы. Может быть, не стоило гробить юность на поиски святого Грааля, а легко, играючи писать детективы? Бог весть. Тот, кто купит эту книгу, не пожалует о личном

времени: автор умеет, развлекаая, поучать и озорно говорить о серьезных предметах. Токмаков, мешая важное и пустяки, микшируя жанры, сопрягая философию и скабрёзности, надписи из клозета и молитвы в храме, знает главное о читательской душе: она жаждет нескучного рассказчика, как уставшие охотники у первобытного огня. Трикстера не успеют пришить за вранье, дипломатичную Шахерезаду не убьют, мастер стенд-апов не усыпит аудиторию. Весной книга выйдет, и вы убедитесь в этом сами.

ЮЛИЯ НИФОНТОВА

12 САМЫХ СТРАШНЫХ ТАЙН

Барнаул, 2016

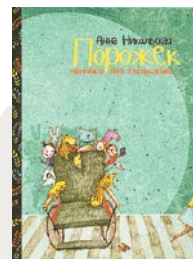
Юлия Нифонтова принадлежит к числу писателей тургеневского типа. Классик утверждал, что большинство произведений написал с натуры и признавался: «Я никогда не умел сочинять». Проза Нифонтовой имеет все достоинства и недостатки этой творческой системы — потрясающие словесные находки, живость персонажей и бесформенность текста, отсутствие концепции. Так называемая неприкрашенная действительность — та же условность и знаковая система, к сожалению, ничего общего не имеющая с каркасом хорошей новеллы. Большинство произведений сборника — сырой исходный материал, замаскированный под прозу. Он интересен, но имеет полное сходство с газетными ужасами, и вместо эстетических переживаний вызывает скорее нездоровое любопытство, а иногда — неловкость или отвращение.

В новую книгу барнаульской писательницы вошла старая и новая проза. «12 самых страшных тайн» — verbatim, несколько повествований от первого лица, главные герои — посетители клуба анонимных алкоголиков, повесть «Мама, это не та больница!» — love story про самоотверженную женщину и альфонса-наркомана. Рассказ «Изысканный бродит Жерар» — точное и трагикомическое повествование про другого альфонса, «позта», который окучивает молодых романтических дамочек.

Что сказать в пользу книги? Нифонтову всегда выручала самоирония и добрый юмор. Женский взгляд на гендерные проблемы уравнивается русской при-

вычкой к самоанализу и русской же смеховой культурой, о которой так много писал Михаил Бахтин. Однако архитектоника, архитектура текста у Юлии всегда проигрывала отечественным образцам новеллистики.

Авторам такой прозы — трагичной, смешной, пластичной, полной «мяса, крови и слез», хочется сказать: все-таки литература — бизнес жесткий, прозаики отдельно, документалисты отдельно. Смешение жанров сродни приготовлению «ерша» — голова будет болеть не у автора, а у читателя.

АННА НИКОЛЬСКАЯ

ПОРОЖЕК

Барнаул, 2015

Детская литература — вещь изначально конвенциональная и не предполагает особой глубины. Анна Никольская, создавая «Порожек», одновременно и соблюла, и нарушила ряд незыблемых правил детского чтения, поэтому ее книга особенно интересна. В центре повествования — переживания семилетней девочки с болезненно развитым воображением, физического инвалида и почти аутиста. Ее рассказ о собственной семье, стилистически весьма вычурный, тем не менее, лишен внешнего психологизма и полон психологизма внутреннего, брызжет подтекстом. Девочка видит мир, как объективная и бесстрастная телекамера, но фиксирует семейную драму так, что понять ее может лишь взрослый читатель. Семья больной девочки — классический союз истерички-мамы, которая мечтает о переезде в Аризону, от которой пахнет «латте, арабикой и дорогими духами», и безвольного программиста-папы. Под жернова семейных скандалов попадает девочка в инвалидной коляске. Порожек в квартире, непреодолимый для ее сноровки, порожек, который папа месяцами не может убрать, спилить, уничтожить, — символ тотального непонимания между людьми. Сама книга написана весьма искусно, на благородных постмодернистских полутонах, раздолье для филолога. С другой стороны, она неизбежно превращается в отвратительный салат цитат, аллюзий и примет красивой жизни. К достоинствам книги следует отнести последовательное развитие повествования. Читатель узнает новые подробности не вдруг: автор имеет понятие об интриге. Это психологическая драма с мрачным финалом, рассказ о тщете человеческих усилий, людской глупости и тотальном непонимании. То есть, безусловно, произведение для взрослых.

КСТАТИ

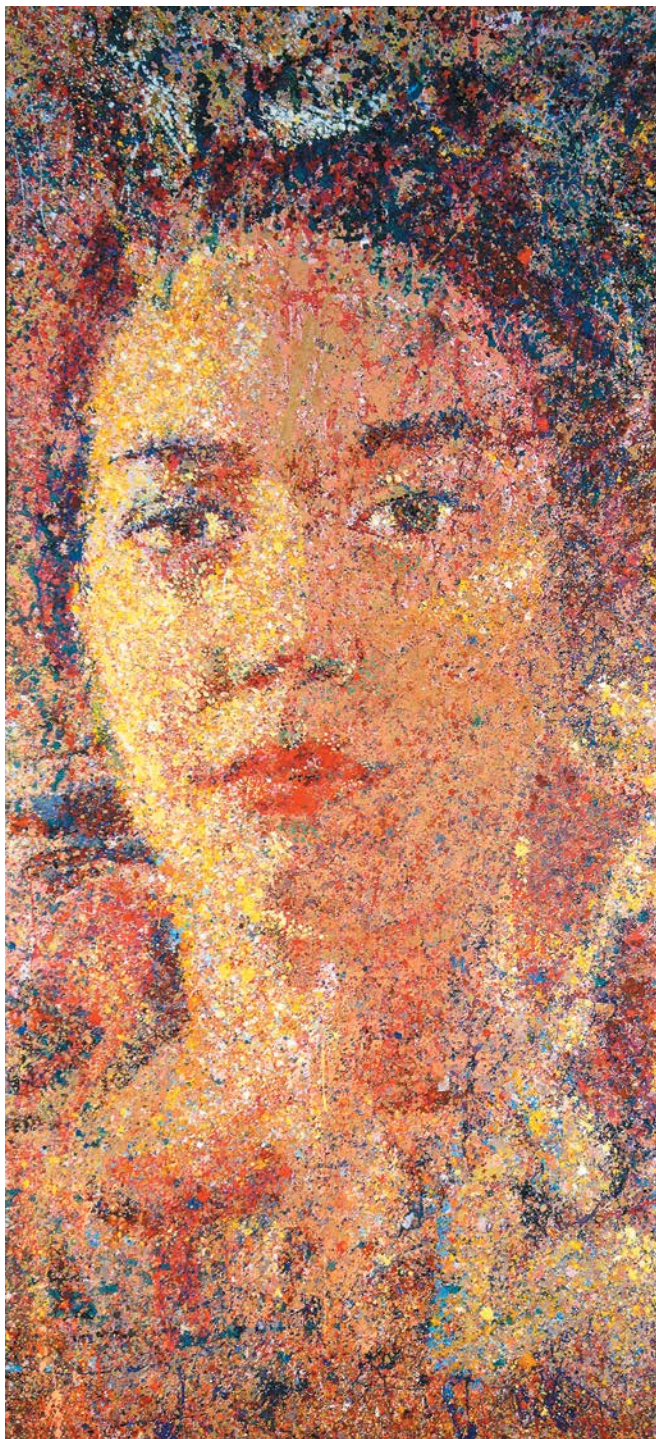
В ноябре 2016 года книга Юлии Нифонтовой «12 самых страшных тайн» вышла в издательстве «AltaSpera Publishing & Literary Agency Inc» (Торонто, Канада).

Книги читал и рецензировал
Константин ГРИШИН

/ Галерея «Республика ИЗО»

МОЛОДЕЖНЫЙ ЗАРЯД

В сентябре «Республика ИЗО» выставила более ста работ молодых художников Барнаула и Новоалтайска

Иван Мозговой. Диптих. Правая часть. 2016.
Ткань, акрил.
Фото предоставлено галереей

Галерея четвертый год подряд осуществляет проект «Собрание», который имеет две задачи — предоставлять начинающим художникам опыт участия в выставках (каждый автор получает сертификат участника) и открывать региону новые имена.

Отбор работ для «Собрания» проходит лишь по номинальным критериям, которые касаются в основном оформления. Критерий качества в расчет не принимается. Зрители и исследователи видят полную картину молодежного искусства, такую, какая есть, без выборки, с сильными и слабыми сторонами.

В итоге на выставке можно было увидеть живопись, графику, фотографии, предметы декоративно-прикладного творчества и даже авторскую вышивку.

Живопись и графика заняли самые большие залы галереи. Отдельное выставочное пространство было у фотографии, а также у спецпроекта от студии экстремального рисунка «К. Э. Р. О. Н». Кэроновцы выставили почти двести рисунков обнаженной натуры, которые созданы за четыре года их деятельности.

Особенностью молодежных выставок является стилистическое разнообразие, которое так редко встречается на коллективных вернисажах «союзных» художников. Каждый зритель мог найти что-то свое.

Хотелось бы отметить молодых авторов, произведения которых по-настоящему обогатили визуальный ряд выставки.

Великолепный дебют в «Собрании» получился у Ивана Мозгового. В отличие от своего отца, Сергея Мозгового, Иван работает не только с деревянной скульптурой. Его экспрессивно-живописный «Диптих» стал визитной карточкой всей выставки. Работа содержит тот самый молодежный заряд, которого и ждут, и ищут на выставках такого формата.

Роман Ведяйкин в статусе начинающего автора подготовил для выставки визуально насыщенную инсталляцию «Бревна Фаберже», щедро приправленную постмодернистской иронией.

Хороший, умный проект представил Иван Быков. Многосоставная экспозиция «Архитектура структуры» отображает изменение архитектурной структуры во времени.

Анастасия Гриценко выстрелила на выставке оригинальными ассамбляжами — картинами, на которые приклеены предметы. К сожалению, работы Анастасии уже не так новы — 2010 и 2012 годы, поэтому сложно сказать, в какой форме художник в настоящий момент, и как изменилось ее творчество.

А вот произведения Юрия Гребенщикова излучают профессиональную стабильность, по ним заметно, что художник все больше работает с цветом, полностью заполняя темперой графический рисунок.

Не только преподаватели (а среди них Иван Быков и Юрий Гребенщиков), но и студенты факультета «ИнАрхДиз» приносят на выставку произведения хорошего уровня, демонстрируя при этом техническую

разносторонность. Отметим, прежде всего, цифровую графику Сергея Подковыркина и рисунки в технике фьюмаж (рисование дымом от свечи) Ксении Зайцевой.

Новоалтайское художественное училище в очередной раз доказало, что его ученики, в первую очередь, сильны станковой живописью и печатной графикой. Пейзажи, портреты и натюрморты учеников НГХУ радовали техникой, однако в этот раз не баловали зрителя оригинальными идеями.

Одним из хитов выставки стали произведения Антона Кондакова, также дебютанта «Собрания». Пейзажная живопись в исполнении Антона близка к салонной. Тщательная выписанность, лаковый блеск поверхности вызывают у публики традиционное уважение.

Альтернативный способ изображения выбирают Александр Пошелюжин, Алёна Нестерович, Артём Лютцев, Артём Панин, Наталья Дрилёва; в их произведениях чувствуется домоощенная самобытность, и она также находит своего зрителя.

Похвального слова достоин фотограф Александр Коньков, который не останавливается на прошлых достижениях и пробует новое. В этот раз Александр принес на выставку несколько фотограмм, которые, по сути, являются монохромными абстракциями. Фотограммы создаются при помощи просвечивания предметов, без участия фотоаппарата.

Снимки Рузанны Зурабян, в отличие от работ Конькова, — абстракции в цвете. Сочетанием цвета и композицией фотокартины Зурабян напоминают о живописи Марка Ротко.

В этом году «Собрание» недосчиталось нескольких сильных авторов, которые раньше не пропускали выставки в галерее «Республика ИЗО». Сменили прописку Александр Закиров, Иван Дмитриев, Кристина Домбровская.

Но художники мигрируют не только из нашего города. Татьяна Ивахнова переехала в Барнаул из Новосибирска и представила на «Собрании» монументальную живопись хорошего уровня. Заметим, что в наших краях вакансия молодого художника-монументалиста была открыта уже давно.

Ежегодную молодежную выставку «Собрание» можно и нужно считать хорошо зарекомендовавшим себя проектом, единственным в своем формате для Барнаула. Да, конечно, есть еще и «Аз. Арт. Сибирь», но это уже проект межрегиональный и правила участия в нем намного жестче. Тем не менее, проект «Собрание» выполняет свои задачи и является для многих молодых художников Барнаула и Новоалтайска необходимой стартовой площадкой.

Александр РЫЖОВ

/ Государственный художественный музей Алтайского края

НАША АНТИЧКА

Государственный художественный музей Алтайского края посвятил Году культуры Греции в России и России в Греции отдельную выставку. Экспозиция «Путешествие по Греции» открылась в октябре

Произведения античного искусства VI–II вв. до н. э. предстали пред зрительские очи после многолетнего перерыва и напомнили о богатстве и разнообразии музейных фондов.

Основу экспозиции составили четырнадцать оригинальных керамических сосудов для хранения и питья. Краснофигурная пелика и чернофигурная амфора, чернолаковые гидрия и канфар, килик и арибалл, скифос и лекифы с разной росписью, мегарская чаша, знаменитая терракотовая женская статуэтка из Танагра и трагическая театральная

маска представили искусство Древней Греции от классики до эллинизма — времени расцвета античного керамического художественного ремесла. Совершенство форм и росписи древней греческой керамики позволяет бесконечно любоваться древними сосудами.

Раздел экспозиции, представляющий художников XIX века, отражает фундаментальное влияние античной культуры на русскую культуру. Фёдор Толстой, русский художник периода классицизма, поэтически воссоздает атмосферу античного мира в барельефах на тему «Одиссеи» Гомера. Строгая композиция, правильный рисунок и виртуозная техника исполнения в его работах («Пир женихов Пенелопы», «Одиссей убивает женихов Пенелопы» 1820 г.) выступают как идеал, как мечта о классике.

Произведения Гомера в российском обществе XVIII—XIX веков имели особое значение. Переводы его поэм блестящим поэтом Василием Жуковским повлияли на формирование национального эпического сознания, русского литературного языка, типы художественного мышления. Изучение древнегреческого и латинского языков стало неотъемлемой частью классического образования русских людей. Немало своих произведений посвятил античной теме сын поэта — живописец Павел Жуковский. Он создает идилическую пастораль «Дафнис и Хлоя» (1889), в основе которой лежит древнегреческий роман Лонга. Картина выполнена в академической манере.

Тема античности в советском периоде представлена книжными иллюстрациями в технике ксилографии выдающихся советских графиков Владимира Фаворского и Геннадия Епифанова.

Владимир Фаворский иллюстрирует трагедию Софокла «Эдип», художник обращается к образу Эдипа, величайшей фигуре греческой и мировой драматургии. Его произведение выполнено в технике торцовой гравюры на дереве. На листе — сосредоточенный Эдип и кровожадная Сфинкс, задающая трудную загадку герою.

Неизвестный художник. Чернофигурная аттическая амфора. VI в. до н.э. Фото предоставлено ГХМАК

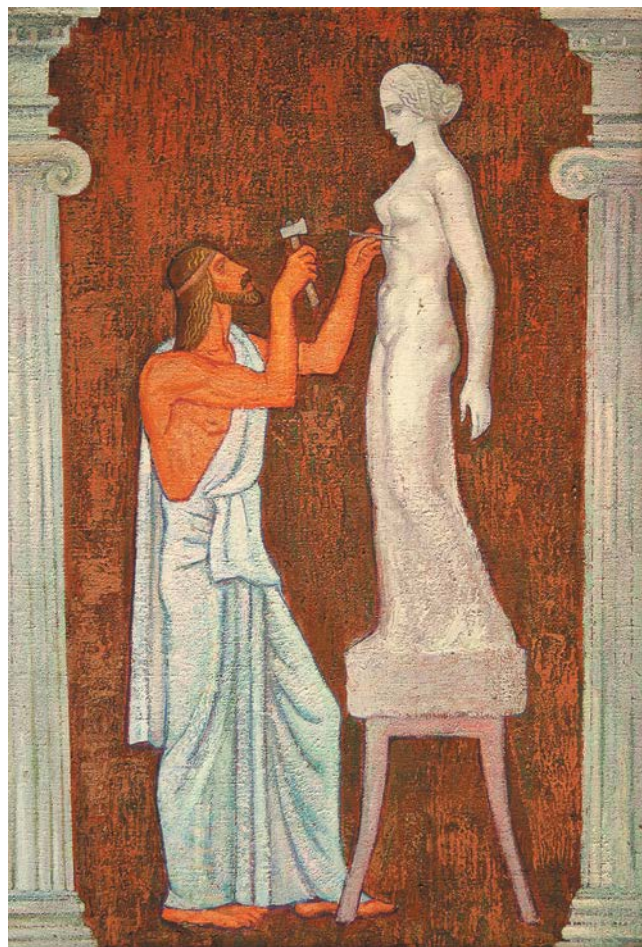

Геннадий Епифанов — автор серии гравюр на дереве — иллюстраций к «Одиссее» Гомера. Они были отмечены дипломом на Всесоюзном конкурсе «Лучшие книги 1958 года».

Виталий Волович в 1970–1980 годы выполняет иллюстрации к трагедии Эсхила «Орестея». Стилистика офортов «Смерть Агамемнона», «Скорбь» близка к языку авангарда и вместе с тем передает характер древнегреческой драмы. Известный российский художник-монументалист Элеонора Жаренова в станковом творчестве — автор графических циклов на античную тему. В акварелях «Икар», «Крымская Афина» она создает обобщенные образы, немногословные, суровые и поэтичные. Кроме того, затрагивает тему исторического наследия, общих культурных ценностей России и Греции, отсылая к истории полуострова Таврида (греческие поселения на побережье Крыма, особенности быта, культуры, верований, упоминание в мифах).

Скульптура в экспозиции представлена работой в камне Вениамина Сидоренко «Спящий философ» и серией бисквитов Александра Задорина «Античный мотив». С иронией и любовью скульпторы создают в лаконичных вещах сильное и пространное поле ассоциаций.

Связь античности и современности через переосмысление и переработку литературного наследия рассматривают в своих работах современные живописцы. Художники Илзе Рудзите (триптих «Пигмалион и Галатей»), Марина Биттер («Похищение Европы»), Анатолий Калашников («Аркадские пастухи»), Владимир Фатеев («Прометей») создают произведения полные смыслов и метафор.

Илзе Рудзите. Пигмалион. Часть триптиха.
1973. Холст, темпера.
Фото предоставлено ГХМАК

Дополняют выставку работы алтайских художников, не входящие в фонды музея. Графические серии Ларисы Пастушковой («Метеоры», «Афон — обитель Богородицы», «Греческая керамика») и картина Валерия Октября («Метеоры. Греция») раскрывают тему Греции как оплота православия, оказавшего влияние на русские духовные традиции. Путешествуя по современной Греции, художники были поражены мощью и изяществом греческих монастырей-метеоров, венчающих скалы, историей и величием Святой горы Афон, прикосновением к многочисленным святыням. Они открыли для себя духовную близость наших народов.

Работы Евгения Октября («Афины», «Старый город») отсылают нас к живописным греческим ландшафтам с удивительными архитектурными памятниками, со старыми улочками. Юлия Кикоть двумя произведениями на греческую тему («Прилетели», «На пути») выражает трепет и преклонение перед классикой. Эти чувства знакомы каждому художнику со времен учебы в художественных школах и училищах.

Античность во все времена — источник творческих сил и вдохновения.

Евгения ШКОЛИНА

/ Томский художественный музей

ГРАФИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

Алтайские рисовальщики приняли участие
в VI Томской всероссийской триеннале
«Рисунок России»

«Рисунок — это графическое эсперанто, язык, который понимают и на котором говорят все виды искусства. Считается, что рисунок может выражать индивидуальный темперамент художника и настроение целой эпохи. Являясь первоосновой для других видов искусства, рисунок интимен по своей сути, это чаще всего дневниковые записи, созданные для себя и поэтому очень откровенные. Оригинальный рисунок стал в последнее время изысканной областью искусства, в которой работают только глубоко убежденные, посвященные люди, классически образованные художники, — эти слова о рисунке принадлежат томскому искусствоведу, бесменному куратору и автору выставочного проекта Томской всероссийской триеннале «Рисунок России» Татьяна Николаевне Микуцкой.

Проект этот воистину уникален, так как стартовал и продолжает действовать на площадке Художественного музея.

Когда в 2001 году открывалась первая выставка, в успех проекта верили только энтузиасты, но затем, с завидной регулярностью, каждые три года, музейные залы стали принимать новые интереснейшие экспозиции, так было и в 2004, 2007, 2010, 2013 годах. В нынешнем году проекту 15 лет. И если в первой триеннале приняли участие всего 98 художников из 12 городов России, в том числе алтайские графики: Людмила Кульгачева, Владимир Максименко, Аркадий Казанцев, Пиргельди Широ и другие, — то уже экспонентами выставки 2013 года стали 450 художников из 62 городов Российской Федерации: от Архангельска до Курил и от Норильска до Дагестана. Три года назад Алтайский край в Томске представляли 8 рисовальщиков.

Выставочный проект «Рисунок России» 2016 года проводится при поддержке Министерства культуры России

Дмитрий Петренко. Обнаженная. 2015.
Бумага, карандаш. Фото предоставлено ГХМАК

(грант ФЦП «Культура России») и Администрации Томской области. Его география также широка: от Калининграда до Приморья. Выставком рассмотрел более 900 оригинальных работ. Сотрудники Государственного художественного музея Алтайского края, выступающие ответственными кураторами алтайской части выставки, отобрали работы 19 авторов, как ведущих, так и молодых художников Алтая.

Ни для кого не секрет, что до сих пор нечасто можно увидеть рисунок, как таковой, на крупных региональных, республиканских, да, что и говорить, краевых, областных или даже городских выставках. Настоящих рисовальщиков, как говорится, «рисовальщиков от Бога», немного. Немного их и у нас на Алтае. Прекрасно рисовал Василий Рублев, мастером графического экспромта был Владимир Квасов, королевой рисунка и сегодня большинство профессионалов признают Татьяну Ашкинази. Именно рисунок сделал известной на всю Сибирь художницу Людмилу Кульгачеву, которая в анкете для Томской триеннале 2007 года написала: «Чем больше налагаешь на себя ограничений, тем больше освобождаешь дух. То, что лишает меня сопротивления, лишает меня и силы. Моя свобода в рисовании заключается в том, чтобы двигаться в тесных рамках, которые я сама себе обозначила».

Красиво и с любовью говорят о рисунке другие художники, которым доводилось когда-либо быть участниками триеннале. Вадим Спесивцев из Новокузнецка считает: «Тот не понимает мир, кто не умеет читать линию. Рисунок есть каллиграфия мысли автора на плоскости». Ринат Харисов из Уфы восклицает: «Рисунок — вибрация души на кончике карандаша». «Рисунок должен иметь собственное лицо, быть свободным, послушным замыслу художника, обладать глубокой насыщенностью чувств и мысли», — говорит Геннадий Малиновский из Читы.

8 октября 2016 года состоялось торжественное открытие выставки с участием почетных гостей, Администрации Томской области, художников и многочисленных любителей

рисунка. Значимость проекта трудно переоценить. Томский областной художественный музей, некогда поставивший перед собой цель проанализировать современное состояние рисунка в России, справляется с ней блистательно, проект не только прирастает новыми территориями и художниками, но и раз от раза работы, представляемые на конкурс, становятся более серьезными и значительными.

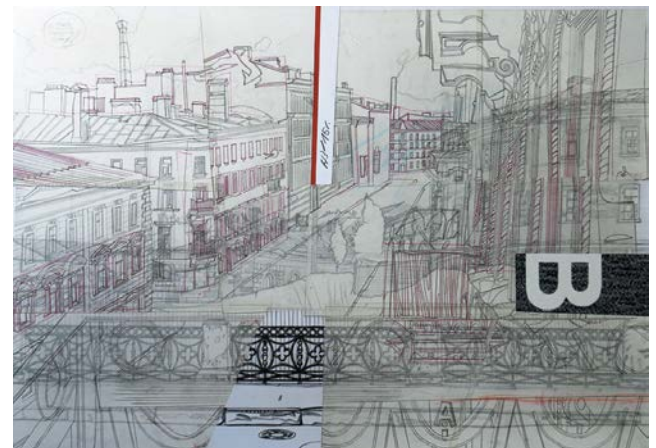
Накануне открытия в залах выставки работало межрегиональное жюри, ведь Томская всероссийская триеннале «Рисунок России» — это еще и выставка-конкурс. В работе жюри приняли участие ведущие российские и сибирские искусствоведы и художники: Вадим Иванкин (Новосибирск), Сергей Ануфриев (Красноярск), Михаил Паршиков (Новосибирск), Марина Чертогова (Кемерово), Елена Худоногова (Красноярск), Ирида Федчина (Иркутск), Людмила Богомолова (Омск), Татьяна Микуцкая (Томск), Наталья Царёва (Барнаул), Татьяна Кубанова (Санкт-Петербург). Председательствовал в жюри известный московский художник, ректор МГАХИ им. Сурикова, народный художник России, действительный член Российской академии художеств, член президиума РАХ, профессор Анатолий Александрович Любавин.

Лучшие работы выставки нашли свои заслуженные награды. Шестнадцать художников получили дипломы. Диплом первой степени увезла в Челябинск художница Любовь Серова, дипломами второй степени наградили Оксану Косенко из Красноярска и Салавата Гилязетдинова из Уфы, дипломы третьей степени достались художникам Людмиле Плисецкой из Оренбурга, Александру Мортаеву из Красноярска и Николаю Зайкову из Барнаула. Десять поощрительных дипломов отправились в Пермь, Омск, Иркутск, Енисейск, Томск, Уфу, Улан-Удэ, Новосибирск и Москву.

В экспозиции VI Томской триеннале можно увидеть работы алтайских рисовальщиков: Аркадия Казанцева, Сергея Боженко, Евгения Олейникова, Дмитрия Петренко, Ларисы Пастушковой, Полины Горбуновой, Николая Короткова, Пиргельди Широга, Ольги Царёвой, Дмитрия Плохих, Ивана Быкова, Юрия Гребенщикова, Евгения Югаткина. Наши художники представили на выставку портреты, пейзажи и абстрактные композиции, отдельные работы и графические серии.

Искусство алтайских рисовальщиков подкупает разнообразием приемов, техник и материалов, а главное, высоким профессионализмом, особенно радует молодежь, смело штурмующая Олимпы крупных выставочных проектов.

Наталья ЦАРЁВА

Николай Зайков. Реконструкция Новой Голландии (из серии «Белая ночь»). 2015. Бумага, коллаж

Мастера

В декабре 2016 года два известных алтайских художника Андрей Арестов и Александр Шишкин отмечают шестидесятилетие

Андрей Арестов.
Весна
на Демидовской
площади. 2011.
Холст, масло.
40x50.
Собственность
ГХМАК

текст

НАТАЛЬЯ
ЦАРЁВА

Творческие судьбы Арестова и Шишкина в чем-то схожи, в чем-то разнятся, и за многие годы не раз пересекались, сходились-расходились. Художники обретали известность у зрителей, авторитет среди коллег, то, что сегодня можно назвать признанием в искусстве.

Александр старше Андрея всего на три дня, он родился

десятого декабря, а Андрей тринадцатого. Шишкин родился в Барнауле, Арестов в Новосибирске, но оба учились в Новоалтайском художественном училище и окончили его в один год. В 1981 году они получили дипломы, в 1993 — членские билеты Союза художников России. Между этими датами двенадцать лет самосовершенствования и полной самоотдачи.

Как-то в музей пришел преподаватель Новоалтайского художественного училища Ильбек Сунагатович Хайрулинов и сказал, что двое ребят вернулись из дома творчества «Академическая дача» и привезли очень хорошие работы, и надо бы музейным сотрудникам их посмотреть. Именно тогда я и познакомилась с молодыми художниками.

Академическая дача имени И.Е. Репина или «Академичка», как между собой называют ее художники, — один из старейших домов творчества в России. Здесь и в XIX веке творили живописцы: Илья Репин, Архип Куинджи, Исаак Левитан, Валентин Серов и сотни других российских художников, влюбленных в русские просторы, красоты Тверского края. Среднерусский пейзаж совсем не похож на привычный для нас алтайский. Там все другое. Надо иметь очень тонкий живописный вкус, чтобы почувствовать неброскую, неяркую красу средней полосы России и по-своему передать то, что, казалось бы, миллион раз писано-переписано другими художниками.

Скромные, серебристо-серые этюды небольшого размера и сейчас стоят у меня перед глазами, а ведь на них не было ничего необычного, просто деревянные домики и сараи, снег и небо, лес и озеро, солнце и воздух. Да-да, именно воздух, он какой-то особенный — русский, от которого перехватывает дыхание и комок подступает к горлу. Не полюбить намоленное столькими художниками место просто невозможно.

Звание пейзажистов надолго закрепилось за обоими художниками.

После «Академички» Александр Шишкин будет много путешествовать с этюдником по стране, побывает на Байкале, в Горном Алтае, и не раз еще будет писать природу средней полосы России.

«Зима в Малоярославце» (2012) — один из шедевров художника, и хранится он в Государственном художественном музее Алтайского края. Картина сразу привлекает внимание, потому что трудно найти в России человека, не влюбленного в малые русские города, с их древней и героической историей, с их величественной архитектурой. Тих и поэтичен мотив Шишкина: мы любимся искрящимся снегом и инеем, тонкими белоствольными березками с остатками золотой листвы, бревенчатыми домами с заснеженными крышами, изящным силуэтом церковной колокольни на фоне зимнего золотистого неба и даже ветхим забором.

Живописи Александра присущи трепетность и лиричность, изысканная цветовая палитра. Подобные тонкость и ясность были свойственны лишь художникам конца XIX века — Левитану, Юону, Крымову. Шишкин уверенно продолжает живописную традицию корифеев. На его полотнах плывут живые цветные облака, тает по оврагам последний залежавшийся снег, мутное солнце жметя к ветвям замерзших деревьев, бирюзовые воды реки плещутся о берег, ломая хрусталь тонкого осеннего льда.

Андрей Арестов — мастер пейзажа-настроения. В основе его работы всегда натуральный этюд, данный через впечатление. Арестов пишет только тогда, когда по-настоящему зацепило. Художник любит писать город, будь то Барнаул, Санкт-Петербург или Париж. Попав однажды, еще в молодости, в Тобольск, он будет приезжать в этот город вновь и вновь. Старинный сибирский город, его люди, история и архитектура увлекают его, он знает каждый уголок города-музея. Он много писал и деревянный

Все фото предоставлены ГХМАК

Александр Шишкин.
Память. Скульптор
Юрий Мингулов. 2010.
Холст, масло.
140,5x108,3

Андрей Арестов.
Альмира (портрет
Альмиры Лисицкой).
 2010.
 Холст, масло.
 144,5х55,8

Александр
Шишкин.
Память.
 2006.
 Холст, масло.
 140х100,4

город, и каменный кремль, соборы и колокольни, холодные воды Иртыша, монастырские стены и старые деревья. Но сколько бы ни прошло лет, сколько бы ни было написано этюдов и картин, художник с особым чувством вспоминает свою первую встречу с Тобольском: «Когда я подъезжал к нему, то увидел легендарную природу: Иртыш, болота, Ханские луга — место охоты Кучума. С этих лугов открывается прекрасный вид на кремль, стоящий на Троицком мысе. Великолепное зрелище! Я приехал зимой — все в снегах, небо в белых облаках. И кремль предстал плывущим в этой белизне! Незабываемые впечатления».

Городской пейзаж в исполнении Андрея Арестова не просто вид, а переживание, откровение.

Когда Андрей как пейзажист открыл для себя Санкт-Петербург — город белых ночей, дворцов и парков, каналов

и мостов, пленэры в Санкт-Петербурге стали для него жизненной необходимостью. И ему уже неважно, пойдет ли, ветер или солнечный зной, шумная площадь или тихая подворотня, он может с маленьким этюдником всю ночь простоять под фонарем, чтобы написать небо.

Импрессионистическая манера, свежий взгляд, яркая эмоциональная окрашенность — в этом неповторимый художественный почерк алтайского живописца. Его работы не теряются среди огромного количества этюдов, написанных российскими художниками в городе на Неве, они находят своих почитателей. Порой прохожие превращаются в зачарованных зрителей прямо на улице, у раскрытого этюдника и еще незавершенной работы.

Пейзаж не единственный жанр, в котором с увлечением работают Александр Шишкин и Андрей Арестов. Художники обращаются к портрету, натюрморту, интерьеру. Да что там жанры,

Андрей Арестов. Крюков канал. 2008. Холст, масло. 50х80. Собственность галереи «Кармин»

когда они покоряют и другие виды искусства, в частности, монументальную живопись.

Мне же нравятся портреты, глубокие, психологические, как, например, портрет художника и поэта Юрия Мингулова. Александр Шишкин назвал его «Память. Скульптор Юрий Мингулов» (2010). Очень трепетно, взволнованно пишет художник портрет друга. Творческая мастерская Юрия Мингулова находилась в подвале жилого дома, достаточно стесненное пространство было сплошь заставлено работами, здесь же материал для будущих скульптур: глина, гипс, дерево, камень, книги, альбомы по искусству и сборники стихов. Юрий писал стихи, превосходно знал русскую и зарубежную поэзию, был интересным собеседником и добрым человеком, друзья любили приходить к нему в мастерскую и часто засиживались до поздней ночи. Его ранняя смерть стала для многих невосполнимой утратой. Александр Шишкин изобразил Юрия Мингулова в интерьере мастерской. Столь привычную для художника обстановку интересно

рассматривать зрителям, ведь здесь, в этих сумрачных и таинственных стенах, создавались произведения искусства. Их автор смотрит прямо на зрителя, его фигура дана в контржуре, источник света — за его спиной, лицо, руки погружены в тень, во всем облике скульптора чувствуется усталость и затаенная грусть. Портрет — дань памяти другу, и поэтому на переднем плане живые цветы — синие фиалки.

Андрей Арестов тоже любит портретный жанр и однажды удивил зрителя подлинным шедевром. Художественный музей Алтайского края и сегодня гордится, что стал его обладателем. Это портрет искусствоведа Альмиры Лисицкой — «Альмира» (2010). Сам художник, немного смущаясь, так говорит о портрете: «Картина будто немного неграмотно написана, в живописи принято держать общий тон и разница между черным и белым не дается так контрастно. Но ведь у каждого из нас сама жизнь контрастная: черное — белое, хорошее — плохое, всякое. Я потом думал, что, если бы сделал все по правилам, потерялась бы выразительность. Еще здесь очень активный фон, но когда мы смотрим на работу,

то видим прежде всего портрет. И это была сложная задача — заставить портрет звучать в таком окружении».

И действительно, портрет очень необычен, хотя сюжет его достаточно тривиальный: искусствовед в мастерской художника. Очень узкий, вертикально вытянутый холст. На фоне цветных драпировок, холста, сползающего с занавешенной неоконченной картины, живых цветов и фарфоровых винтажных кукол — всего этого околохудожественного хлама изображена молодая женщина в белой блузке, сидящая на самом краешке стула, витая спинка которого видна за ее спиной и еще больше подчеркивает барочность всей композиции. Именно эта чудесная реальность, а еще огромная нежность художника, с какой он пишет свою героиню, делает портрет столь запоминающимся и неповторимым.

Живописцев Андрея Арестова и Александра Шишкина сегодня называют «мастерами». Они находятся в расцвете творческих сил, их работы востребованы, а выставки посещаемы, их имена звучат не только по-русски, по-английски, по-французски, но и по-китайски. Зритель любой страны счастлив соприкоснуться с настоящим искусством. ◀

Полёт

текст

ЕВГЕНИЙ
ПЕШКОВ

В художественном музее Алтайского края в июле — сентябре работала персональная выставка Дарьи Дёмкиной «Музыка внутри». Это был дебют художницы на площадке ГХМАК

Дарья Дёмкина.
Вечность.
Триптих. 2015.
Холст, масло.
110x150

На выставке демонстрировались 24 живописных произведения, написанных в период с 2006 по 2016 год.

Человек неумной творческой фантазии, Дарья Дёмкина работает на стыке символического направления и примитивизма, главный жанр ее творчества — сюжетно-тематическая композиция. В нашем крае, где в изобразительном искусстве господствует реалистическая школа, таких художников немного. Назовем имена еще двух широко известных авторов, пишущих в схожей манере: Александр Андрусенко, художник из Поспелихи, и Юрий Юрасов, живописец, успешно работавший в Кузбассе, а теперь на Алтае и в Москве.

Безусловно, Юрасов оказал большое влияние на творчество Дёмкиной, вместе они провели ряд совместных выставочных проектов. Однако Дарья Дёмкина выработала исключительно свою художественно-образную систему, она обладает оригинальным, ни на кого не похожим письмом. Ее картины легко узнаваемы на выставках, они насыщены яркими музыкальными и поэтическими образами, загадочными по содержанию. Их трогательная непосредственность органично сочетается с метафорическим и символическим языком выражения. В полотнах Дёмкиной — дух молодости, непредсказуемость, женское обаяние.

Выставка «Музыка внутри» открыла зрителю богатство мира, существующего за покровом тишины. Этот мир проявляется в наших снах

Дарья Дёмкина.
Полёт. 2008. Холст,
масло. 90x110

и фантазиях. Он немного странный, но вместе с тем темпераментный, красочный, приветливый. Персонажи этого мира не суетливы, задумчивы и мечтательны, они просты и искренни в душевных проявлениях, и потому эмоционально открыты перед зрителем. Во всех работах ощущается одухотворенность, мягкая ирония и нежность автора к предмету изображения.

Картины «Музыка внутри» и «Музыка на краю» можно назвать заглавными в экспозиции. Одна из них одноименна с названием выставки, изображение другой — вынесено на афишу. Внешне статичные образы передают внутренние переживания персонажей. Для этих полотен характерна тонкая музыкальная атмосфера.

Дёмкина пишет яркие запоминающиеся полотна. Картина «Сезон помидоров» отличается сочным колоритом, образы сидящих на стульях пожилых женщин переданы живо и реалистично. «Полёт» — одно из самых отрадных произведений на выставке. Жизнеутверждающий колорит картины передает все очарование детства, наши мечты о море и парении в небесах, и дарит ощущение счастья.

Триптих «Вечность», к слову, отмеченный в 2015 году дипломом Российской Академии художеств, затрагивает философские аспекты. «Корова мира» — символическое полотно, наполненное метафорами и иронией. Работа отсылает нас к мифу о всемирном потопе и равным образом звучит весьма современно. «Лук и розы» — изысканный женский образ. Написанный в условной декоративной манере, он напоминает Флору, богиню цветов, юности и весеннего цветения.

Дарья Дёмкина.
Музыка на краю.
2016.
Холст, масло.
120x100

Все фото
предоставлены
ГХМАК

Дарья Дёмкина.
Ева. 2015.
Холст, масло.
70x60

Дарья Дёмкина.
Корова мира.
2015. Холст,
масло. 90x110

**Надежда
Плевицкая.**
Фото из сети
Интернет

текст

ДМИТРИЙ
ЕРОШКИН

Плевицкая. Один концерт в Бийске

Шел апрель 1917 года. Уже больше месяца не было Российской империи. Государь Николай Александрович Романов под давлением обстоятельств отрёкся от престола. Бремя ответственности за страну не поддержал и его брат, великий князь Михаил. Временный комитет Государственной Думы сформировал правительство, которое и должно было управлять воюющей страной до назначенного на осень созыва Учредительного Собрания. Это было время, когда, казалось, сбывались все мечты русской либеральной интеллигенции: полная свобода печати, слова, собраний. Политические партии, запрещенные ранее, вышли из подполья, тут же создавались новые.

Народ был опьянен свалившейся на него свободой. Даже в далеком провинциальном Бийске на страницах местной газеты «Алтай» все чаще можно было встретить воззвания такого типа:

«Товарищи Граждане и Гражданки!

В недалеком будущем должны назначаться выборы учредительного собрания, а также выборы в Бийское общественное уездное управление и Томское губернское. Ввиду этого, группа граждан Заречной части назначает предвыборное собрание в помещении пожарного депо, в среду 29 марта, в 6 часов вечера, и на этом собрании должны наметиться депутаты в означенное собрание. Товарищи, граждане и гражданки, идите все, кому дороги интересы обновленной

Бийск. Здание драматического театра. В 1920-м — Народный Дом. Здесь выступала Надежда Плевицкая.
Фото Дмитрия Ерошкина

нашей дорогой родины, сплотиться дружнее в одно целое, дабы выбрать достойных времени, честных заступников».

(«Алтай», 28 марта\10 апреля 1917 года.)

Никто еще не знал и мало кто предполагал, что «красное колесо» уже закрутилось и «окаянные дни» уже стучатся в дверь. Не знала этого и Надежда Васильевна Плевицкая, столичная знаменитость, певица, меццо-сопрано, исполнительница русских народных песен и городских романсов, любимица августейших особ Российской империи. Сам Николай II, как говорят, плакал, заслушавшись романсами в ее исполнении, называя Плевицкую не иначе как «курским соловьем».

Да, Надежда Васильевна Плевицкая родилась 17 января 1884 года в селе Винниково недалеко от Курска в простой крестьянской семье. Но, подобно Мольеру, родившемуся в семье королевского обойщика, она мечтала о театре, о сцене, совсем не желая идти по проторенному пути своих предков. Она бежит из дома в повозке бродячего цирка, а затем попадает в польскую балетную труппу, где судьба свела ее с Эдмундом Мячеславовичем Плевицким, ее будущим мужем.

В скором времени она начинает выступать как певица в знаменитом московском ресторане «Яр», посетителями которого была вся творческая богема Москвы и Петербурга.

Плевицкую ждал колоссальный, поистине всенародный успех: съемки в кино, записи пластинок, лучшие сцены империи, толпы поклонников. Уже в 1910 году она полноправно вошла в ряды культурной элиты своего времени. Фёдор Шаляпин, Сергей Эйзенштейн, Сергей Конёнков, Сергей Рахманинов восхищались ее народным талантом и щедро одаривали комплиментами.

«Помогай тебе Бог, родная Надюша. Пой свои песни, что от земли принесла, у меня таких нет — я слобожанин, не деревенский», — подписал ей свою фотографию великий Шаляпин. Этот снимок Надежда Васильевна будет беречь до конца своих дней вместе с алмазной брошью, подаренной ей когда-то государем императором.

Начавшаяся мировая война не обошла стороной «курского соловья»: на полях сражений погибает второй муж Плевицкой, блестящий поручик лейб-гвардии Кирасирского полка Владимир Шангин. Однако Плевицкая все также востребована на сцене, пользуется бешеной популярностью у русской публики. И, несмотря на политические катаклизмы, продолжает совершать гастрольные туры по городам уже бывшей империи.

И вот бийская газета «Алтай» дает объявление: «Народный Дом. В среду 19 апреля 1917 г. состоится один концерт Н. В. Плевицкой при участии известного пианиста Макса Рабиновича и др. артистов столичных театров. Н. В. Плевицкая исполняет старые и новые излюбленные публикой романсы, а также, вновь записанные на фронте военные песни» («Алтай», суббота, 15 апреля 1917 года).

Зал Народного Дома был полон, публика рукоплескала. В пестрой толпе можно было видеть раненых солдат, офицеров. Еще немного и Гражданская война развеет многих из них по разные стороны баррикад: кто-то вступит в ряды Белой армии адмирала Колчака, а кто-то, поверив в идеалы свободы, равенства и братства, срежет погоны, чтобы сменить их на красную звезду. Именно так поступил хороший друг Надежды Васильевны, поручик Юрий Левицкий, в один миг став красным генералом.

В своих воспоминаниях, изданных в 1920 годы в Берлине, Плевицкая пишет, что не особо разбиралась в политике и с одинаковым удовольствием выступала и среди красных, и среди белых.

Гражданская война иногда круто меняла судьбы людей, и вот очередной ее зигзаг уготовил Надежде Васильевне новую, поистине роковую встречу. Отряд корниловцев захватывает в плен Плевицкую, выступавшую с концертом в расположении красных. На ее счастье отрядом командовал давний поклонник певицы, один из самых молодых генералов Белой армии (ему не было и тридцати) Николай Скоблин. Завязывается бурный роман, результатом которого стал новый брак известной певицы теперь уже с белым генералом. Генерал Николай Владимирович Скоблин начал войну 1914 года прапорщиком, а закончил в чине капитана. За доблесть был награжден орденом святого Георгия 4-й степени. В гражданскую молодого капитан сражался с красными на Северном Кавказе и получил звание полковника, а позже — генерала. Он командовал Корниловским полком, одним из четырех, которые были укомплектованы только офицерами и считались цветом Добровольческой армии.

Вместе с отступающей Белой армией Плевицкая попадает в Крым,

выступает с концертами на Перекопе перед солдатами и офицерами Армии Юга России барона Врангеля. Затем была эвакуация в Галлиполи на кораблях Черноморской эскадры, хорошо описанная в романе М. А. Булгакова «Бег», надежды на скорое возвращение, продолжение борьбы, и разочарование.

Как и большинство *les russes-blancs*, Плевицкая и Скоблин обосновываются во Франции, в местечке Озуар-ла-Феррьер недалеко от Парижа.

Когда стало окончательно ясно, что новое советское государство получит дипломатическое признание со стороны ведущих стран Европы и США (особенно после Рапальской конференции), Белая армия, еще сохранявшая свои формирования для нового похода, распустилась. Однако это не была капитуляция — во Франции из бывших офицеров Белой армии создается «Российский общевоинский союз» (РОВС) во главе с генералом Кутеповым. Своей целью РОВС ставил подрывную, диверсионную работу на территории СССР. Генерал Скоблин также вошел в состав руководства РОВСа.

Надежда Васильевна в это время всячески пытается приспособиться к новым условиям эмиграции, она ездит по всей Европе, дает концерты для таких же, как она, изгнанных.

В 1926 году Сергей Рахманинов устраивает ей гастроли в Нью-Йорке. Особой популярностью в эмигрантской среде пользуется ее песня «Замело тебя снегом, Россия», которая стала настоящим гимном русских эмигрантов.

*Замело тебя снегом, Россия,
Запуржило суровой пургой.
И одни только ветры степные
Панихиду поют над тобой.*

Но русская по духу, вырванная из своей родной среды, Плевицкая тяжело переживала разрыв с родиной. Давали о себе знать и материальные проблемы — концертные гонорары становились все скромнее, а взятая в аренду виноградная плантация вблизи Ниццы принесла лишь одни убытки.

В этот тяжелый для нее период в конце 1920 годов Плевицкая и попадает в поле зрения советской разведки, хорошо осведомленной о положении генерала Скоблина в РОВС. В 1930 году для встречи со Скоблиным в Париж прибыл Пётр Ковальский, сотрудник ОГПУ, а в прошлом — однополчанин генерала. Действуя через Плевицкую, он обещал ей хороший прием в СССР, а ее мужу — должность в Генштабе Красной армии. Так в агентурных сводках Иностранного отдела ОГПУ возникли два новых агента под псевдонимами «фермер» и «фермерша».

В течение семи лет супруги добросовестно работали на советскую разведку, нейтрализуя агентуру РОВСа на территории СССР и внедряя советских агентов в структуры РОВСа. Агенты ОГПУ устроили похищение главы РОВСа, генерала Кутепова. Его затолкали в машину, но тот оказал сопротивление и был убит.

После 1933 года советское руководство приняло окончательное решение о ликвидации верхушки РОВСа, опасаясь наметившегося альянса РОВСа и спецслужб нацистской Германии. Похищение нового главы РОВСа генерала Евгения Карловича Миллера в 1937 году было поручено чете «фермеров». Под предлогом встречи с представителями посольства Германии Скоблин заманил генерала Миллера в условленное место, где его усыпили, а затем в заколоченном ящике в порту Гавр погрузили на борт теплохода «Мария Ульянова» и таким образом переправили в СССР.

Сам Скоблин после проведения акции успел скрыться в Испании, где потом, правда, погиб при загадочных обстоятельствах.

Плевицкой же пришлось отвечать по полной программе. Эмигрантские газеты клеймили ее последними словами, призывая на ее голову проклятие иудиного греха. В 1938 году состоялся суд. Приговор французской Фемиды был суров — 20 лет тюрьмы для особо опасных преступников. После оглашения приговора Надежда Васильевна лишь произнесла, обращаясь к адвокату: «Il ne faut rien, je vais mort bientôt» — «Ничего не надо, я скоро умру».

Осенью 1940 года она действительно скончалась в состоянии близком к помешательству. Перед смертью ее исповедовал православный священник. О чем думала, что вспоминала она в эти минуты? Быть может, ту весну 1917 года, когда еще было так много радужных надежд и не надо было делать мучительный выбор между Родиной и предательством.

Все прошло, уже нет тех людей, остались лишь пожелтевшие от времени страницы газет, да пластинки старого фонографа, с которых все еще звучит печальный голос «курского соловья». ◀

Красный туризм

Барнаул и Алтайский край середины 1950 годов глазами американцев и британца

текст

ЕВГЕНИЙ ПЛАТУНОВ

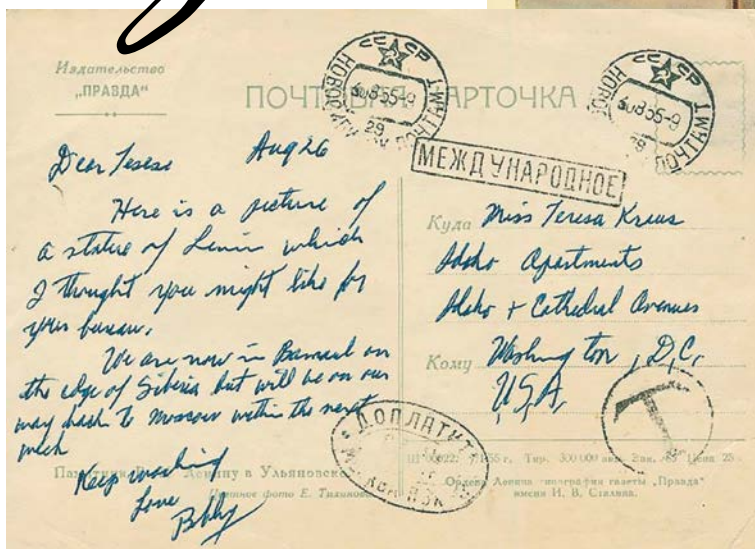
Дикий Билл и Роберт Кеннеди

Освоение целины вызвало интерес к опыту тружеников Алтая за рубежом.

В августе 1955 года в совхоз «Комсомольский» Павловского района нагрянул гость из США. Уильям Орвилл Дуглас, имевший прозвище Дикий Билл, он прославился на атомно-шпионском деле супругов Розенбергов как несговорчивый член Верховного суда США. Дуглас был настоящим рекордсменом, так как занимал место судьи в течение 36 лет (1939–1975), дольше всех коллег.

В 1956 году Дикий Билл издал книгу «Русское путешествие» («Russian Journey»). В ней он назвал дорогу от Барнаула до совхоза «Комсомольский» почти по-французски: «дорогой отверженных». «Хозяйство является изолированным и отдаленным от Барнаула тридцатью километрами ужасной дороги. Я не видел автомобилей, припаркованных возле коттеджей фермеров, и спросил об этом Пыжикова...», — написал Дуглас.

В поездке по России, и в том числе по Алтаю, Дикого Билла сопровождал малоизвестный тогда Бобби Кеннеди — будущий

Открытка, посланная Робертом Кеннеди из Новосибирска в Вашингтон

генеральный прокурор США, младший брат будущего президента США Джона Кеннеди.

История поездки американских юристов на целинный Алтай 1955 года демонстрирует, с какой серьезностью относились в США к подробностям жизни в СССР. Рассказ о совхозе «Комсомольский» под Барнаулом попал и спустя годы — в 1961 году — в доклад комитета Конгресса США по антиамериканской деятельности («Facts on communism») (United States Congress House Committee on Un-American Activities, 1961). Кто бы мог подумать, что освоение целины в Советском Союзе подпадает в США под антиамериканскую деятельность!

Приведем цитату из этого издания:

«Когда Хрущев распорядился преобразовать целинные земли в пшеничные поля, комсомол (ВЛКСМ) приступил к действию и создал многие хозяйства, одним из которых стал «Комсомольский» рядом с Барнаулом. Директор хозяйства, Л.Я. Пыжиков, сказал мне, что все мужчины и женщины, которые туда приехали, сделали это добровольно».

К слову, Роберт Кеннеди послал из Новосибирска знакомой сотруднице

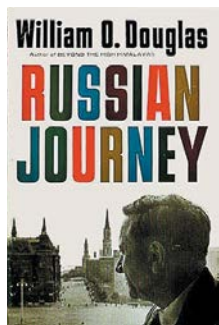
Конгресса Терезе Краус открытку, в которой упомянул предстоящую поездку в Барнаул. Эта открытка несколько лет назад была выставлена на аукцион в Интернете.

В Павловском историко-художественном музее сообщили, что Дуглас неправильно записал фамилию директора совхоза. Предприятием «Комсомольский» руководил не Пыжиков, а Рыжиков. Лев Яковлевич Рыжиков.

Генерал от журналистики

В том же 1955 году на Алтае бывала Маргарита Хиггинс (Marguerite Higgins), известная американская журналистка, корреспондент «Нью-Йорк геральд трибюн». Ее книга «Красный плюш и черный хлеб» («Red plush and black bread», Doubleday, 1955) вышла в свет также в 1955 году. В 1958 году на книгу отреагировал «Ежегодник Крокодила» юмористической статьей Г. Герасимова «Как Маргарита Хиггинс питалась черным хлебом». Заметка шла с подзаголовком «Вместо рецензии».

В одной турецкой сказке рассказывается о мулле, которому мешали читать Коран шумевшие под окном дети. Мулла высунул язык из окна и крикнул:

Обложка книги Уильяма Дугласа «Русское путешествие»

«Дети, бегите на базар, там бесплатно раздают чудесные яблоки!» И дети побежали, а за ними побежала вся улица, и все кричали: «На базаре бесплатно раздают чудесные яблоки!» Мулла долго и недоуменно смотрел вслед бегущим, он подумал: «А что, если это правда?» И, подхватив свои широкие штаны, помчался вслед за всеми.

Подобно мулле, Маргарита Хиггинс уверовала в свои собственные выдумки и выдумки некоторых своих коллег — американских журналистов о жизни в Советском Союзе. Поэтому, когда она попросила визу на въезд в СССР и эту визу получила, она тут же заявила, что русские пытаются «заманить ее в ловушку».

Она все-таки решилась поехать, оставив свою поездку всевозможными хитроумными предосторожностями. Она провела в СССР два с половиной месяца, все страхи, преследовавшие ее, она поместила в свою книгу. Однажды в дверь ее номера в гостинице «Метрополь» постучали. Приоткрыв дверь, Хиггинс успела заметить, что двое посетителей были в военной форме. «Это за мной!» — решила она и в ужасе захлопнула дверь. Из головы мгновенно улетучились нетвердые знания в русском языке. Вместо того чтобы сказать: «Что вы хотите?», — она спросила: «Почему вы хотите?» За дверью долго молчали: посетителей душил смех. Военные оказались знакомыми Хиггинс: она сама, будучи в Киеве, пригласила их навестить ее в гостинице.

Где бы ни была заморская гостья — в Минске или в Барнауле, — она всюду требовала вкусный, богатый витаминами черный хлеб, являющийся, по ее личному опыту, «естественным внутренним регулятором».

Маргарита Хиггинс не простой репортер. Она вроде генерала от журналистики. В свое время она получила премию Пулитцера. Об этой премии мечтают многие американские журналисты. Если бы рецензент Герасимов видел обложку предыдущей ее книги («Война в Корее», 1951), то, наверное, не удивлялся бы ее фобиям. Хиггинс была военным корреспондентом на Второй мировой войне и на Корейской войне. Однажды она пережила авиакатастрофу. Поэтому неудивительно, что у нее могли возникнуть фобии как в отношении СССР вообще, так и в отношении наших военнослужащих в частности.

Свои первые впечатления от Барнаула Хиггинс отправила в журнал «Домашний компаньон женщины» («Woman's Home Companion»). В статье «Русский дневник» («Russian Diary») она писала: «В сибирском Барнауле наш багаж с самолета был снят с помощью конной повозки». В книге про красный плюш и черный хлеб (на стр. 115) эта фраза изменилась: «В Барнауле, когда мы приземлились, по травяному полю к нам подъехала конная

повозка. Это был вагончик для багажа! Вместо здания аэропорта был лишь небольшой дом из толстых бревен. В нем была железная печь. Это было больше похоже на то, что я ожидала увидеть в Сибири. Мне также запомнилась картина в одном из сибирских колхозов, занимающихся распашкой целинных земель: падающий снег на спелую золотую пшеницу. Это было 12 сентября. Я спросила: «Это необычная погода?» Председатель колхоза сказал: «Необычно даже для Сибири». «Но что делает погоду такой здесь холодной?» — спросила я. «В конце концов, Барнаул находится очень далеко на юге Сибири», — был ответ».

Журнальную публикацию Хиггинс о Барнауле хорошо запомнил Анатолий Иванович Мельников, почетный гражданин города Барнаула, председатель горисполкома с 1972 по 1986 год: «В пятидесятых годах я как заместитель председателя горисполкома сопровождал американскую журналистку Маргариту Хэкинс. От города у нее осталось тяжелое впечатление: «Барнаул еще находится в спячке XVII века. Практически отсутствуют зелень и тротуары. Минимум развлекательных учреждений, но зато в новом кинотеатре «Родина» есть блохи, которые во время сеанса беспощадно кусают как аборигенов, так и случайно оказавшихся здесь граждан Соединенных Штатов».

Ох, и взвился Валентин Васильевич Трофимов, в спокойном состоянии обладавший чувством юмора, но в гневе... Какой XVII век, когда Барнаул основан в XVIII веке?! Какие блохи?!»

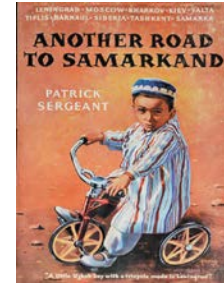
В книге Маргарита Хиггинс проявила к Барнаулу куда больше восхищения, чем в злополучной публикации журнала: «На рыночную площадь Барнаула меня привезли в автомобиле «Победа», типа «Шевроле». Барнаул — старый город в сибирском регионе Алтай, который расположен недалеко от монгольской границы. Эта часть Сибири состоит из заросших лесом холмов и длинных долин, наполненных пшеницей. Барнаул, как и остальная часть России, переживает строительный бум. Этот толчок отодвигает темные прежние улицы Барнаула из грубо построенных бревенчатых домов: на главном проспекте появляются бетонные жилые дома с розовыми лепными экстерьерами. Новые жилые здания соперничают за внимание с правительственными и партийными зданиями, причем последнее в своего рода неоклассическом стиле изобилуют римскими колоннами и другими украшениями, напоминающими Грецию и Рим, и необычны в Барнауле!»

О вежливых людях

Одновременно с американкой Хиггинс в Барнауле побывал британский автопутешественник Патрик Серджент

(Patrick Sergeant). Свою книгу он щедро проиллюстрировал фотографиями краевой столицы, выплывшими в 1955 году: оставил нам на память, сегодня эти снимки важны для краеведения. Кроме того, Серджент отметил вежливость барнаульцев.

«Возвратившись в Барнаул, я вовремя попал на встречу с редактором газеты «Алтайская правда». Редактор был худой, высокий, темно-волосый мужчина лет тридцати пяти с беспокойным лицом, который окончил факультет журналистики Ленинградского университета и с нетерпением ждал, чтобы вернуться в большой город, в большую газету. Краевое

Обложка книги Патрика Серджента «Другая дорога на Самарканд»

издание «Алтайская правда» (как и все русские газеты) состоит из четырех полос с тиражом около 42 000. Это главная газета в крае. Есть много других изданий для предприятий, сел, организаций, и большая часть прибыли «Алтайской правды» состоит из печати этих других изданий. Редактор несет ответственность перед Барнаульским комитетом Коммунистической партии и Краевым комитетом партии.

Насколько вежливы и предупредительны люди в Барнауле по сравнению с глупой, раздражающей бюрократией Москвой — написал Серджент в книге с названием «Другая дорога на Самарканд» (Patrick Sergeant. «Another Road to Samarkand, 1955).

Чему поразилась зять Трумэна?

21 мая 1955 года «Нью-Йорк Таймс» поместила корреспонденцию из Барнаула: «Сумму более 12 миллионов рублей Советское правительство вкладывает в прокладку двадцати пяти миль трамвайных путей на травянистых холмах сибирской степи на юго-западе Барнаула». Масштабы затрат на строительство барнаульских трамвайных путей весной 1955 года поразили воображение американского корреспондента Эльберта Клифтона Дэниела, который через год станет зятем президента Гарри Трумэна. ◀

/ Бийский краеведческий музей

НЕСУЩИЙ СВЕТ

Коллекция буддийской пластики в Бийском краеведческом музее насчитывает 35 единиц хранения

Буддийские фигурки попадали в музей разными путями. Много статуэток в свое время было привезено из Китая и Монголии на Алтай в период распространения буддизма в среде алтайцев. Какие-то вещи оказались в домах бийских обывателей уже в период Великой Отечественной войны, когда из дружественной Монголии на станцию Бийск в массовом порядке свозили предметы буддийского культа для переплавки на нужды воюющей Красной армии.

В большей части это так называемые «идамы» — идеальные тела Будд и бодхисатв в форме Самбхогакая, согласно традиционным воззрениям северного буддизма Махаяны.

Конечно, для неискушенного посетителя музея они всего лишь часть далекой и малопонятной восточной экзотики. Но отнюдь не для практикующего буддиста, идущего по пути Благословенного.

Освященные, с вложенными внутрь священными текстами на тибетском языке, они являются не чем иным, как объектом особой тантрической медитации, в ходе которой йогин старается отождествить себя с энергиями высших сфер, недоступных обычному пониманию и осмыслению.

Увы, так уж устроен наш ум, мы не можем воспринимать трансцендентную абстракцию в чистом виде, в ее апофатическом аспекте. Плерома, пустота, абсолют всегда будут иметь в нас некую цветовую, или другую образную основу, ментальные клише.

«Темная ночь души», «пустыня» — такие эпитеты давали своим переживаниям трансцендентного Хуан де ла Крус и Мейстер Экхарт, величайшие мистики средневекового Запада.

Необходимость иметь посредника между трансцендентным и обусловленным, горним и дольным уже

прекрасно осознавали такие крупные мыслители античности, как, например, Филон Александрийский (I в. н. э.), доведший до совершенства стоическую идею Логоса как актуализацию внутренней потенции Божества. «Проникая универсум и объединяя в нем противоположности единичных бытий, — писал александрийский философ, — Логос всюду вносит устрой и лад и является виновником всеобщего согласия» (Муретов М.Д. Учение о Логосе у Филона Александрийского и Иоанна Богослова. СПб, 2012).

Конечно, нельзя проводить прямые параллели между христианско-платонической идеей Логоса и, например, Ади-Буддой в традиции Махаяны и Ваджраяны, но определенное влияние западного мира на буддийскую мысль все-таки имело место.

В контексте нашей темы — это распространенный по всей Евразии культ светоносного бога Митры. Он, по мнению ряда исследователей, натурализовался в среде буддийских бодхисатв под именем Майтрейя, что переводится с санскрита как «любящий, доброжелательный».

По легенде, сам Будда, прежде чем воплотиться в человеческом теле, указал на Майтрею как своего грядущего наследника.

Это единственный бодхисатва (существо или человек), одинаково почитаемый во всех школах буддизма как будущий провозвестник «золотого века» Сатья-юги.

В коллекции бийского музея сейчас имеются две статуэтки Будды Майтрейи. Причем одна из них поступила буквально в этом году. В музей принесла ее пожилая дама, проживающая в пригороде Бийска, и сообщила по секрету, что хранилась сия статуэтка в доме неких колдунов, наводивших ужас на всю округу. Держать фигурку дома женщина опасалась и предпочла продать музею за чисто символическую плату.

Фото
предоставлены
Дмитрием
Ерошкиным

Будда
Шакьямуни

**Авало-
китешвара**

Удивительно, но буквально перед самым приходом этой женщины большой черный ворон сел у открытой форточки кабинета и загадочно оглядел всех сотрудников вороненым оком... Как тут не поверить в чудеса!

В древности ворон считался посланником из мира духов и связывался с солнечным культом Митры.

Этимология имени Митры почти полностью совпадает с этимологией Майтрейи: дружественный, миролюбивый. В Ригведе, первом известном памятнике индийской литературы, он фигурирует как бог мирного соглашения, договора. В этом же значении упоминается в договорах хурритов и хеттов, в иранской Авесте.

«Один из наиболее интересных эпитетов Митры, — писал индолог Владимир Топоров, — «выпрямитель границ» не только намекает на возможную примиряющую роль Митры при спорах о границах, но, в конечном счете, позволяет, очевидно, восстановить для него более древнюю функцию царя-жреца, принимающего участие в ритуальных изменениях, которые подтверждают следование универсальному закону, правде. Существенна посредническая роль Митры, функция различения добра и зла, правды и лжи. В этом смысле Митра — божество, определяющее некую морально-нравственную границу».

В русском языке иранское михр (митра) со временем преобразовалось в мир, и когда мы ежедневно в той или иной ситуации произносим это слово, мы произвольно поминаем Митру.

Куль Митры был широко распространен и в Сибири. У хантов и манси он был представлен как солнечный бог Мир-сусне-хум. В среднеазиатских манихейских текстах *Muhyuzd* — это Живой Дух, светоносный Третий посланник, призванный освободить души праведных из темного узилища материального мира.

В Китае мистерии Митры были повсеместно известны под общим названием религии Света. Но наибольшего расцвета этот культ достиг в Римской империи, объединив в митраистские эзотерические сообщества высшее офицерство, элиту римской армии и патрициев.

Консультации со специалистами помогли установить, что статуэтка, поступившая в музей, была изготовлена в XIX веке во Внутренней Монголии в монастыре Долонор. Это один из двух канонических образов Майтрейи: стоящий в полный рост красивый юноша в монашеской одежде с короной на голове, увенчанной небольшой

ступой. Фигурные серьги и браслеты подчеркивают его принадлежность к пространству Самбхогакая (санскр. среднее из трех тел Будды, тело блаженства или божественное тело). Руки сложены в дхармачакра-мудре (жест изложения буддийского учения).

Рассказав о приобретении музеем такой редкой статуэтки членам местного рериховского общества, я был поражен их ликованием.

«Вы знаете, — сказала мне одна из почитательниц Николая Константиновича Рериха, — это большой знак! Пока вы еще не понимаете, но энергии Света уже пробуждены, мир меняется. Иконы, статуи и образы посланников Света не приходят просто так, они всегда являются нам в означенное свыше время».

Майтрейя

Большинству из нас, воспитанных в традициях восточноевропейской, православной культуры, трудно принять мир буддийского, да и любого другого Востока. Существование не всегда предполагает диалог. К сожалению, это зачастую именно так.

Вполне можно согласиться с Николаем Рерихом, понимавшим культуру как возможность всеобщего согласия, договора, мира. Как это актуально для сегодняшнего дня! Роль музеев с их весьма богатыми этнографическими коллекциями в этом случае велика. Точки соприкосновения всегда есть. Их не ищет только тот, кто не хочет их найти. И дело даже не в названиях богов, ритуалах и обрядах.

Впрочем, приведу слова по-настоящему выдающегося человека XX столетия, католического священника отца Анри Ле Со, единственного европейца, христианина, единодушно признанного всеми духовными авторитетами Индии подлинным святым, истинным махариши (провидцем): «Моя жизнь с нищими и с бедными саду древней традиции многому научила меня. Конечно, мой уровень жизни гораздо выше, чем у них, и все-таки, я думаю, что у меня есть о чем свидетельствовать — о молчании Духа! В любом случае, как вы понимаете, мое сердце — лучший ответ голосам искусителей.

Если мое послание действительно пойдет, оно будет свободно от всяких понятий (условностей), кроме того, кто будет его передавать. Христос, которого я проповедую, это просто «Я есмь» («Сущий») в глубине каждого сердца. Он может проявиться и в танцующем Шиве, и в любвеобильном Кришне! И Его Царство в этом открытии... в открытии внутреннего Грааля! Пробуждение — это взрыв! Никакая Церковь после этого не узнает ни Христа, ни саму себя. И именно по этой причине никто не любит «атомных грибов» (Письмо Мюррею Роджерсу от 4 октября 1973 года).

Я снова держу в руках статуэтку Майтрейи-Митры. Сколько жарких споров, сколько войн в истории человечества произошло из-за слов и терминологий. Соединить несоединимое, примирить непримиримое, собрать этот вечно враждующий космос в целостную гармонию — эта поистине титаническая работа по плечу ли титанам?

Все мировые религии перенесли решение этой задачи в далекое будущее в ожидании Машиаха, Махди, Майтрейи, Калки Аватара, Спасителя.

Но, может быть, стоит начать уже с себя, со своего внутреннего космоса?

Дмитрий ЕРОШКИН

/ Шипуновский краеведческий музей

КЕРАМИКА: ИСТОРИЯ, СТИЛЬ, ИМЯ

В Шипуновском краеведческом музее, отметившем в нынешнем году 45-летие, собрана замечательная коллекция советской керамики

Фото
представлены
музеем

Андрян Борцов.
Панно
«Красная площадь».
1969

Керамические предметы, представленные в экспозиции районного музея, выполнены мастерами декоративно-прикладного искусства в 1950–1990 годах. Большая часть коллекции поступила в музей во второй половине 1980-х.

В середине XX столетия на фарфоровых заводах СССР создаются специальные артели, в которые

приглашаются на работу известные художники и дизайнеры. В керамопроизводстве появляется авторский стиль и имя. Удачные модели тиражировались и украшали быт советских граждан.

В шипуновской коллекции керамики представляют интерес изделия Дмитровского, Конаковского фарфоровых заводов, Краснодарского фарфорово-

фаянсового завода, авторские работы известных дизайнеров и мастеров росписи — Андриана Борцова, Юрия Ганрио, Анатолия Калюжного, Ии Венковой.

Фарфоровая чайная пара с заварочным чайником округлых форм и с выразительной бело-синей росписью — авторская работа Юрия Ганрио (1921–1982), заслуженного художника РСФСР. Дизайн керамического набора разработан в 1949 году.

Декоративный набор, состоящий из вазы и плоского блюда-подставки, датируется 1974 годом. Дизайн разрабатывал Анатолий Калюжный, старший скульптор модельной мастерской Владивостокского фарфорового завода. Элегантные лаконичные формы вазы и блюда эффектно расписаны в темно-синих тонах, общий фон инкрустирован благородными золотистыми элементами.

В конце 1960 — начале 1970 годов в керамической росписи появляются сюжетно-тематические направления. К этому времени относится создание керамического настенного панно в виде декоративного блюда «Красная площадь» (1969). Автор росписи Андриан Борцов (1919–2000), заслуженный деятель искусств РСФСР, член Союза художников СССР. В центральной части панно — архитектурный ансамбль Красной площади, вид на Мавзолей. По радиусу борта изображены виды историко-архитектурных памятников и силуэты людей, единым потоком стекающие к Мавзолею. В сюжетно-композиционном решении автор осмысливает роль личности в истории.

Чайный сервиз «Народные мотивы» изготовлен в 1966 году на Краснодарском фарфоро-фаянсовом заводе. Авторами работы являются дизайнер Вера Овсянникова, художник Александр Синицын. Дизайн сервиза достаточно прост, в пластике округлых форм, в палитре росписи звучит характерная лубочность дымковской игрушки, ярмарочность.

Скульптурная керамика представлена в коллекции работой «Первые шаги», автором которой является Ия Венкова, скульптор-фарфорист Ленинградского фарфорового завода. Выпускница института им. И.Е. Репина, она работала и в монументальной скульптуре, и в малой пластике. Одна из известных ее монументальных работ — композиция «Мать и сын», расположена в Александровском саду Санкт-Петербурга.

Скульптурная композиция «Первые шаги» (1963) может быть знакома многим, в советское время керамические фигурки были очень популярны. Тема материнства, вечная в искусстве, ярко звучит в творчестве Венковой. «Первые шаги» — трогательный сюжет: юная мама поддерживает малыша, с радостным изумлением совершающего первые самостоятельные шаги. Изделие излучает свет и нежность.

Ирина ЮРЧЕНКО

Юрий Ганрио.
Чайный набор.
1949

Кувшин сувенирный. Клеймо с изображением печати войска Донского. 1970-е.
Глина, глазурь

Ия Венкова.
Первые шаги.
1963

Анатолий Калюжный.
Декоративный набор. 1974

Разрыв шаблонов

текст

МАРИЯ
ИВАНОВА

Сцена из балета
«Петрушка».
Все фото
Евгения Налимова

29 ноября состоялась премьера творческого экспериментального проекта филармонии, подготовленного в рамках федеральной целевой программы «Культура России» при поддержке Министерства культуры РФ и Администрации Алтайского края

Прошло более десяти лет с тех пор, как симфонический оркестр Государственной филармонии Алтайского края впервые исполнил в Барнауле сюиту из балета «Петрушка» Игоря Стравинского. И вновь в краевой филармонии звучит бессмертная музыка, а на сцене — дают балет.

Две части постановки связаны между собой темой Масленицы. Действие открывает вокальный цикл из обрядовых русских народных песен в исполнении ансамбля народной песни «Вечёрки» под руководством заслуженного работника культуры Российской Федерации Натальи Бондаревой. Солисты: Руслан Николаев, Любовь Яшина, Алексей Кашкаров, Роман Щенников,

Иван Червоненко, Анастасия Пилипчук. Во втором отделении балет Игоря Стравинского «Петрушка» исполняют артисты ансамбля русского танца «Огоньки» им. Гарри Полевого, руководитель — заслуженная артистка России Ирина Менялина.

«Петрушка» Игоря Стравинского — смешение разнообразных стилей и музыкальных направлений. Когда-то композитора обвиняли в отсутствии индивидуального композиторского языка, эклектичности и лубке. Но балет выдержал проверку временем. Фольклорный материал, использованный композитором, абсолютно узнаваем, звучит свежо и современно. В музыке Стравинского наслаиваются и смешиваются

Балетмейстер-постановщик

Надежда
Калинина

образы русской зимы и ярмарочных гуляний, летящего снега и шумящей толпы. Народ в спектакле — это целостный образ: страдающий, веселящийся, разгульный и в то же время искренне переживающий кукольную драму. Наивные народные мелодии и сложнейшие трагические инструментальные речитативы составляют ткань партитуры балета.

И так же сложно, послойно, буквально по крупичкам собирает образы главных героев балета балетмейстер-постановщик лауреат международного театрального форума «Русский витязь», серебряный призер фестиваля «Золотой Олимп» Надежда Калинина (Санкт-Петербург). Сказочный восточный красавец Фокусник в исполнении Артёма Кузнецова управляет куклами-марионетками и постепенно превращается в злодея, уничтожающего все человеческое и искреннее. Изящная Балерина, образ которой создает Татьяна Емельянова, оказывается бессердечной глупой кокеткой. Партию Арапа

ведет Валентин Бузин, его герой, поначалу глуповатый весельчак, превращается в одержимого убийцу. Актерское дарование, темперамент Валентина вызывает восхищение зала, каждый эпизод, исполненный артистом, зритель отмечает аплодисментами.

Ну а Петрушка?

«Когда я сочинял эту музыку, — вспоминал Стравинский, — перед глазами у меня был образ игрушечного плясуна, внезапно сорвавшегося с цепи, который своими каскадами дьявольских арпеджио выводит из терпения оркестр, в свою очередь, отвечающий ему угрожающими фанфарами. Петрушка! Вечный и несчастный герой всех ярмарок всех стран!» Эту роль прожил на сцене краевой филармонии солист ансамбля «Огоньки» Александр Штребель. Работа над образом вечного шута шла сложно. Как сделать Петрушку и наивным, и жалким, и трагичным одновременно? Как показать постепенное превращение его в бунтаря? Перед танцором стояла непростая задача, и Александр справился с ней блестяще.

Петрушка Александра Штребеля — это и игрушка из кукольного балаганчика, управляемая Фокусником, и человек, борющийся, страдающий, погибающий на глазах толпы. Фокуснику стоит немалых трудов убедить публику, что Петрушка всего лишь тряпичная кукла. И тем страшнее и безумнее выглядит воскресший Петрушка, угрожающий своим врагам. Роль Петрушки — несомненная творческая удача Александра Штребеля.

В балете «Петрушка», кроме главных героев, действуют другие персонажи ярмарочной толпы. Яркие запоминающиеся характеры создают артисты ансамбля «Огоньки».

Николай Дубицкий играет разудалого красавца-купца, сорящего деньгами; Кристина Коврова, Евгений Вейн, Иван Зарков выходят с зажигательным цыганским танцем; блистательна в огненной стихии Татьяна Кучеренкова; роль жестокого Шарманщика исполняет заслуженный артист России Сергей Герасимов; трогательна и нежна актриска-нищенка — Алина Ларькина. Здесь же, на ярмарочной площади, гуляют и празднуют Масленицу артисты ансамбля «Вечёрки», их чувство фольклорного материала сыграло важную роль в массовых картинах спектакля.

Ярмарочная часть балета Стравинского вобрала в себя многоголосие праздничной толпы — здесь крики торговцев, шум фейерверков и каруселей, песни горожан и крестьян. На ярмарке, в общем творческом котле, кипела разномастная Россия, и площадное искусство было понято и услаждено всех — крестьян, горожан, дворян, офицеров. На ярмарку стекались заморские актеры и циркачи, здесь становились знаменитыми народные певцы, отсюда родом вокальные и танцевальные коллективы, как наши «Вечёрки» и «Огоньки».

Артисты ансамбля, специализацией которых является народный танец, создали в «Петрушке» сложнейшие хореографические образы классического балета. Это успех, и — не первый в копилке танцевального коллектива: в 2015 году столь же удачно «Огоньки» исполнили балет Родиона Щедрина «Конек-Горбунок» в постановке этого же хореографа, Надежды Калининой.

Успех спектакля — это не только новое прочтение хореографии балета постановщиком Надеждой Калининой и яркие актерские работы, но и особая сценография.

Дизайнер компьютерной графики и анимации Дмитрий Попов создал видеодекорации к «Петрушке» на основе художественных полотен русских художников первой четверти XX века — Василия Кандинского, Льва Бакста и других авторов, чье творчество оказалось созвучным эстетике раннего Стравинского. Алтайский зритель помнит Дмитрия Попова по потрясающей работе в проекте «Алтайский сказ. Полет над временем».

Балет имеет трагический финал, что не свойственно, конечно, русским народным танцам, отдающим предпочтение жизнеутверждающей интонации в концовке. Нетрадиционное завершение действия предлагает зрителю взглянуть на фольклор под иным углом и попробовать его воспринять не лубочной картинкой, но душевным переживанием русского человека.

Прошлое и настоящее неразрывно связаны, и порой только в прошлом можно найти смысл происходящего сегодня. Масленица, составляющая основу проекта Государственной филармонии края, всегда переживалась в русской народной культуре как попытка приблизиться к вечной тайне Жизни и Смерти, к мировоззрению предков, в котором Вселенная понималась как бесконечная череда умирания и воскресения, увядания и расцветания, тьмы и света, холода и тепла. ◀

МАРИЯ ОВЧИННИКОВА,

гость Барнаула:

В командировках стараюсь приобщаться к местному искусству. Далеко не всегда удачно. Часто провинциальные театры огорчают наивно-новодельной, гламурно-кондитерской архитектурой и слабой самодеятельной драматургией. И тем ценнее приятные открытия, как на этот раз в Барнауле! Краевая филармония располагается в старинном хорошо отреставрированном здании в стиле классицизма с элементами русского стиля. А эстетически-языческие маслянистые гуляния в исполнении народного ансамбля «Вечёрки» как нельзя лучше сочетались с экспрессивно-модернистским «Петрушкой» Стравинского! Шла со снобистским предубеждением испорченного московского зрителя, а получила удовольствие и разрыв шаблонов. Go, Barnaul, go!

В роли
Петрушки
солист
ансамбля
«Огоньки»
Александр
Штребель

В Барнауле, да еще в Новосибирске,
в «Красном факеле», меня зовут
по-родственному — дядей Лёшей...
И я рад, что я им родной.

А. Н. Самохвалов

текст

ЕЛЕНА
КОЖЕВНИКОВА

Количество прожитых лет заслуженного артиста России Алексея Николаевича Самохвалова замечательно рифмуется с датой рождения Алтайского краевого театра драмы им. В.М. Шукшина. Оказывается, они — ровесники. Театру — 95, и Алексею Николаевичу в 2017 году исполнится 95 лет. Какое неслучайное знаковое совпадение. И даже может быть, твое личное, человеческое везение. Поскольку ты живешь рядом с легендой, видишь его на сцене и имеешь счастливую возможность слушать воспоминания актера. Алексей Николаевич обладает феноменальной памятью, и все судьбоносные перипетии, все творческие испытания, выпавшие

на долю нашей драмы, предстают в его исповеди зримо, экспрессивно и как бы сиюминутно. И ты невольно становишься непосредственным участником тех далеких событий. Фантастика, да и только! Ни с чем несравнимое чувство «реального погружения» в события прошлого века! А книга Алексея Николаевича «Исповедь провинциального актера» со всей доверительной откровенностью раскрывает феноменальную, самобытную, талантливую природу русского человека. Воочию явленную в те времена, когда безоглядное, порой фанатичное служение искусству было единственной возможностью личностного роста актера!

Первая встреча с театром восьмиклассника Алёши Самохвалова случилась в самом начале учебного года. Это был спектакль «Горе от ума» с Василием Познанским в роли Чацкого. Постановка бессмертной комедии А.С. Грибоедова произвела

на подростка неизгладимое впечатление и определила его дальнейшую судьбу. Алёша поступил в новосибирское театральное училище, где на базе театра «Красный факел» ученица К.С. Станиславского Вера Редлих открывала студийцам азы актерской профессии. Время было трудное, голодное. И когда появилась возможность продолжить учебу дома, Алёша вернулся в Барнаул. В 1937 году пятнадцатилетним подростком он впервые вышел на сцену Алтайского краевого драматического театра в массовке спектакля «Алькасар». Маленькая бессловесная роль бойца-республиканца восставшей Испании стала началом его творческой биографии. А когда началась война, Алексей Самохвалов служил на восточных рубежах, в Забайкальском военном округе.

Дядя Лёша уже давно «мифологический» герой нашего времени. Подобно античному Одиссею актер

**Алексей
Самохвалов.**
Фото Андрея
Луковского

очень много странствовал по свету, работал в крупных театрах нашей необъятной страны и имел вполне реальный шанс закрепиться в Москве. Рослый, статный, фактурный, с открытой обаятельной улыбкой, с проникновенным взглядом умных глаз, с роскошной кудрявой шевелюрой на гордо посаженной голове, артист Самохвалов мог бы вполне стать звездой советского экрана. Вспомните героев послевоенного кино! Ну чем они лучше Алексея Николаевича? Да ничем! Просто, по своей природной скромности, молодой артист даже и не помышлял об этом. Театр, роли, спектакли — вот, что вело его по жизни! И, конечно же, гипертрофированное чувство ответственности за любимую жену, дочку и тещу, которая жила вместе с ними. Поэтому начинающий актер с радостью подписал трехгодичный контракт с директором драматического театра города Фрунзе. Там было много солнца, яблоч и человеческого радушия. Там взамен выдавшим виды галифе пошили ему брюки из суконного солдатского одеяла, справили длинное черное пальто на высоких подплечиках по последней моде и дали комнату в общежитии. Но и это не всё! Актер и наставник Самохвалова Иван Иванович Коваль-Самбурский подарил молодому коллеге две свои роли из классического репертуара: роль Кудряша из спектакля по пьесе А.Н. Островского «Гроза» и роль Васьки Пепла из спектакля по пьесе А.М. Горького «На дне». Редчайший случай, что и говорит!

В 1948 году Алексей Николаевич возвращается домой, в Барнаул, где поначалу работает директором Железнодорожного клуба, потому что вакантных мест в театре нет. Только спустя два года актер Самохвалов выйдет на профессиональную сцену в ролях классического и современного репертуара. И даже роль Феликса Дзержинского в «Кремлевских курантах» Н.Ф. Подгодина не обойдет его стороной. Не иначе как из-за внешних данных наградили Алексея Николаевича небольшим чекистским эпизодом. Но роль была сыграна жизненно — убедительно и достойно.

«Алтайский краевой театр в пятидесятые годы был на взлете, — вспоминает артист. — Ничто не предвещало перемен, выстраивались и для меня хорошие перспективы, но судьба актера непредсказуема». В 1958 году странствующий рыцарь театра Алексей

Самохвалов принимает решение влиться в труппу Камчатского областного драматического театра. Именно на Камчатке он успешно осуществляет свои давнишние творческие замыслы и получает диплом об окончании Высших режиссерских курсов. На театральных афишах города появляется информация о Самохвалове-режиссере. По истечении контракта Алексей Николаевич уезжает в Кемерово, «где в областном драматическом театре им. А.В. Луначарского театральная судьба преподносит ему и первый трудный педагогический опыт, и новые режиссерские постановки, и ответственный пост директора театра»¹. Но и Кемерово, с новыми достижениями и победами на профессиональном поприще, не в силах удержать Самохвалова, когда где-то в северной Осетии наметился к постановке лермонтовский «Маскарад». И тут уже не до размышлений о перспективах и комфорте. Алексей Николаевич откликается на приглашение и уезжает работать в театр драмы города Орджоникидзе. А через два года вновь возвращается в Сибирь, в родную Тюмень, где когда-то родился в многодетной семье и счастливо жил в родительском доме. На сцене Тюменского областного драматического театра Алексей Николаевич сыграл Ермака, первооткрывателя и покорителя сибирских земель, князя Долгорукова в «Степане Разине» и Баркляя-де-Толли в «Денисе Давыдове». Успех сопутствовал его творческой и новой педагогической деятельности. Алексей Николаевич Самохвалов возглавляет и выпускает первый актерский курс Тюменского театрального училища. Среди его студентов Саша Кулябин — нынешний директор Новосибирского театра «Красный факел». Встреча этих людей переросла в настоящую дружбу, которая длится по сей день.

«В 1974 году Алексей Николаевич навсегда возвращается в труппу Алтайского краевого театра драмы. Это, пожалуй, наиболее гармоничный, с красивым ролевым аккордом творческий период»². Театралы нашего города до сих пор помнят мощную, наполненную глубоким психологическим проживанием роль Эфраима Кэбота в спектакле по пьесе Юджина О'Нила «Любовь под вязами», и мудро добросердечного Тевье-молочника из спектакля «Поминальная молитва», и чуткого, деликат-

ного Аттилио из спектакля по пьесе Эдуардо Де Филиппо «Цилиндр».

Его талант, как водится, многие завидовали, но преданная любовь зрителей перекрывала все! Спектакли, в которых Самохвалов до сих пор играет, — особенные! Алексею Николаевичу присуще безошибочное чувство стиля, интонации и жанра драматургии. Вместе с ним на подмостках оживает целая эпоха. Список его ролей дает полную репертуарную картину отечественного театра прошлого века и начала нынешнего. Следишь за игрой Алексея Николаевича и говоришь себе: «Запоминай! Запоминай! Таких уже нет и никогда не будет!» Ну, правда! Не помню я, чтобы кто-то в театре из своего кармана премию учредил в поддержку начинающим актерам! Не помню такой сердечной заинтересованности в общей театральной судьбе! Понять эту слиянность сложно. Она зарождалась в те давние времена, когда актеры и жили, и работали в театре.

Известно, что чем талантливее человек, тем сложнее ему реализовать себя в окружении людей властолюбивых и посредственных. Но Алексей Николаевич всегда оставался верен только призванию. Рядом с ним как-то легче было переживать трудные времена. Даже когда они затягивались надолго, и театр умирал стоя. Для меня, как и для многих почитателей его таланта, Алексей Николаевич Самохвалов — артист народный. Не по званию, а по признанию! Ведь не случайно же день рождения артиста и Международный день театра приходится на 27 марта! За преданность в служении избранному делу Алексею Николаевичу присвоено почетное звание заслуженного артиста России, он награжден медалью «За трудовую доблесть», медалью Кемеровской области «За добро и славу», медалью Алтайского края «За заслуги перед обществом», отмечен премией лауреата фестиваля «Сибирский транзит». Да разве перечислить все награды и подношения благодарных сердец?!

«Юнечный продукт Мастера уже давно имеет знак качества. Невозможно представить, чтобы Самохвалов выдал роль без характера, без речевого строя, без жанрового признака, без интеллектуальной огранки, без мысли, без идеи, без учета текущей ситуации в обществе, без сопряжения традиций и поисков!»³.

1, 2, 3.

Ирина Свободная.
Патриарх сибирской
сцены //Алтайский
краевой театр
драмы имени
Шукина:
90 лет в настоящем!
Век нынешний
и век минувший,
в 2 томах. 2011.

/ Молодежный театр Алтая
им. В.С. Золотухина

«ГРОЗА» В РОССИИ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ГРОЗА

Размышления о спектакле Молодежного театра Алтая,
поставленном по пьесе А. Н. Островского «Гроза»

Режиссер-постановщик
Анна Зуева
(Новосибирск)

Художник-постановщик
Любовь Бойкова
(Новосибирск)

Художник по костюмам
Олеся Беселия
(Новосибирск)

Хореограф-постановщик
Ольга Плясуля
(Новосибирск)

Сцена из спектакля «Гроза». Катерина — Ольга Жучкова, Борис — Александр Савин. Фото с сайта театра

Пьеса «Гроза» Александра Николаевича Островского всегда была (и есть!) для русского театра произведением знаковым по непреходящей актуальности. И все потому, что драматический конфликт «Грозы» уходит глубокими корнями в общественную и семейную модель русского патриархального мира. Он вскрывает саму природу коллективного бессознательного, как хранилища наследственной памяти, образов и символов. Где кровная связь людей, скрепленная личной несвободой и страхом перед неизменными многовековыми традициями становится горьким и неизбежным источником драматического конфликта. «Гроза», написанная в 1859 году, как никакая другая пьеса А.Н. Островского, всколыхнула всю пишущую и читающую творческую интеллигенцию России. Литературные и театральные критики в лице Николая Добролюбова, Александра Кугеля, Дмитрия Писарева, подробнейшим образом проанализировали в своих статьях и «темное царство», и «освежающий родник», и «мотивы русской драмы». В ведущих театрах Москвы и Санкт-Петербурга спектакли по пьесе «Гроза» имели шумный успех и общественный резонанс. Странно об этом сейчас писать, но Мейерхольд первым поставил «Грозу» в стилистике модерна в Александринском театре Санкт-Петербурга в 1916 году. Однако Лев Николаевич Толстой написал в это время Афанасию Фету, что «Гроза» Островского есть сочинение «плачевное»... Ну, что тут скажешь? Не довелось Толстому посмотреть спектакль в Молодежном театре Алтая!

Игровое пространство спектакля «Гроза» организовано с учетом принципов конструктивизма (художник-постановщик Любовь Бойкова). Тяжелая металлическая платформа с верхней горизонтальной площадкой и вертикальными лестницами по бокам напоминает железнодорожный виадук. На нем вполне гармонично расположились все участники спектакля. Они громко, складно и напористо поют песню о том, что жизнь проходит просто зря! И звучит это настолько убедительно, что не согласиться с интенцией режиссера-постановщика Анны Зуевой никак невозможно. А то, что это только пролог и ничего существенного пока не произошло, — неважно! Картинка, как говорят сценографы,

радует глаз. Да и среда обитания славных жителей города Калинова ничем особо не перегружена, не угнетена. Все очень просто. Только — самое необходимое. Столы, лавки, деревья в кадках. Места много. Есть где разгуляться. Молодежь хороводы водит да песни поет, а кто постарше, как, например, Кабаниха (Любовь Хотиева) и Дикой (Евгений Бакуменко), так те в ручеек играют. Лепота! Впрочем, тут все играют. Принцип постановки такой: игра в игре. Вот и Кудряш (Виталий Полозов) для наглядности повис на перилах виадука вниз головой и при этом текст роли произносит! Правда, мало что понятно из текста, зато — биомеханика. Привет Мейерхольду! А так как Всеволод Эмильевич сам когда-то ставил «Грозу» в Александринке, так привет-то получается в квадрате! Не сравнить, конечно, качка Кудряша с Тихоном, мужем Катерины. В трактовке режиссера, что совсем немаловажно, Тихон Александра Рейна получился фигурой весьма живописной. Мягкий, безвольный, как бы размазанный жизнью провинциальный алкоголик с детской улыбкой на лице. И зачем его женили? Жил бы себе и жил потихонечку. Но тут снова в режиссерском прочтении пьесы возникает какая-то постмодернистская несоразмерность. Очень трудно поверить, чтобы единственному своему наследнику прагматичная Кабаниха приглядела бы такую невнятную жену, как Катерина Ольги Жучковой. Малахольная она, что ли? Ведь еще ничего такого, считай, не произошло, а она уже от страха с ума начинает сходить и бедного Бориса (Александр Савин) до слез доводить. (Хотя слезоточивость актера на сцене никакого отношения к профессиональному мастерству не имеет.) Но, видно, до мастерства еще очень далеко, и потому в спектакле «Гроза» наши молодые актрисы много и упоительно плачут. Принцип организации сценического пространства «Грозы» порой досадно диссонирует с жанровыми особенностями психологической драмы. По ходу развития событий где-то там, под конструкциями, вдруг раздается знакомый вопрос: «Отчего люди не летают?» Так и подмывает ответить: «Оттого, что не хотят». Ну, к кому этот текст приложить-то? Монологи Катерины

вялы и аморфны по энергетике. Неорганичны по внутреннему проживанию. К сожалению, почти все актеры уходят в изображении чувств своих персонажей, забыв, что «Гроза» — пьеса глубоко психологическая. И что цена всей этой истории — человеческая жизнь! Возможно, теперь все это уже не так глобально понимается, судя по режиссерской трактовке, но для Островского смысл-то произошедшего был именно в этом! А в чем же еще? Не в песне

же Гарика Сукачёва «А за окном был месяц май»?! Панибратское отношение с драматургом, с содержанием пьесы медленно, но верно погружает нас в пространство маскультуры. История Кати Кабановой зависла где-то между Александром Островским и Гариком Сукачёвым. Между драмой и экшеном, в котором тоже все поверхностно, спонтанно и динамично.

Елена КОЖЕВНИКОВА

/ Алтайский государственный театр
музыкальной комедии

ВЫСОКО ЗАМАХНУЛИСЬ

В начале октября в краевом театре музыкальной комедии состоялась премьера мюзикла «Ползунов»

Композитор
Евгения Терёхина
(Красноярск)

Либретто
Евгений
Вильтовский
(Москва)

Режиссер-постановщик
Константин
Яковлев

Художник-постановщик
Алёна Муравьева

Режиссер по пластике
Татьяна
Безменова
(Москва)

Сцена
из спектакля
«Ползунов».
Ползунов —
артист Михаил
Лямин.
Фото Виктории
Паршиковой
предоставлено
театром

В «Ползунова» закладывали размах, масштабность. Невероятные труды всех театральных цехов и самое искреннее старание инвестированы в спектакль. Большой замах мы ощущаем с первых сцен — по многолюдности на подмостках, по амбициозной сценографии (для действия уготована не только горизонталь, но и трехъярусная вертикаль), по мажорным костюмам царского двора. На первый план постановщики выдвигают патриотическую идею, прославление подвига алтайского изобретателя Ивана Ивановича Ползунова. К мюзиклу написаны оригинальная музыка и либретто.

Чувствуется, постановщики хотят беспрестанно удивлять зрителя.

Получается? Давайте разбираться.

Замечательная идея — этажная конструкция на сцене, состоящая из балок, лесенок и площадок. Сооружение имитирует царский трон, заводское помещение и саму паровую машину, но на все сто ее функционал используется лишь в нескольких сценах. Высотный модуль прекрасно помогает выстроить строгую иерархию царского двора во главе с императрицей Екатериной II. Царица доносит свою волю (то есть Виктория Гальцева поет и, как всегда, замечательно поет) с самой верхотуры — с трона. Императорский спич с прицелом в современный день: «Реформы нужны во всех сферах и по всей стране. Для этого необходимо развивать промышленность», — публика принимает оживленно,

переглядываясь и хлопая. На одном из показов остроту высказыванию придает присутствие в зале губернатора Александра Карлина.

Сцены с Екатериной и придворной челядью, на наш взгляд, оказались самыми выверенными. Хорош граф Орлов (артист Денис Паньков), самоуверенный, дерзкий. Не тратя слов, в краткой пластической сцене он дает понять: Екатерина II для него Катя, и царица не возражает. Напротив — совсем не понравился рисунок роли Ломоносова. Великий ученый излишне услужлив, реплика, обращенная к нему: «Вы, Миша, в первых лицах», — обидно задевает нас, воспринимается фамильярной.

Возведение «небоскреба» на сценической площадке оправдано и хореографической композицией, которую условно назовем «запуск машины». Наконец-то на танцевальной площадке появляется движение вверх, хореографическая группа, наконец-то, использует перекладыны, следовательно, создает действие на вертикали. Попытки, однако, робки. Мы же изначально ждали, что трехъярусная конструкция будет использоваться танцовщиками как спортивный снаряд для потрясающих пластических композиций. А как иначе, если в Барнауле ансамбли «Алтай» и «Огоньки» балуют зрителя неординарными, дивными хореографическими спектаклями?! К хорошему привыкают быстро. К слову, приличный уровень в танцевальной части «Ползунова» демонстрирует дуэт Ольги Ждановой и Игоря Мусухранова.

В других мизансценах трехэтажная постройка скорее вызвала недоумение. Порой казалось, что она сковывает действие и портит общую сценическую картинку, например, в случае, когда танцовщики плотной группой теснятся на нижнем этаже вышки, а все остальное, совсем не маленькое, пространство сцены пусто. Или непонятно, зачем ее достаточно часто вращают на поворотном круге, если графика сцены при этом разительно не меняется — те же балки, перекрытия. Зритель узнает о месте действия не по изменившемуся оформлению сцены, а по действующим лицам: царица — Петербург, Ползунов — Барнаул.

Признаться, и от запуска машины мы ждали большего. Сцена, в общем, неплохо решена за счет света и дымогенератора. Подмости утратили цветность, превратились в монохромную гравюру, будто отставившись в XVIII век. Вяло задвигался флюгер на паровой машине, тем самым обозначив: пошла, родная, поехала! А хотелось какого-нибудь технического апофея, захватывающей моторной цепочки: покатилося — толкнулось — дернулось — запустилось — завертелось — торкнуло — взлетело — ура! салют, фейерверк, файершоу. Что-то в этом роде. Ведь создатели спектакля хотели удивлять зрителя? И зритель всегда хочет удивляться, и ждет волшебства.

Торжеству технической мысли предпочли повтор магистральной вокальной партии Михаила Лямина, исполнителя роли Ползунова. И тут, деваться некуда, нам придется говорить о самой слабой составляющей мюзикла «Ползунов» — о либретто. Лейтмотив заглавной песни спектакля звучит так:

*Прошу, вставай с колен, Россия!
Шагай вперед, свой дух подняв.
Друзья, в единстве наша сила,
За правдой идти прощусь,
С молитвой Господу воззвав.*

Это что? Кто это говорит? Неужели Ползунов? Третья строчка с партсъезда, пятая — с епархиального собрания. Эклетика невыносимая. Про безграмотность построения фраз молчим — зашкаливает.

Успех любой театральной постановки зависит, в первую очередь, от качества литературного материала, это — основа. «В начале было Слово...», — написано в Новом завете.

В «Ползунове» либретто мешает на протяжении всего действия, оно разрушает спектакль изнутри. Текст к мюзиклу

сочинял некто Евгений Вильтовский, в скобках (написано в программе) — Москва. Ну что сказать? Зачем заказывать столь непрофессиональный текст в Москве?!

В Барнауле есть замечательные поэты (знают об этом в театре?), возможно, стоило обратиться к ним. Уверяем, за качество текста не пришлось бы краснеть.

В театральной программе зрителя предупреждают: «Музыка и язык либретто очень современны и созвучны сегодняшнему дню». Но тогда какой смысл кроется за репликой: «За прожекторами будущее России»? В современном русском языке слово «прожектор» имеет значение «аферист». Сомнительные фразы безнадежно засорили мюзикл.

Музыку, написанную к мюзиклу красноярским композитором Евгенией Терёхиной, в общем и целом похвалим (нельзя же, в конце концов, ругать все подряд), однако заметим, что индустриальная тема в музыкальном полотне Евгении вызывает аллюзию на знаменитое «Время, вперед!» Георгия Свиридова.

Постановщики предлагают свою версию жизненного пути Ползунова, ну это уже, как говорится, бог с ними, с мотивами. Тут мы склонны рассматривать мюзикл как импульс, провоцирующий интерес барнаульцев и жителей края (особенно молодых) к теме «Ползунов». В библиотеках есть соответствующая литература — можно познакомиться с изобретателем поближе.

Несомненный плюс и спектакля, и всей труппы — актер Насими Нариманов, играющий на сцене музыкального театра первый сезон. В «Ползунове» у него крошечная роль церемониймейстера, он выходит в начале двух актов и демонстрирует чудесный вокал. В театре появился тенор, на которого невозможно не обратить внимания и которого хочется услышать в будущих премьерных мюзиклах.

Введение сладкоголосого новичка на эпизодическую роль — отличный пиар-ход режиссера Константина Яковлева. У Яковлева, безусловно, не отнять режиссерского чутья. Не откажешь ему ни в фантазии, ни в продуцировании сумасшедших (в хорошем смысле) идей, ярких образов, ни в творческом запале. Как раз случай по Аркадию Райкину: все есть! Но в «Ползунове» чего-то не хватает. Чего недостает все-таки? Понимания, что литературная часть — это фундамент, на котором зиждется вся постановка. Строгости в оценке собственного произведения. Филигранности в отделке деталей. Вместе с тем, подчеркнем: Константин Яковлев умеет ювелирно работать, он не раз доказывал это.

Лариса ВИГАНДТ

*/ Алтайский государственный театр
музыкальной комедии*

НАВСТРЕЧУ «АЛЫМ ПАРУСАМ»

Мюзикл, созданный по мотивам знаменитой феерии Александра Грина, композитором Максимом Дунаевским и поэтами Михаилом Бартенёвым и Андреем Усачёвым, поставлен на сцене краевого музыкального театра

Сцена предстает перед нами засыпанной песком, песок сыплется сверху, он повсюду — сухой, безжизненный. Море бросило людей, оставив на память о себе скелет корабля и пирс. Мертвый пейзаж соотносится с внутренним миром одних героев и контрастирует с другими. Бездушная огромная пустыня и мечта об алых парусах в детском сердце — антитеза, на основе которой художник-постановщик Алёна Муравьёва создает сценический мир. Сценография порождает бесконечные метафорические ряды, и потому интересна.

«Каракумы» на сцене, на удивление, не помешали стать спектаклю экспрессивно-живописным, импрессионистически-цветным. На песочном фоне особенно ярко алеют

паруса игрушечных корабликов. Нарядные вспышки, блуждающие в песках, предвестники парусника Грэя, — это, конечно, символы мечты, и они подарили зрителю прекрасно-сентиментальное настроение. Дети смотрели сказку, а взрослые, для которых алые паруса фактически архетип, успевали и внимать действию, и вспоминать ... ну, к примеру, артековскую песню:

*И теперь, как прежде по морским волнам
Я иду навстречу алым парусам.
На лицо попала мне морская соль.
Это мой кораблик, это я, Ассоль.*

Режиссер-постановщик
Константин Яковлев

Балетмейстер-постановщик
Оксана Малышева

Дирижер-постановщик
Сергей Белоусов

Художник-постановщик
Алёна Муравьева

Сцена из спектакля «Алые паруса».
В роли Ассоль — Юлия Пермякова.
Фото
Виктории Паршиковой
предоставлено театром

***

В спектакле удачно решена детская тема. Ассоль в детстве играют пятилетняя Полина Рондова и двенадцатилетняя Ада Упорова; в роли Грэя выходят Саша Тихонов и Слава Эдель, а в роли Меннерса-младшего — Матвей Гальцев.

Матвей изображал избалованного богатого мальчишку, беспрекословного лидера среди местной босой детворы, но его герой не законченный негодяй, каким, может быть, зритель ждет увидеть его. У Меннерса-младшего сложный внутренний мир, с порывами к высокому, ибо он играет на скрипке, а музыка умягчает сердца. Матвей сумел приковать к себе внимание зала, потому что его скрипка звучала вживую.

У Ады Упоровой — самостоятельная вокальная партия. Ее ангельский голос совершенно покорила публику, в антракте зрители, делясь впечатлениями, не скупилась на похвалы и интересовались: «Где же учится юная актриса?» Ада занимается в студии мюзикла при театре, которая, к слову говоря, работает первый сезон.

Кроме заглавных героев в детских ролях задействована очаровательная ватага вихрастых «черных, рыжих и льняных» мальчишек. «Мальчишек на берегу» играют участники детского городского академического хора под управлением Инессы Грицай.

Дети не уступали в талантах старшим коллегам. Сотрудничество театра с детским коллективом нам показалось весьма удачным.

***

Герои в исполнении профессиональных актеров оказались в равной мере интересны. Даже неглавные роли не отодвигаются на второй план. С фантазией сделанные мизансцены как будто приподнимают актеров на постамент, выделяют их, закрепляют за каждым оригинальное пространство, образ, эмоцию в общей канве спектакля. К примеру, Мэри (заслуженная артистка РФ Виктория Гальцева) запоминается в сцене с нежной колыбельной песней, которую она поет для Ассоль, и в сцене прощания, когда жители поселка сыплют ей вослед по горсти песка. Заслуженный артист РФ Дмитрий Иванов, исполняющий роль Меннерса-старшего, выходит с последним вокальным номером на корму перевернутого корабля, то есть на самую высокую точку на сцене. Меннерс, конечно, отрицательный герой, но Дмитрий Иванов, один из самых узнаваемых актеров мюзикомедии, бесконечно обаятелен, — как же мы можем не сочувствовать им обоим в эпизоде гибели!

Добрых слов заслуживают все актеры, вышедшие на сцену в премьерном спектакле 30 ноября: Михаил Басов (Лонгрэн),

Зинаида Черных (жена Меннерса), Тамара Вильгельм (сестра Меннерса), Мария Евтеева (хозяйка маяка), Леонид Титов (священник), и, безусловно, исполнители главных ролей — Юлия Пермякова (Ассоль) и Михаил Лямин (Эгль).

Остались еще два персонажа, которым мы уделим особое внимание.

Совсем призрачен, едва намечен образ Грэя, герой пунктирен и в детстве, и в юности, его почти нет. Актеры, исполняющие роль Грэя, выходят на подмостки с геральдической миссией в определенных знаковых сценах (мальчик с корабликом проплывает по волнам или юноша стоит на фоне алых парусов). Взрослый зритель достраивает психологический портрет героя по книжке Грина, он, возможно, помнит эпизод: маленький Грэй опустил руку в кипяток, чтобы понять, как больно кухарке, ошпаренной нечаянно им. А дети? Их в зале немало, но многие ли из них читали Грина? Остается надеяться, что мюзикл «Алые паруса», у которого все же больше достоинств, чем недостатков, подвинет юных зрителей к книге.

Грэй-капитана, плывущего навстречу Ассоль, сыграли пропраммка, где указано, что в ролях Эгля и Грэя выходит один актер — Михаил Лямин, и сценография: стена под грозовые звуки разверзлась, и в разломе заволновались огромные алые паруса. Прекрасный, сильный момент спектакля. Художнику-постановщику, нашедшему простое и одновременно эффектное решение сцены, как говорится, респект и уважение.

Роль повзрослевшего Меннерса-младшего досталась Арсену Митичашвили. Актер самозабвенно, по-настоящему любил и страдал на сцене. Он любил так, как мог бы любить Грэй, отыгрывал чувство за соперника. Горячие монологи Арсена, подвижная эмоциональная мимика, порывистые движения удивили и покорили. Что-то личное чудилось в столь искренней игре.

Подумалось, что же должен сделать Грэй, чтобы превзойти, переиграть, стать выше? Но Грэй было предложено просто спеть на фоне алых полотнищ. Так что Арсена Митичашвили никто не переиграл. Его работа нам видится самой интересной даже в контексте других успешных актерских работ.

Музыкальный театр создал добрую постановку для всех возрастов, мы рекомендуем ее смотреть и в одиночку, и семьей, и детской компанией, и взрослой. Успешную работу всегда верно чувствует премьерный зритель, а он, нужно сказать, не уставал после каждой сцены благодарить актеров аплодисментами.

Лариса ВИГАНДТ

Драматургия жизни

Пьеса Анастасии Мордвиновой
«Повод для полуночного пикника» заняла I место
в краевом конкурсе «Авторская сцена Алтай»,
прошедшем в октябре 2016 года в рамках
II Всероссийского молодежного театрального
фестиваля им. В. С. Золотухина

текст

ГАЛИНА
БАТЮК

Несколько лет назад мне на глаза попались стихи. Сквозь бумагу проступали музыка и ветер, раскачивающий строчки и буквы, как провода с воронами во время бури. Я не знала автора лично, но отчетливо видела, как из-под его пальцев слова летят легко и стремительно, подобно бусинам с разорвавшейся нитки. Больше всего в тех стихах запомнился, пожалуй, вечный архетип прощаний, встреч и невстреч и ощущение географии не в смысле учебника, а в смысле пространства, к перемене которого лирический герой относится с легким сердцем, даже попустительски, как к картинкам, мелькающим за окнами поезда, но все же навсегда отпечатывающимся на сетчатке глаза. Тогда я не знала, что сюжетную канву многих стихов можно будет случайным образом наложить и на мою судьбу и что когда-нибудь мне придется беседовать с их автором, Анастасией Мордвиновой.

С тех пор много воды утекло: Анастасия стала театральным критиком, окончив Санкт-Петербургскую государственную академию театрального искусства, сменила поэзию на драматургию, Барнаул сначала на Петербург, а теперь уже и на Москву, и совсем недавно заняла первое место в краевом конкурсе «Авторская сцена Алтай» с пьесой «Повод для полуночного пикника». В последний день перед отъездом в столицу Анастасия рассказывала о том, как поэт превращается в драматурга, какую часть души занимает Алтайский краевой театр драмы и почему написание пьес полезно в терапевтических целях.

— Анастасия, недавно вы стали победителем в краевом конкурсе драматургических произведений «Авторская сцена Алтай» с пьесой «Повод для полуночного пикника». Кто или что подтолкнуло вас к участию в нем?

— Знаете, здесь произошла немного странная история. Это не секрет, поэтому я расскажу. Дело в том, что я не подавала заявку на участие в этом конкурсе. Так получилось, что я встретила на одном мероприятии в Питере с Вадимом Климовым (Вадим Климов — барнаульский арт-критик, директор галереи «Республика ИЗО». — Г. Б.) и он рассказал мне о конкурсе и о том, что собирается отправить туда свои пьесы. Мы договорились обменяться работами, чтобы я почитала его, а он — мои. А потом моя пьеса оказалась на конкурсе: Вадим просто решил ее отправить, кажется, даже не спросив моего разрешения. В общем-то, я больше не вспоминала об этом, пока однажды мне не позвонили и не сказали, что я заняла первое место.

— В рамках закрытия II Всероссийского молодежного театрального фестиваля им. В. С. Золотухина состоялась также и читка вашей пьесы актерами Алтайского краевого театра драмы. Означает ли это, что пьесе вашего авторства можно будет в скором времени увидеть в репертуаре театра?

— Я, разумеется, заинтересована в том, чтобы мои пьесы были в репертуаре разных театров, тем более Алтайского краевого театра драмы или какого-нибудь еще барнаульского театра. Но этот вопрос адресован уже к руководству театра. Была замечательная читка, она мне очень понравилась, но разговора о самой постановке не было, мне этого никто не предлагал. Я подозреваю, что это и не подразумевается, потому что, как правило, у репертуарных театров график постановок распланирован на несколько лет вперед и бюджет очень скромный.

— О чем пьеса?

Все действие происходит в течение суток в кофейне, в некоем условном пространстве, в Будапеште. Там много персонажей, часть из них — мертвые, часть — живые. Сама пьеса о взаимосвязи мертвых и живых людей и о невозможности коммуникации, как я говорю. Журналисты уже несколько раз просили пересказать сюжет пьесы, но у меня не получается, потому что эта пьеса не из тех, у которых есть четкий

сюжет: пришел, влюбился, женился, умер, хотя и все это в моей пьесе тоже присутствует, то есть там есть некая линия взаимоотношений внутри одной компании, но при этом всплывают какие-то очень важные вещи, связанные, например, с жизнью и смертью.

— Где можно увидеть спектакли, поставленные по вашим пьесам?

Пьеса «Повод для полуночного пикника» была прочитана единственный раз в Алтайском краевом театре драмы. Кроме того, она вошла в лонг-лист лучших пьес в прошлом году на фестивале «Первая читка» в Петербурге. Но у меня есть и другие работы. В сентябре я ездила на драматургический фестиваль «Любимовна» в Москву, там моя пьеса «Кадыр» (пьеса документальная, основанная на моей встрече с дворником Кадыром) попала во фриндж-программу (от англ. «fringe» — дополнительный. — Г. Б.) и была прочитана в рамках фестиваля, и сейчас в Москве готовятся к постановке два спектакля по этой пьесе. В Томском ТЮЗе в ноябре состоится премьера моей пьесы «Братец Лис и/или братец Кролик» по мотивам книги Джоэля Харриса «Сказки дядюшки Римуса» (режиссер — Катя Гороховская). В прошлом году в Омске прошел спектакль Дениса Хуснисярова по моей пьесе-инсценировке по Чингизу Айтматову. С этим режиссером мы также сделали спектакль-инсценировку «Платонов. Живя главной жизнью». Спектакль побывал на многих фестивалях, в том числе на фестивале «Реальный театр» в Екатеринбурге, в Центре им. Вс. Мейерхольда в Москве.

Оригинальные пьесы, не основанные ни на чем, кроме собственной фантазии, я стала писать не так давно, их у меня всего три штуки. Но я собираюсь продолжать.

— Пробовали ли вы себя когда-нибудь в киносценариях?

— Как раз по моей пьесе «Кадыр», которая была представлена на фестивале «Любимовна», одна девушка-режиссер решила снять короткометражный художественный фильм. Театральная пьеса недостаточно подходит для кинематографа, поэтому она просит написать меня киносценарий по мотивам этой пьесы, и я, наверное, этим сейчас займусь, потому что, в принципе, я хотела бы работать в этой области дальше.

— Вы начинали учиться в Алтайском государственном университете, потом поступили на театроведческий факультет СПбГАТИ в Петербурге. Легко ли было менять одну alma mater на другую? И всегда ли знали, что хотите быть драматургом?

— Во-первых, я хочу сказать, что всегда с большим теплом вспоминаю АГУ и считаю, что это замечательный университет, мне там было очень

Анастасия Мордвинова.
Фото из личного архива

интересно. Я поступила на филологический факультет на переводчика и выучила английский за один год, за что очень благодарна АГУ, хотя до этого десять лет учила его в самых лучших барнаульских школах — как горох об стену. Я никогда бы оттуда не ушла, но так получилось, что зимой я попала в Питер и до меня дошло, что с моей стороны просто глупо не учиться на театрального критика, потому что об этом я как раз мечтала с детства, а о том, что буду драматургом, не знала. Я хотела писать про театр, поэтому в Барнауле занималась журналистикой, в том числе в газете «САМИ», а потом поняла, что если есть место, где этому учат, а я хочу этим заниматься, то почему мне этому не научиться профессионально, и я уехала.

— Ваш отец Владимир Мордвинов долгие годы (с 1996 по 2009) руководил Алтайским краевым театром драмы. Поддерживаете ли вы сейчас связь с театральным сообществом Барнаула? (Владимир Мордвинов ушел из жизни в октябре 2016 года. «Культура Алтайского края» выражает соболезнования родным и близким.)

— Честно говоря, нет. С Алтайским краевым театром драмы меня очень многое связывает. Но с тех пор, как я уехала в Петербург, почти все эти связи разорвались. Я даже больше следила за судьбой Молодежного театра Алтая, потому что там происходили

разные интересные события, связанные с руководством, с Митей Егоровым, с золотухинским курсом, с Золотухиным, я даже про этот театр больше знаю. А с Театром драмы у нас случился какой-то период раздельного существования, хотя это важнейшее для меня место, святое место, оно меня воспитало. И, конечно, мне бы очень хотелось, чтобы там шел спектакль по моей пьесе. На похоронах моего отца я повидалась со многими сотрудниками театра, с теми людьми, которые работали с папой, любили его, ценили. В определенном смысле эти связи где-то есть, на каком-то тонком уровне, но в профессиональной области — нет.

— **Есть такое понятие как «сын полка». Можете ли вы в полном смысле назвать себя «дочерью театра»? Сильно ли повлияла на ваше становление атмосфера театра, закулисы?**

— Да, безусловно. Есть дети, которые гораздо больше проводили времени в театре, это актерские дети, как правило, которые выходили на сцену, сидели за кулисами по вечерам, пока мать играет. У меня же немного иная ситуация, более осознанная, более осмысленная: я приходила туда сама. Мне было восемь лет, когда отец стал руководить театром, не было необходимости

в том, чтобы я там росла. Но, разумеется, с театром связаны, во-первых, мои первые художественные впечатления, во-вторых, я свою жизнь с театром связала исключительно по этому поводу. Папа с большим уважением относился к театральным критикам, к театроведам, для него как для директора театра их мнение было очень важно, значительно. Я очень люблю папу, и мне хотелось, чтобы он ко мне относился с таким же интересом, уважением, поэтому я поступила на театроведческий факультет СПбГАТИ.

С Театром драмы связана и моя первая любовь. Еще я понимала, какие женские, человеческие качества мне нравятся, когда смотрела на разных актрис. А когда увидела, например, как одна артистка играет на пианино и поет, подумала: как же это здорово, и тоже захотела научиться. Ну и просто я действительно много времени проводила в зрительном зале, много раз смотрела спектакли.

Кроме того, режиссер Владимир Александрович Золотарь тоже очень сильно повлиял на меня, на мое мировоззрение. С его приходом Театр драмы из хорошего провинциального театра превратился не то чтобы в ведущую площадку страны, но в театр, отвечающий требованиям современного развития, требованиям современного театрального искусства. И я видела, как это происходило на моих глазах, когда вышли «Генералы песчаных карьеров» Юрия Ядровского, «Великодушный рогоносец» Золотаря. Это был совершенно другой формат, что-то совершенно новое, нечто прекрасное. Я помню, что, когда я приехала учиться в Питер и стала смотреть спектакли почти каждый день, я была уверена, что в Барнауле лучшее — это Золотарь, а здесь уж будет столько всего. Оказалось, что нет, приходилось очень много отсматривать, чтобы перебить впечатление от его спектаклей. Так что, безусловно, я не отрицаю своего происхождения из Театра драмы, и это связано с замечательной труппой театра и моим отцом.

— **В Барнауле вас знают, кроме того, по поэтическому творчеству. Вы печатались в различных альманахах, занимались в литературной студии. Сейчас не пишете стихи?**

— Что касается стихов, это была такая, скорее, юношеская тема, хотя в Барнауле, мне кажется, это довольно развито, не в каждом городе такое есть. Я, например, обожаю Наталью Николенкову, в детстве зачитывалась Фаридой Габдрауповой, а еще я не устаю признаваться в любви Диме Мухачёву, я его читаю сейчас постоянно, мне кажется, он одаренный человек, хотя и моего поколения. А мы — да, у нас была компания. Мы учились в старших классах, писали стихи, читали их друг другу, встречались, обсуждали, у нас были семинары. Сейчас — нет, я не пишу стихи. У меня это перешло

Победитель краевого конкурса «Авторская сцена Алтай» — Анастасия Мордвинова.
Фото Андрея Луновского

на какие-то более профессиональные моменты, более утилитарные. Но еще, честно говоря, у меня есть несколько песен, может быть, это просто перешло в другой жанр. А стихи, мне кажется, это что-то такое юношеское. Меня поражает, насколько Наташа Николенкова, которая продолжает писать стихи, остается ребенком, юной девушкой. Мне кажется, писать стихи может позволить себе только молодость, потому что дальше это становится слишком претенциозно. Меня поражают люди, которые умудряются писать стихи и не выглядеть при этом нелепо, смешно, пафосно. Это про Наташу Николенкову.

— Но ваше, как вы говорите, юношеское «Мы письма в долгих ящиках храним. // По строчкам, по созвучиям отдельным...» я давно люблю, даже знаю наизусть и всегда поражаюсь, как оно аккуратно к моей жизни подошло.

— Ничего себе, удивительно! Но вы знаете, однажды сюда на один театральный фестиваль приезжала Вера Полозкова, она читала стихи, а потом зрители общались с ней. Там люди тоже говорили: «Вот такое-то ваше стихотворение прямо про меня», на что она сказала, и мне это очень понравилось: «Нам все время кажется, что у нас очень индивидуальный жизненный опыт, что только тебя бросил парень, только у тебя такие отношения с родителями, а на самом деле у всех почти одно и то же происходит». Это как я эти две недели очень часто думаю по поводу смерти моего отца: отцы умирают у ста процентов людей, и делать из этого нечто особенное не представляется возможным, потому что произойдет это раньше или позже — уже не имеет такого значения, мне было бы одинаково горько и в тринадцать лет, и в пятьдесят три, и сейчас. И это к тому, что не такой наш опыт и индивидуальный, поэтому в чужих стихах очень часто можно найти себя.

— Как вы относитесь к проблеме цензуры в области театрального искусства? Должны ли быть, по вашему мнению, гласные или негласные запреты? Все ли темы уместны на театральной сцене?

— Знаете, здесь бы я выделила два основных момента. Первый — спекуляция. Я против того, чтобы использовались темы, которые начинают меня как человека психологически задевать больше, чем как зрителя художественного произведения. В качестве известного примера: если вывести на сцену ребенка и начать его бить, или вынести котенка и задушить, или заставить стоять ребенка у гроба матери и плакать, то это будет стопроцентный успех, все зрители будут плакать, но это несправедливо. То же самое, мне кажется, несправедливо выпускать какой-то слишком сильный эротический пласт в кинематографе, когда происходит давление на инстинкт. Это меня смущает больше, чем отсутствие или наличие цензуры. А цензура, мне кажется, должна быть тоже. Я ничего не имею против, особенно как театральный критик, ни голого тела, ни мата, но мне кажется, здесь мы можем ориентироваться на Гражданский кодекс РФ. То есть если нечто предусмотрено правилами, то давайте эти правила соблюдать, в этом нет ничего сложного. Можно заменить сигарету, открытый огонь на сцене, слава богу, есть в современном мире средства. Или заменить какие-то слова на литературные. В принципе, цензура имеет право на существование в рамках закона. А вот оскорбление чувств верующих — мне это не очень понятно, так можно дойти до оскорблений чувств кого угодно. Мало ли, может, в каком-нибудь фильме оскорбляют мои личные чувства, потому что там разбавляют кофе молоком, а я считаю это кощунством, потому что, по моему мнению, кофе нужно пить без молока.

— В 2009 году вы писали:

**И в награду за это зло
(Бога нет, а не то б от бога)
Мне, счастливице, повезло
Целовать его у порога.**

В связи с этим вопрос: Бога по-прежнему нет?

— Странный вопрос. Дело в том, что я с 2005 года приобрела прибежище в буддизме. На самом деле как раз в этой строчке есть Бог, мне

кажется. Понятно, что мой православный менталитет и мое русское православное сознание хочет благодарить Бога за возможность встречи с каким-то человеком, но мои новые представления в этой жизни отрицают существование Бога и благодарят, грубо говоря, вселенную. Но я бы к этой строчке не цеплялась, это, конечно, такой оборот. И это художественный текст. Меня всегда удивляет, когда пишешь пьесу, например, а потом все тебя начинают спрашивать: а на самом ли деле это было? Ребята, это художественный текст, о чем вы говорите? Бывает, спрашивают: а вы случайно не с себя писали эту героиню? Даже если с себя, может, она использует такой же речевой оборот, как у меня, но это не значит, что я убиваю людей, как она. Это же не строчка из интервью, не научная статья, это художественный текст.

— Да, понимаю. Но ведь в поэзии личности автора всегда больше, чем где бы то ни было. И искусство принципиально отличается от той же науки тем, что автор почти всегда сам себе инструмент и пишет вроде и о других, но чаще получается все равно про себя.

— Да, наверное. Это как у Бориса Гребенщикова: «Так что, Дарья, Дарья, не нужно рисовать мой портрет <...> // Ты всё равно рисуешь сама себя, меня здесь нет». Да, это очень заметно, в стихах это просто откровенно, в драматургии тоже видно. Более того, это заметно даже в театральной критике, как-то я составляла резюме, мне пришлось перечитать несколько своих текстов, и я поняла, что все они, тексты, написанные на разные спектакли, одинаковые, потому что все равно ты видишь через призму себя какой-то чужой художественный материал и анализируешь через свое все равно, и поэтому получается все об одном, так про себя становится многое понятным. Есть психотерапевтический эффект от искусства, я это замечаю. Пишешь пьесу, а через какое-то время доходит, почему ты ее написал в этот период, о чем она была, что тебя на самом деле беспокоило. В общем, я рекомендую всем заниматься творчеством, мне кажется, в современном мире, наполненном паническими атаками и стрессом, это очень полезно. ◀

«Я хочу хоть одну звезду»

В личном фонде киноактрисы Екатерины Савиновой (1926–1970), хранящемся в Государственном музее истории литературы, искусства и культуры Алтай, есть несколько общих тетрадей с дневниковыми записями 1950–1960 годов

текст

ЕЛЕНА
ОГНЕВА

Привычку вести дневник Екатерина Фёдоровна обрела в студенческие годы. Такова методика развития наблюдательности у актеров и режиссеров, что позволяет им черпать материал для работы из повседневной жизни. Дневники Савиновой содержат описания простых бытовых ситуаций, житейских историй, случайных разговоров.

Особое внимание обращает на себя тетрадь, датированная 1950 годом*. Ее страницы заполнялись с мая по сентябрь, когда Екатерина окончила институт кинематографии и поехала на отдых к родной сестре, Марии Фёдоровне Панченко, в Сухуми. Это было последнее беззаботное лето в жизни актрисы, полное мечтаний и надежд, — канун нового этапа жизни.

11 мая 1950 г.

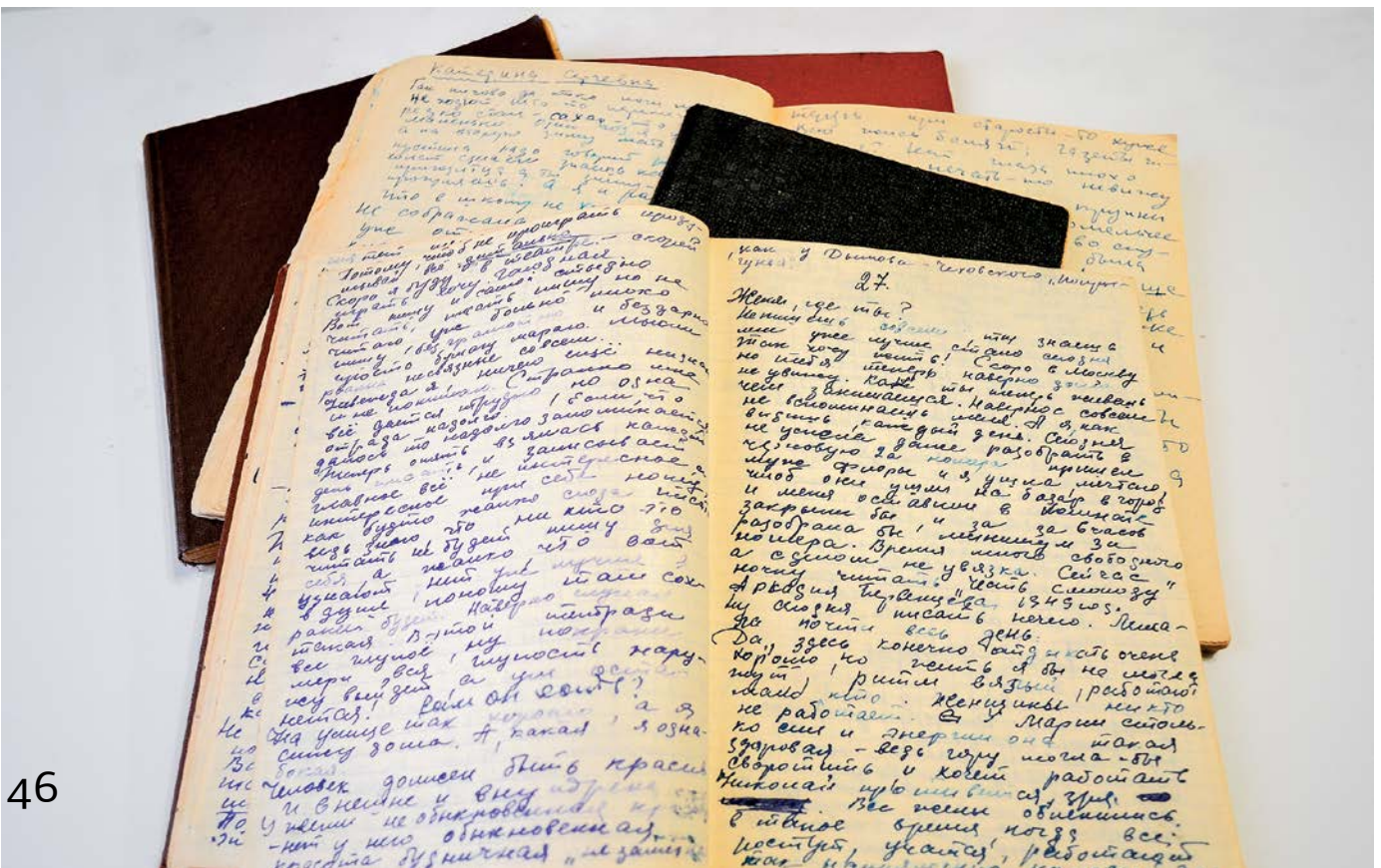
Запишу урок пения. Мне Ван дер Вейде¹ велела записывать уроки пения. Фа-диез — превосходная нота для любого голоса. Это самая трудная нота. Дыхание нужно брать немного, то есть не перегружать, легко. И не зажимать при пении диафрагму. Диафрагма участвует только при подаче высокой ноты.

Сегодня особенно легко пелось. Странно, Ван дер Вейде говорит, что у меня очень подвижный голос, а я думала, наоборот, голос очень дубоватый и неподвижный. Даже обрадовала меня, что, наверное, у меня в 82 года будет драматическое сопрано. В общем, какой будет, а пока я должна заниматься по возможности каждый день.

Когда шла к Ван дер Вейде (по улице пешком), то по дороге ко мне подошла «черная женщина», не то грузинка, не то армянка, с длинным носом. Одета она была в старые яркие тряпки: не то накидка, не то шаль на ней была красная. Подошла и плаксивым голосом попросила денег. «Поддай, — говорит, — гражданочка, а то прямо с голоду умираю». И сама чуть не плачет. Я дала ей рубль, и она побежала дальше по улице. Моросил дождь. Потом я не прошла шести шагов, как смотрю, одна старушка ко мне обращается, чистым голосом говорит и громко так на всю улицу: «Вот видишь, доченька! Говорят, одни русские

Дневники
Е.Ф. Савиновой
из фонда
ГМИЛИКА

* Текст рукописи сокращен и отредактирован. Публикуется впервые.

Кадр из кинофильма «Кубанские казаки» (реж. И.А. Пырьев). Екатерина Савинова в роли Любочки. «Мосфильм», 1949.
Все фото предоставлены ГМИЛИКА

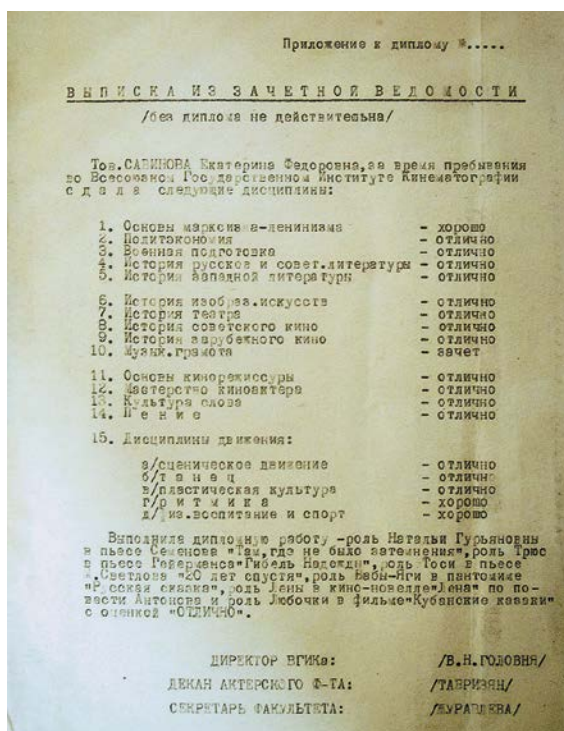
побираются. Вот и эти тоже просят не православные». Я говорю: «А кто она, бабушка?» — «А Бог ее знает, не то еврейка, не то цыганка!» Я говорю: «А что же вы тоже побираетесь?» Она ответила: «Да». В руках у нее были какой-то котелочек и мешочек маленький, а на спине был еще большой мешок. И лицо очень хорошее. Так как я люблю старух, пристрастна к ним, то я, конечно, спрашиваю: «Вы здешняя?» Она говорит: «Да». А, между прочим, старые люди всегда с удовольствием рассказывают свою жизнь, случаи из жизни и охотно отвечают на вопросы, советуют, делают

ся, потому что им хочется рассказать о себе, поделиться, и вообще приятно вспомнить прошлое. А молодежь обычно не любит слушать старых. У молодых все впереди — надежды, мечты, все. У них свои дела всегда, спешат, торопятся! И часто старухи рассказывают, а ты думаешь: «Ну вот, теперь этим воспоминаниям конца-краю не будет». А если они малоинтересны, то стараешься отделаться поскорее. И со мной это было. Если встретишь в трамвае, думаешь: «Скорей бы остановка — да сойти. Своих дел много, а тут еще она со своими рассказами». Но чаще мне интересно. Вот человек уже прожил жизнь — что он вывел в итоге: по-моему, ему ясно, что он делал верно и что нет, и вообще, какие у него сформировались взгляды на эту

Екатерина Савинова, Евгений Ташков, Вячеслав Невинный на вечере выпускников ВГИКа. 1950

Выписка из зачетной ведомости. Приложение к диплому ВГИКа Екатерины Савиновой. 1950

сложную штуку — жизнь, которая дается один раз. Как ее прожить? И если б ему дали ее снова, как бы он ее прожил. Я думаю, что снова бы ошибался.

Так вот, я уклонилась от главной темы. Она мне сказала, что имела комнату здесь, но потом пустила квартирантов, и каким-то образом потеряла комнату, теперь живет так — у кого пол помоев, постирает, там и ночует. Но, говорит, вот последний месяц живет на квартире у одной старухи-пьяницы (так она сказала). Старуха, говорит, инвалид, пенсионер и еще продает цветы — деньги все пропивает. И сын у нее инвалид и тоже пьет. С нее они берут 3 рубля в день. И говорят: «Плати сразу за месяц 90 руб.». «Я, — говорит, — не могу платить столько много денег сразу. Вот пошла в церковь в воскресенье, набрала 15 руб. и заплатила».

Я дала ей 1,5 рубля. Она спросила, как меня зовут и как зовут мою маму. И сказала, что за меня помолится за здоровье и за маму, за упокой. «Спасибо», — сказала она мне, и я ей, и разошлись.

Да вот, думаю, оказывается, и у нас есть еще люди без приюта.

12 мая 1950 г.

Черт знает, что делать с голосом. Оказывается, я все четыре года дышала неправильно. Я развила диафрагму так, что она у меня стала, как стол, твердая. Дыхание диафрагмой для меня стало уже естественно, я ночью даже дышу диафрагмой. У Вадима Николаевича занималась каждый день целый год. Он все время говорил, что только диафрагмой дышать и петь (да и в институте). А теперь вдруг, здравствуйте. Говорят, что это очень вредно, голос потом пропадает, загоняют слова при пении, так как весь звук в затылке, нужно петь легко, так же, как говорить.

Природа всегда дает лучшее, и если человек уже поет, нигде не учась, значит, его нужно только поправить, и чтобы он сознательно понимал то, что он делал до сих пор

1. Ван дер Вейде (сцен. псевд.) — Туманская Наталья Васильевна (1870–1958) — артистка оперы (лирико-драматическое сопрано). Выступала в московском театре «Фарс» (Общество русских оперных артистов под упр. М. Лентовского), в антрепризе М. Салтыкова, в 1903–1905 гг. — солистка московского Большого театра. Пела вместе с Ф.И. Шалагиным в опере А. Даргомыжского «Русалка».

бессознательно. Точно также и в драматическом искусстве человек, не участь нигде, любит сцену и играет роли, и вполне возможно, что он играет очень хорошо. Он талантлив, не имея школы, играет блестяще, но если он усвоит школу, она ему поможет. И если он в совершенстве овладеет техникой актерского мастерства, да плюс талант, это уже гениально.

13 мая 1950 г.

Вечер. Ужасное настроение! Только что вернулась от Ван дер Вейде. Не могла петь совсем, так как сегодня репетировала спектакль «Там, где не было затемнения»², примерялась к залу и сорвала себе голос совершенно — певческий, конечно. Да, и не певческий... хриплю. Какое наказание.

Ван дер Вейде говорит, что драматическое искусство не совместимо с пением, и то, что она нарабатывает, я разрушаю. Вот эти пять дней последних я ходила каждый день петь и вчера мне было так легко, что просто поразила сама. И Ван дер Вейде подивилась легкости моего голоса и быстрому развитию тембра. А сегодня, пожалуйста, разбито все вдребезги. Не представляю, как я буду ездить, и что будет с моим горлом.

Да, вообще, если мне играть через день, то я, думаю, и разговорного лишусь. Очень плохо на душе. Мне уже кажется, что я родилась на свет для того, чтобы мучиться. Через три дня каждые у меня крах, не в том, так в другом.

14 мая 1950 г.

Сегодня был спектакль в Доме пионеров. Прошел средне. Им, правда, понравилось, но это потому, что видели первый раз, а вообще прошел средне. После спектакля была встреча со зрителями. Очень горячо говорили пионеры, высказывались, опровергали один другого.

Плохо я стала играть Гурьяновну³ — нужно все пересмотреть. Особенно в первом акте. Итак, о главном событии я еще не писала. О создании нового молодого театра при В. В. С. Если это дело выйдет, то наше счастье. Завтра идем к Борису Владимировичу⁴ говорить насчет этого. Уходит из коллектива Юра Рудаков⁵, очень жаль, хороший честный чистый парень — очень жаль.

15 мая 1950 г.

Сегодня была беседа всего курса на квартире Бориса Владимировича. Ребята говорили о наболевшем

Екатерина Савинова на пляже в Сухуми. 1950

Главным образом говорили обо мне и о Жене Ташкове⁶. Многое из того, что они сказали правильно, но в самом корне они ошибаются. Я не желаю никому плохого, я грубила, желая лучшего. И я говорю чисто перед совестью сейчас, что у меня нет злорадства и нет такого чувства, что я центр внимания, это слишком мелко.

Грублю, потому что не переносю грязного нечистого отношения к делу, к работе. Да, я признаю, главного качества во мне нет — воспитанности. Вот за это спасибо. Сейчас не поздно, и я постараюсь сделать все возможное. Думаю, что исправлю. Не сразу, конечно. Я не воспитана в своей семье (курс, я считаю, своя семья, вот я говорю резко, грубо, а на улице, в чужом обществе я могу сдержаться и быть вежливой и обходительной, и мягкой). Так почему же я со своими так себя веду? Потому что по-настоящему не воспитана.

Выпиши себе письмо Чехова А. П. к брату. И знать его, и помнить. Это правило, от которого нельзя отклоняться, лучше уже не скажешь.

Один ученик подошел к Станиславскому и сказал: «Я ухожу из студии». На вопрос Константина Сергеевича: «Почему?» — «Я здесь искал храм и не нашел его». — «Милый, — сказал К. С., — я 26 лет ищу его, только в самом себе».

30 мая 1950 г.

Урок по пению. Рот широко не раскрывать. Только на си-бимоль или яблоко. Улыбка в горле. Все гаммы петь на улыбку.

20 июля 1950 г.

Итак, простите мне, простите. Я не писала очень долго. Сейчас уже на юге отдыхаю, загораю, хожу на море. Опять я на юге. В раю, как сказала бы моя бабушка, где большие деревья цветут, где чужие люди живут, где много яблок и света, где море, где солнце, где лето.

Живу я в красивом доме. Сплю наверху, на балконе. Утром хожу на море. Только одно у меня горе. Толстею, жирею и сплю.

А ночь такая темная-темная повисла над балконом и почему-то ни одной звезды. Как бы я не хотела, чтобы так со мной было в жизни. Я хочу хоть одну звезду — одну, мне не надо больше. Но одна, чтоб светила. Чтоб я могла идти к ней, тянуться к ней. Не тянуться, а идти, идти к ней. И вот мне кажется, что я вижу, вижу звезду, — моргнула. Смотрю, нет, не было ее. Это просто от напряжения. Вот так и в жизни.

29 июля 1950 г.

Человек № А-5953.

Вчера пришел к нам один рабочий — солдат лет 24 — молодой, симпатичной наружности — красивые волосы вьющиеся. Пришел он, чтобы прибить лист жести под умывальником, т. к. течет на пол вода. Паренек молча прибывал жечь.

На руке у него был выколот номер, но особого значения мы этому не придали. Я видела многих людей, исколотых бог весть какими знаками и рисунками. Стоит посмотреть на моего младшего братца, так целая галерея выколов — разных: и с подписями, и без надписей.

Наш сосед говорит мне тихо: «Этот человек был в концлагере».

Он был, как все, среднего роста, спокойно прибывал лист, пилотка сползла у него совсем набок и еле держалась, а волосы пушистые совсем растрепались и тонкие пряди прилипли ко лбу. Щена была вымазана каким-то мазутом. Прибив лист, он встал с колен. И, качнув головой, улыбаясь, сказал, что все, работа окончена. Говорил он по-русски плохо.

Я тем временем подошла поближе и, указав на номер, спросила: — Откуда это у вас номер?

2. Спектакль «Там, где не было затемнения» по пьесе В. Семёнова был дипломной работой выпускников мастерской Б. В. Бибинова и О. И. Пыжовой, впоследствии перенесен на сцену Театра киноактера.

3. Наталья Гурьяновна — роль Савиновой в спектакле «Там, где не было затемнения».

4. Борис Владимирович Бибинов (1900–1986) — актер театра и кино, театральный режиссер и педагог, заслуженный деятель искусств РСФСР. Преподаватель ВГИКа, мастер курса Е. Ф. Савиновой.

5. Руданов Юрий, однокурсник Е. Ф. Савиновой.

6. Ташков Евгений Иванович (1926–2012) — актер и кинорежиссер, народный артист РФ. Однокурсник и супруг Е. Ф. Савиновой.

Он посмотрел на меня и что-то пробормотал. Я не поняла.

Тогда я спросила вторично:

— Что, вы были в концлагере? Если вам не трудно, то скажите, пожалуйста, как это случилось?

Он встал и начал рассказывать.

— Я еврей. Вы же знаете, что Гитлер особенно ненавидел евреев и приказал уничтожать всех евреев. Наша семья жила на Украине. И как только мы попали к немцам, нас (много нас было) поместили в товарный вагон. Пока мы ехали четыре дня, они совсем не давали ни есть, ни пить, и люди старые и очень маленькие умирали. Они приходили вечером и выбрасывали всех умерших и больных вместе. У нас была большая семья: мать, отец, четыре сестры и три брата. А когда приехали в лагерь, то нас всех разделили. Потом я скоро узнал, что мать умерла. Народу там было очень много. Фамилии немцы не писали, они ставили номера, и не выкалывали их медленно на теле, как это делают любители, а особой машинкой раз десять щелкнут и готов, следующий. Болел дня два номер, а потом ничего. Был я — кожа да кости. Сжигали по несколько тысяч в день живых людей. Сестры были молодые. Одной 28 лет, другой 15 лет, одна — совсем маленькая. Скоро я узнал, что сожгли отца и двух сестер.

Боже! Я слушала, и мне просто не верилось. Неужели это делали люди? Звери и то не так жестоки, как были немцы. Это просто изверги! Садисты. Нет, со зверьми их сравнить нельзя — зверь благороднее. Просто возмущению моему нет конца.

Боже, ну как это можно живых людей...

Когда взяли наши этот лагерь, там было 200 тонн человеческого мусора — это после сжигания остатков. За это надо казнить!

И опять разговор о войне. Не надо войны! Если б знать, что не будет войны, если каждый день подписывать лист на завтра, и народ бы наш подписывал каждый день. Стояли бы в очередь и подписывали все. Я, как приехала в Сухум, первое, что сделала, пошла в горсовет, чтоб подписать Стокгольмское воззвание⁷. Там мне сказали: «В домуправление сходите и подпишите». А домуправ уже сдал, и я пошла в Госбанк. И там написала воззвание о мире. Я вышла оттуда с легким сердцем — выполнила. Я так боялась, что сдадут все списки, и я останусь.

13 августа 1950 г.

Сейчас только кончила читать «Угрюм-рену» Шишкова. Какая книга чудесная. Но гнетущее состояние. Написана очень хорошо, язык простой, понятный, родной. Почти все образы отрицательны. Но Прохора мне жаль в конце. Наверное, я слабая, мне жалко всех, кого обижают, и к кому не внимательны, будь то преступник. Прохор, Прохор, неверно, ты пошел сначала одно зло сделать и скрыть, а там уже дальше пойдет и пойдет цепочкой и окружит зло тебя со всех сторон.

14 августа 1950 г.

Сегодня меня пригласили помочь ставить одноактную пьесу «Анютины глазки!»⁸. Это скорее скетч. Прочла. Пошла. Собрались не все. Говорили, обсуждали. Актеры косноязычны. Одним словом — плохая самодеятельность. Нет любви к делу — работать очень трудно. Поздно они мне предложили, через десять дней я буду в Москве.

Читала Чехова. Великий труженик. «Жить надо не для себя, и не для других только, а со всеми и для всех» (философ Фёдоров). «Для всех» — это верно, а «со всеми» — смотря как понимать. Нет. Я просто нуль. Нуль, и все!

16 августа 1950 г.

Вчера репетировала «Анютины глазки». Собрались на репетицию кое-как. Над первой строчкой текста возились 20 минут. Невозможно добиться правды. Дальше пошло лучше. Поразила меня одна девушка — Шура. Очень простая, высокая, внешне не привлекательная, с мягким говором. «Гы-кает». Начала читать мать лейтенанта и так искренне, меня просто поразило. Ничего не играя, своим певучим голосом, все так подошло. И девушка, играющая «Анютины глазки», ничего читала, правда, в нос.

Меня пригласил помочь один паренек, Сергей. И когда я разговаривала 14 августа с ребятами, они все хором говорили, что с Сергеем как раз мне и не придется работать, потому что «он артист», говорят, играл много. И вот вчера на репетиции он читал всех хуже, с ним я сидела на каждой фразе, ища подлинный смысл и действия. Парень оказался с самолюбием, прямо провинциальный артист со всеми их дурными качествами. Пришлось доказывать истины, что не надо играть ничего, читайте правильно текст, вот все, что я прошу. Сережа же

с пафосом и трагизмом произносил заранее приготовленные реплики.

— У меня ничего не получается, — под конец заявил он.

— А что вы хотите, чтобы у вас получилось? — спросила я.

С первой репетиции он хочет, чтобы у него что-то получилось. Заштамповано все. Сказала, чтобы пришел ко мне сегодня один и почитал. Сегодня в 10 утра. Я завтракаю. Пришел. Просидела с ним до полвторого, как будто начало проясняться, но до правды далеко. Он до сих пор не может понять, что не играть — вот в чем сложность и тонкость актера. Постараюсь за оставшиеся дни размять пьесу и поставить на ноги, как умею, но у меня очень мало времени осталось. Не успею, пожалуй. Но я очень довольна.

Вчера на репетиции я себя так хорошо чувствовала — это мое, мое. Это — моя жизнь. Не представляю ... жить без сцены. Боже, какое это счастье.

Скоро в Москву! В театр! А что в театре?

Вчера репетировали. Плохо, что они все неграмотные. Рабочая молодежь — самодеятельность. И все-таки молодцы. Я порадовалась вчера втихую, так как все, что я их просила прошлый раз, — соблюдается.

В это лето я отдыхала, как простой рабочий человек, который стоит твердо на своем месте, я еще ничего не достигла и ничего не добилась. И отдохнула больше, чем положено мне. И не так отдыхала, как нужно. Я такой отдых еще не заслужила. Пожалуй, это последнее лето, проведенное беспечно. Мне нужно еще кончить консерваторию, а если не консерваторию, то музыкальное училище и у частного голоса ставить.

Скорей в Москву. Скорей! Сил накопила много.

26 августа 1950 г.

Уезжаю в Москву.

Годам к тридцати советский молодой человек не имеет права быть недоучкой. Он обязан стать хозяином в том деле, какое он для себя избрал! Возможности имеют все равные!

Интереснее всего жить, когда работы сверх головы. Чем больше с человека спрашивают, тем больше у него обязанностей, тем нужнее он коллективу.

7. Стокгольмское воззвание Всемирного конгресса сторонников мира о запрете применения атомного оружия подписали более 273 млн человек во всем мире, из них более 115,5 млн — в СССР (практически все взрослое население страны).

8. Водевиль «Барская спесь, или Анютины глазки» Д. Т. Ленского.

ЮЛИЯ ФЕДОРИЩЕВА

г. Новосибирск

ФАНТАЗИЯ В СТИЛЕ БРЭДБЕРИ

Старики собираются стаями. Город спит,
Всей громадой фасадов, до самых корней испит.
Монолитный и гулкий, светящийся до небес,
Зачарованный край, небывалый бетонный лес.

Он недвижим, как кит, и безудержен, словно ртуть.
Старики собираются тайно в межзвёздный путь.
На вопросы молчат, напускают туман и дым.
Что-то прячут в комодах, приносят записки им.

Чаще ходят к друзьям, на неделе визитов пять,
То одно, то другое, как будто бы отмечать,
И никто не задумался в грохоте вечных тем:
Старики улетают из города насовсем.

Он случайно узнал. Он на кухне сидит один,
Видит шторы, салфетки, берёт себе мандарин,
Говорит: «Мама, мама, ты шутишь. Ты молода.
Что случилось с тобой? Зачем ты летишь, куда?»

А она отвечает: «Сынок, мне легко, легко.
Сквозняков берегись, кипяти себе молоко».
Озаряются вспышками птичьего тела ракет.
Дремлет город, пылает над ним невесомый след.

Он глаза открывает. Садится, не помня сна.
По квартире гуляет бесплотная тишина.
Чисто прибрано, в пасмурных окнах смертельно тих
Мир оставшихся жить, как хочется, молодых.

Он выходит из дома, бездомно пьёт хлорофилл.
Видит стройных, подтянутых, полных ума и сил.
Он приходит на площадь, где небо всего видней,
Расплываясь солёными точками голубей.

Там за перистым слоём плывёт и дрожит фантом.
Корабли расщепляются в облаке золотом.
Там летят старики, составляя турниры-блиц.
Оживают их молодость, школа, десятки лиц.

И Гагарин вернулся, и мир, и весенний день.
Из оленьей страны прибегает лесной олень.
Над Медведем-горой неотлучно звезда горит,
И поёт под гитару бессмертный теперь Дин Рид.

Но таится забота на дне посветлевших глаз:
Как же справятся дети одни на земле, без нас?
Ничего, пусть привыкнут. Опоры когда лишён, —
Вырастаешь скорее. Их время, а нам — хорошо.

ПИСЬМО РОБЕРТУ БЁРНСУ В МИНУТУ БЕЗДЕНЕЖЬЯ

Привет, бедняга Роберт Бёрнс!
Ты сед и травами зарос.
Опережая твой вопрос, —
Нет, здесь не рай.
Мы в двадцать первом. Пыль, хандроз,
Вороний грай.

Мы тут снуём среди лекал,
Пустьшек-слов, бетонных скал.
Ты ничего не потерял.
За годом год.
Век примиренья не настал.
Он не придёт.

Мир любит власть. Начистоту:
Он маскирует пустоту,
Разит обманом за версту,
Но — без обид.
Свою тщедушную мечту
Берём в кредит.

О, Роберт! Новости просты:
Едят милорды, пьют шуты,
И от душевной тошноты
Спасенья нет.
Зато кварталам бедноты
Дан интернет,

А в нём — заморская еда,
Салоны, пляжи, города,
Мы в царстве денег. Не беда.
Всё тлен и прах.
Но есть горячая вода
У нас в домах.

Ты огорчился бы, поэт,
(Живее, правда, этот свет).
Я о горах не стану петь
В пылу тоски.
Они прекрасны, спору нет, —
Но далеки.

ОКСАНА ГОРОШКИНА

г. Красноярск

***

Чёрен чифир за прозрачной стеной окна.
Поезд легонько качается — стук да стук.
Столь неуёмная сила заключена
В чутких объятиях маминых нежных рук —

Мир замирает. И не убоишься зла,
Будто и зла никакого в помине нет.
Месяц дрейфует чайнкой в плену стекла.
В банку-купе наливается теплый свет.

Сколько хватает глазу — простор, простор.
Поезд легонько качается — цок да цок.
Пульсу подобный мистический наговор
Мерными точками падает между строк.

Сколько хватает сердцу — покой, покой.
Неосторожно разлитый на сотни миль,
Гладит железный бок золотой волной,
Между собой перешёптываясь, ковыль.

***

Без лишней драмы и без претензий
Пиши о том, что тебя не ранит:
Вот жук уселся в букет гортензий,
Вот сад цветущий покоем залит.

А душевной ночью в безлунной гуще,
Забившись в угол, обняв колени,
Тверди бездумно: вот жук цветущий,
Вот сад уселся в букет сирени.

***

Юбки становятся все длинней...
Кажется, дело идет к весне.
Не расточайся, мой друг, напрасно —
Истина в женщинах и вине.

Семеро в лодке весла не ждут,
Сдашься и ты, мой прекрасный Брут.
Эти смешные до пола юбки
Неописуемо мне идут.

Пусть наша близость живет (увы!)
В дебрях хмельной моей головы —
Бойся, дружище, вина и женщин! —
Я и мартини идем на вы!

ПАВЕЛ КУРАВСКИЙ

г. Новосибирск

ХАРБИН, КОТОРОГО НЕТ

Ты теперь повзрослел, возмужал и раскинулся —
Богатеют и в небо ползут этажи.
Полстолетья, как вычтены, списаны в минусы —
И славянская речь, и колючий пиджин.

Внешне — тот же, от центра до ветхой окраины:
Питер в сопках Маньчжурии, город-проспект;
Изнутри ты — чужой: православная храмина,
А заходишь — музей коммунизма... Эффект!

Ты красив и отвратен, и сладко, и больно мне
Видеть радугу люминесцентных обнов.
От земли до креста шит знакомыми формами,
Содержаньем китайским налит до краёв.

Распрощаемся тихо, сударыни-судари,
Без салютов и спичей, без гимнов и од.
Здесь когда-то стоял русский город на Сунгари;
Он ушёл, и уже никогда не придёт.

Вдоль по круглой Земле, во вторичном гонении,
Разлетелись твоих перекрёстков послы —
Вольный город Харбин, полоса отчуждения,
Русский Китеж, которому некуда всплыть.

СЕРГЕЙ ЛОГИНОВ

г. Ленинск-Кузнецкий

ЯБЛОКО

На улице бурлит весна рекой,
Гремят по ресторанам лабухи,
А он один, закрыл глаза рукой,
Пытается представить яблоко.

За гранью штор толчётся суета,
Шаги прохожих и звонки трамваев,
А он нечёткий яблочный каркас
В своём воображении румянит.

Не первый день, не первую весну,
Упорство не такие камни точит...
Пусть за окном автобусы несут
По городу учёных и рабочих,

А он доделать должен яблоко,
Приблизить миг, когда, горя боками,
Оно из подсознания его
По скатерти стола покатится.

КОНСТАНТИН ГРИШИН

г. Барнаул

В барнаульском небе —
птица в густой ночи,
Говори со мной,
пожалуйста, не молчи.
У меня есть медкарта,
паспорт. Возможно, я
патриот.
Но свою задачу понимаю
наоборот.
Чтобы тебя целовать,
нужно верить
в прикосновенье тел.
И уйти не получится,
как бы я ни хотел.

***

Калининградской ночью темной
Трамвайной мелочью звеня,
Я не ищу любви огромной,
Сию один — и нет меня.
Портовый город спит в тумане,
И рассыпает блеск маяк...
Так трудно быть певцом во стане,
Был мал — не знал, что будет так.

ДМИТРИЙ ФИЛИППЕНКО

г. Ленинск-Кузнецкий

НЕ УСПЕВАЮ

Сделать бы сутки по тридцать часов,
Времени жить не хватает,
Больше работать хочу. Я готов!
И не хочу на Гавайи.

Не успеваю собрать альманах,
Не продолжаю поэму,
Ходит бессонница в серых штанах,
И обостряет проблему.

Не удержал, не замедлил года,
Видно утратил сноровку,
Может, с ума мне сойти, и тогда
Время возьмёт остановку.

ЧУЖОЕ ЛЕТО

Мне про тебя стихи писать нельзя,
Твои глаза и имя под запретом.
И сердце мне твоё с собой не взять,
Пускай для всех банальна строчка эта.

Вернусь в свою никчёмную дыру,
Работа, дом и паутина стресса.
Но скрою от друзей и от подруг,
Что целовался с лучшей поэтессой.

Часы на башне за твоим окном
Мне говорят, что ты — чужое лето.
Курила сигарету, пил вино,
И ночь впадала в ручеек рассвета.

ИРИНА РОГОЗИНА

г. Новосибирск

ЗАКАТ ЕВРОПЫ

Притихли птицы – может быть, гроза начнется к ночи. Как похож закат на пламя погребального костра... В вечерних новостях справляют тризну – манерно, зло. Смешные старички – ван Эйк и Рембрандт, Брейгель и Веласкес, – кряхтя, из рам своих сооружают уж если не ковчег – хотя бы лодку... Звенит комар настырно, а над ним занесена карающая длань. Сгустились тучи. Скоро грянет буря.

* * *

Внимательно рассматриваю фото. Ну что сказать? Непыльная работа — широкий стол, компьютер, кресло, «Паркер». Но этот ракурс в четверть оборота — в нем чудится мальчишеское что-то: пустынный берег моря, крики чайки, сеанс в кино, индейцы в старом парке...

Мы понимаем рано или поздно, что молодость убийственно серьезна: карьерный рост с отдельным кабинетом, и наконец-то отпуск будет летом, опять болеют дети, дача, тёща... Но стоит разобраться с этой прозой, как жизнь течет приятнее и проще.

Мне кажется, твоя пора приходит, одевшись не по моде — по погоде, гулять по тихим улочкам часами, кормить с руки нахальных рыжих белок и с озорством пыхтелок и сопелок читать «Под голубыми небесами...» и даже «Муха села на варенье...»

Да, в сущности, вся жизнь – такая малость. Но и она зачем-то нам досталась... Прошу тебя, чудесные мгновенья не упускай и так себя наполни, чтоб не сумела впредь я разобраться, где радостью глаза твои искрятся, где плещутся о мол морские волны.

ИБО ИГО МОЕ БЛАГО

1.

Здесь живет неопознанный кто-то среди саш, катерин и полин. Сквозь обшивку его звездолёта третий год прорастает полынь.

По субботам здесь едут на дачу, топят баню и жарят шашлык. Здесь под праздник, бывает, поплачет миром в старенькой церковке лик.

В общем, нет здесь ни злобы, ни мести, хоть не всякий внимателен взгляд. Здесь за ужином смотрят все вместе сериалы и «Пусть говорят».

Эта жизнь оплетает узлами, эта жизнь прилипает, как мёд. Здесь никто ничего не узнает, а узнав, — ничего не поймет.

2.

Тихий дворик трехэтажки. Стены в серой штукатурке. Ни одной решетки в окнах. Фонари исправно светят. Тополиный пух, пакеты, листья, фантики, окурки с тротуара прямо к урне аккуратно гонит ветер.

Неземным дыша покоем, жизнь течет старинной сказкой: пиво пьют с зятьями тещи и с невестками золовки, а в квартире номер сорок, дожидаясь рук хозяйских, спят скафандр на антресолях и пустой баллон в кладовке.

Рядом лес, и часто веет земляничным ароматом. Сиротливо брошен мячик у ограды спортплощадки. Друг за другом по газону резво носятся котята, и в кустах за гаражами малышня играет в прятки.

По соседкам, как настанет полдень — местная сиеста, баба Люба посудачить ходит без валокордина... По неведомой причине у четвертого подъезда в сентябре цветут пионы и в июне — георгины.

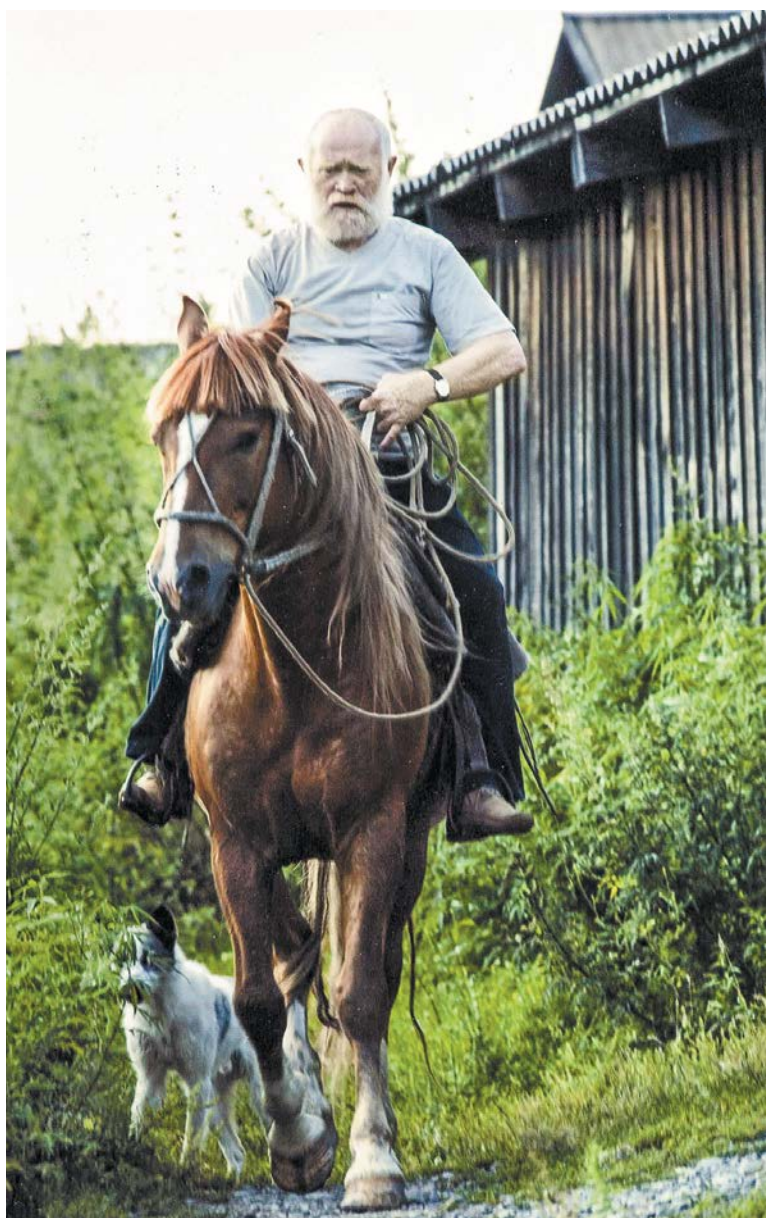
3.

Пять лет прошло — прижился, даже счастлив. Квартира-двушка, рядышком обитель. К помазанию ходишь и к причастью, а батюшка смеется — мол, хранитель, и даже не выдумывай, что падший. А рудименты крыльев — не уродство, и, в общем, безобидное юродство, — запутавшись в отличьях малых родин от родинок, при всем честном народе цветочный куст, давным-давно увядший, мгновенно от смущенья оживлять. К тебе привыкли взрослые и дети, и любят бабушки. Встаешь обычно рано и ходишь на рассвете погулять. Тебя интересует все на свете, за вычетом нотаций и сентенций, особенно же — местная еда... И вот уже почти не ноет сердце, когда чуть-чуть левой Альдебарана виднеется знакомая звезда.

В Л А Д И М И Р С О К О Л О В

Встречи с Александром Родионовым

Александр Родионов.
Поездка по Горному
Алтаю. Июнь, 2009.
Фото Аркадия Елфимова

Первая встреча случилась в его деревне. Я попал тогда в писательскую группу, обслуживающую хлеборобов в пору уборочной страды. К Родионову увлек меня Евгений Гуцин: «Талантливый мужик!» Нашли мы его в бревенчатой, крепко поставленной избе с крытым подворьем, наполненным живностью.

Александр, густо-рыжий, с турбулентной бородой, встретил ясным светом живых умных глаз и рукопожатием шершавой крестьянской руки, привыкшей к работе. Недолгое общение с ним убедило меня, что эта рука по-пушкински владеет пером.

Почему я говорю: по-пушкински? Потому, что в разговоре его рождались мысли, которые он выражал без затруднений, чистым русским языком. Ни одного пустого слова! Евгений Гуцин хорошо знал его до меня, и они беседовали как друзья:

— Изба просторная, по-сибирски ставлена, — говорил Гуцин, — хлопот с ней хватает... Хорошо ли пишется тут, Саша?

— Изба, как жена, — требует внимания и любви. Упустил из рук — начнется разруха и в избе, и в семье... Пишется ли? Пишется, в душе и наяву, и во сне. А за стол ежедень сажусь на час-другой. Прозу кропать начал, но и стишишко назревшее не упускаю.

— Выступишь с нами? — спрашивал Гуцин.

— Отчего бы нет? За перо взялся — народу бояться нечего. Со своими земляками каждая встреча души добавляет.

Вторая встреча была в Барнауле. В ту пору Женя Гуцин, узнавший, что мы с моим другом Женей Илюшиным брали уроки вокала у Василия Дмитриевича Румянцева, по вечерам эксплуатировал мои вокальные навыки и мою свободную ориентацию в оперной классике. Вечера проходили дома у Гуцина и иногда в Доме писателей. Ни рояля, ни оркестра у нас в распоряжении, естественно, не было.

Народ собирался избранный. Поклонившись Бахусу, начинали. Организатором событий всегда был Женя Гуцин. Присутствовали при сём Виктор Горн, Лёня Ершов, Володя Башунов, Иван Кудинов... Александр Родионов... Бийчане наезжали. Даже Виктор Петрович Астафьев пригласил однажды в гостиничный номер.

Слушатели знали оперную классику назубок и «слышали» и оркестр, и рояль. Звучали на наших концертах Чайковский, Верди, Бизе, Гуно, Глинка, Гречанинов, Даргомьжский, Мусоргский, классические и старинные романсы. Заклучали концерт традиционные заявки. Горн просил «Наватину» Фауста, Ершов — серенаду Смита, Гуцин — романс Дубровского, хором требовали балладу Герцога, «Скажите девушки...» и т. д.

Только Родионов меня остановил — попросил спеть монолог Досифея перед самосожжением в монашеском скиту. Поднял «Хованщину» Мусоргского! Запрос глубочайше из недр русского характера. Но... Пришлось развести руками. Досифей с его призывом к самосожжению был для меня неподъемен.

Александрю я предложил сцену у Собора Василия Блаженного из оперы Мусоргского «Борис Годунов». Не без успеха имитировал тогда и Александра Пирогова, и Козловского.

Монолог Досифея в душе теперь звучит. Но спеть его для Александра я не успел.

Несколько встреч с Александром Родионовым случилось в поездках на Гуцинские чтения в сёла Алтайское и Ая. Туда ехали, любуясь просыпающимся Алтаем, вспоминая литературные притчи и случаи. И о Гущине вспоминали, конечно. Причем самые ключевые моменты гуцинской жизни и творчества глубже всех оценивал Саша Родионов.

Принимали нас в Алтайском и в Ае по-княжески, подпирали творческим энтузиазмом местной аудитории, прогуливали по неудачно преображенному Ая-озеру... угощали в местных значных местах в присутствии хозяев роскошных апартаментов.

Застолье всегда проходило активно, сельские олигархи кормили вкусно, поили хмельно. Все увлечены яствами и питьями. Только Саша Родионов, не отставая от всех, успевал расспрашивать хозяина:

- Сколько obsługi держите?
- Повар, бармен, охрана.
- Зарплату не задерживаете?
- Ни боже мой!
- Кому сколько платите?
- Все довольны.
- Сколько с гостя берете за сутки?
- Пятьсот рублей.
- И платят?
- Отбою нет.
- Какова прибыль, ну... за год, например?
- После уплаты налогов на пропитание остаётся,

— лукаво прищуривается хозяин.
Потемну обычно спускались к Катуню. Сумрак уже окутывал клокочущую реку.

Однажды в густых прибрежных травах пропал наш фотограф. Его искали, перекивая шум катунских вод. Кто-то мрачно шутил: «Всё было, только речка унесла...»

Нашел бедолагу Саша Родионов — молча искал и запнулся о пропавшего, блаженствующего в объятиях приречных трав. Саша расшевелил фотографа, помог ему подняться, и, бережно поддерживая под руку, сказал:

- Пора домой, а то еще кто-нибудь пропадет.

Возвращались раскрепощенными, позволяющими себе притчу-озоруху и даже солоноватый анекдот.

Душой этого мирка на колесах был, несомненно, Саша Родионов. Он неистово жонглировал непечатной лексикой, но при этом наполнял ее таким сокрушительным юмором и таким щедрым добродушием, что не влюбиться в него было невозможно.

- И сами собой выныривали из памяти строчки:

*Оковы тяжкие падают,
Темницы рухнут, и свобода
Нас примет радостно у входа...*

(И не надо мечей! И не ВАС, а НАС!)

Невыносимо жалко, что его больше нет.

Время унесло Гущина, Горна, Ершова... Ох, это время! Оно и привело меня на презентацию книги Александра Родионова «Одинокое дело моё». В холле «Книжного мира» было полно народу. Все толпились вокруг него с «Одиноким делом...» Он сидел за изящным столиком, своим светоносным взглядом встречал каждого книжника и рисовал родионовский кудрявый автограф.

Я подсунил ему свое «Чёртовое колесо», он погладил обложку и отдался «Одиноким делом...», нарисовав озорной автограф с двумя облысевшими головами.

Позже, когда мы с Еленой Гущиной пришли к нему на Пушкинскую, в бревенчатую древнюю избу, он мимолетно вспомнил мое «Чёртовое колесо», и, похвалив диалоги, посоветовал написать пьесу.

Пьесу писать я не стал. Театр мне уже не по нервам.

Мы с Еленой принесли ему тогда материалы для книги воспоминаний о Евгении Гущине. Елена пожаловалась, что есть снобы, считающие возможным поместить в эту книгу только воспоминания писателей уровня Валентина Распутина.

Александр усмехнулся и сказал:

— Это не только неправильно, это недопустимо! Каждый, кто написал о встрече с Гуциным или об одной из его книг, заслуживает не только уважения, но и благодарности за нелегкую работу души, за борьбу с текстом, отнимающую немало дорогого времени. Главное-то ведь в том, что народ всегда заметит СВОЕ ценное, обычно не замеченное авторитетными писателями.

Надо добавить, что именно Александр Михайлович в мае после похорон Евгения Геннадьевича приехал к Елене Дмитриевне на дачу с кинооператором для продолжения съемок фильма о русском писателе Евгении Гущине. Работа кипела весь световой день.

Александр Михайлович, завершая долгий разговор с Еленой Дмитриевной, высказал надежду на то, что книги Евгения Гущина не раз еще послужат в будущем для создания бессмертных художественных фильмов о жизни сибиряков и россиян.

О посещениях родионовской избы у меня невольное родилось стихотворение, которым я и заканчиваю свои воспоминания.

У РОДИОНОВА

*К его избе дышу не ровно,
Здесь был радушием согрет.
Как обнимали душу брёвна,
Которым чуть не триста лет!
Хозяин ко своим портретам
Был невниманием высок.
И рюмки подняли при этом
Не за последний волосок.
Витал меж нами Женя Гуцин,
Как тень, легенда и молва.
И волховала нашим куцям
Его прекрасная вдова.
Мы, мужики, как псы, лохматы,
Кедровой водной грели дух,
И наши тихие дебаты
Гонял Евгений, как пастух.
На Родионове-скульптуре
Сидела шляпа набекрень.
И в пиджачок на вольном стуле
Влезла гуцинская тень.*

И С А Й Я

С О Ф Ы Н

Березовая горка

Рассказ

Жена обещала баню затопить, а я пока в поля. Не охотиться, а так, воздух вольный, подышать, а, может, и возьму чего, там же не угадаешь. Одно беспокойство, все бы она только правильно сделала, там главное — печку не перетопить, главное — чтобы вода в котле не закипела, пар сухой должен быть, обычно-то сам слежу. Да не забыла бы можжевельный веник запарить как следует, его почти час в кипятке держать надо, тогда уж он готов, можно...

Дров полно, машину березы сосед Мишка привез вчера, у дома в поленницу сложить надо. Пацаны из кучи будут кидать мне по полешку, а я — укладывать. Мишка, маленький мужик, росту до кепки немного, сухой, одни глаза. Живет дровами. У него зилок-самосвал полудохлый, вот он выснакивает на нем в поля, с сыном, они вдвоем обычно, там по логам сушины пилят, колют сразу и в кузов — рядами, так считать удобнее кубы. Я все думаю, как он управляется, маленький он какой-то для этакой работы, да и сын ненамного больше его. Но справляются как-то. Это хлеб их.

Задом в ворота закорячивает свой зилок, а мы ему все отмашки даем наперебой, дети туда-сюда, с толку сбивают, суета в общем, не каждый день дрова привозят. А у Мишкиного зилка один борт косою, гнутый, на полметра в сторону торчит, неудобно, а ворота впритык к машине, не свернул бы воротину, забот будет.

Пролез, наконец, из кабины спрыгнул, рычагом каким-то кузов задрал, а дрова плотно лежат, и пока кузов в самый верх не встанет, поленья не шевелятся, а потом разом — ууух! Вот и куча среди двора. Сразу запах такой, что с ума сойти, береза свежелолая на весь двор пахнет, просто бери сто грамм, а после носом в поленья, и вдохнуть, как следует, ах, хорошо! Но это после.

— Мих, сколько я тебе?

— Ну, тут кубов пять с лишком, — Мишка, мужик тщательный, аккуратный, задумался, как положено, кто ж сразу ценю огорошит, тут надо продать и не обидеть: — Ладно, лишок твой, за пять давай. Хватит.

Лишок-то для красоты сверху, совсем слегка лежит, знаю, но обижать нельзя. Спасибо. Денег даю, Мишка их аккуратно берет и во внутренний карман куртки прибирает. Глубоко куда-то.

А дети вокруг носятся: «Дрова! Дрова!», — да на самый верх, чего еще пацанам надо? Хорошо в детстве, на березовую горку забрался, и уже — счастье.

Осень давно пришла, уже и снегу принесла, все прикрыто и снова подсыпает. Тихо, собаки по деревне не орут, и снег. Снежинки большие, будто сверху кто птицу щиплет, белыми перьями падает. В доме окошко светит, зимой всегда света мало. Жена чего-то у пли-

ты, сквозь занавеску видно. Закрыл ворота за Мишкой, глянул на покупку, надо будет сложить, завтра, может, возьмусь.

Сходил в дом, взял ружье, рюкзак, жена термос вслед вынесла с чаем:

— Ты надолго?

— Нет, часа три... может, четыре покатаюсь.

— Опять до ночи.

— Да ну, пораньше приеду, — а самого уже свербит, в поля надо...

— Закроешь ворота?

— Закрою.

Выезжаю на улицу, поворот, сквозь деревню поперек, по асфальту газу, поворот, все — на воле. Бело, снег, нифига не видно, просто знаю куда ехать, не теряюсь, тут любая кочка моя.

Предгорья чуть дальше полей, еще километров пять, а там уже начнутся лога, там и высоты хорошие, зверю не скучно. Туда и еду. Переключился на пониженную, скребусь тихонечко, движком не вою. Как трактор тарахтит, зверю привычный звук, он трактора не боится, так и ползу не торопясь, под колесами слякотно.

В полях торопиться некуда, все, что только может быть у человека самого простого и понятного в жизни, — все у тебя там есть. Даже чай в термосе. Остановился, заглушил, вышел. Дверкой не хлопаю, дверку зверь километров за пять слышит, прижал аккуратно, лишь бы снег не попадал в салон, там лишняя сырость не нужна. Чаю налил в крышечку термоса, сигарета.

Стою, смотрю...

Снег этот чистый, и все вокруг, как только что родилось. Все новое, и вечер этот новый, и тишина новая, большая, сколько глаз хватает все тишина и снег. Столько всего и разом. А дома колотая береза кучей среди двора ... до сих пор запах в носу. Жена баню топил. Ждут меня все, даже веник можжевельный, и тот ждет. Ох, не забыла бы она про веник. Уезжать хорошо, а возвращаться еще лучше, но это потом.

Снег все тише. Хорошо, а то за снегом много не увидеть. Вовремя он кончается, успею пробежать за светлом еще. Снегу немного напало, и земля под ним еще не стылая, где лужа хорошая встретится, а где ледон под колесами хрустнет, но чуть в паханину и будет весело. Затянет колеса землей жидкой. Только не мои. Вездеход. А потому и спокойно. Никого в этих полях нет. Какой еще дурак, кроме меня, сюда ползет сейчас? Спокойно. И тишина вся вокруг моя, до последней снежинки моя. Поэтому и еду сюда, как время найдется чуть. И когда нет времени, все равно еду. Это бродячее одиночество по стылым полям, снегу, среди голых деревьев, по торчащей из снега стерне,

СОФЫН ИСАИЯ

родился в СССР.
Крещен. Почти
всю сознательную
жизнь прожил
на Алтае,
сейчас живет
в Финляндии.
Издано две книги.
Публикации
в периодике.
Пишет редко

Валерий Домрачев.
Иллюстрация к рассказу «Березовая горка»

наверное, это и есть мое счастье. Так немного надо человеку. Потому и еду...

Ксюху не взял, сегодня снег чистый, все сам увижу если что. А то она шепутная, чуть зверя-птицу в окно увидела, все, туши свет. Тоненько, будто штопор в голову винтит, визг поднимет. Да и когда зверя гонит так же орет, прям шило в голову, да аж задыхается от азарта. Не стал сегодня брать. Тишины хочу, а она скандал поднимет. Орала благим матом, как уезжал из дома-то, знает ведь, куда я поехал, ее не обманешь. Плач Ярославны на всю деревню мне вслед: как же так, меня-то не взяли. Обиделась, наверное. Обиделась...

Ворона внимательная смотрит с верхушки березы, как ползу через грязь. Вороны — умные птицы, цепкие, все знают про тебя, и другим расскажут. А эта молчит, просто смотрит... ну, смотри. Не убудет. А вот тут можно и повыше подняться, ложок узенький, машину боком, одним бортом по склону, иначе вниз, в кустари стащит, слякоть, оттуда трактором только доставать, ползу по стеночке.

А наверху другое поле, тут гречку по краям комбайн не убрал, дожди уже были, и где крутяки, туда колхозник не полез убирать, побоялся сползти вниз, так ошметки и стоят. Под снег уйдет все. Не пропадет. Дикой животине зимой будет прокорм.

Опаньки, стайка куропаток поднялась, кормились гречкой рядом. Та-а-ак. Куда сядем? Прошли краем поля и чуть вниз, к склону ближе, и сели так, что мне отсюда не видно. Двигатель не глушу, ползу вдоль края с той же скоростью, тихонько. Вот тут и остановиться можно. Выхожу, дверь прижать, снег ногами толкать вперед стараюсь, тут ноги поднять — снег захрустит, волоку ноги тихо и чуть приседаю ближе к склону. Где ж вы, птички мои?... Фрррр, метров десять от меня, так и не увидел, где сидели, зато прикладом в плечо успел ударить. Подобрал. Чисто бил. Хорошо.

Подранков не люблю, только когда Ксюха со мной, там терпимо, она по-собачьи на себя грех берет, добавит подранка, пока подхожу — уже все. Можно брать. Не люблю подранков. Спасибо Ксюхе...

Так вот и живем, есть вкусно нам не стыдно, а убивать стыдно, даже совесть иногда мучает, вот и поди разбери нас, какие мы?..

Куропатки вниз ушли, в колок на нижнем поле, ладно, мне сегодня хватит. Термос, сигарета, птичку в машину положил, жирная, осенняя, пацанам покажу.

Как-то выскочили с ними в поля, не сильно-то они и охотники у меня, а вот чего-то сподобились и в поля со мной вдруг согласились. Я тетерева молодого стрельнул, на березе торчал во всей красе, так Илька, младший, лет пять ему тогда было, рванул под ту березу раньше Ксюхи, тетерева в густой траве нашел быстрее ее. Я тогда Ксюхе: «Ты чё, — говорю, — совсем плохая стала? Илька-то скорей тебя тетерева отыскал». Смеюсь. А она тогда молодая совсем была, от азарта ей мозги видно переключило, металась там, а все зря. Ильку потом, дома, с этим его тетеревом законным — фотографию сделал. Стоит гордый до невозможности, а то! Ксюху застыдил. А ведь обиделась. Ладно, с меня причитается, возьму еще, не последний раз.

Еще чайку капнул. Термос мой старый, нержавеющей, уж столько из него чая выпито, что теперь можно просто голый кипяток в него заливать, все равно там чай будет. Я его не мою даже, незачем. Дома чай из него называется «Охотничий чай». Где только ни была эта нержавейка моя. Все охоты с ней.

Пока стою, вечер совсем упал, но снег светит ярко, широко. Деревья стоят ровно краями полей, до самого леса, сверху хорошо видно, далеко. В этих лесополосах грибов немерено, хоть мешками поднимай. Да, у нас тут везде так, это ж Алтай!

Домой бы ехать, а я все стою, смотрю, как темнота приходит и вечер спать укладывается в чистом поле. Двигатель заводит не хочу, тишину пугать, так и стою, там еще пара глотков чая есть. Я чай-то домой не вожу, охота должна быть длиной в один термос. Надо допить, потом... Баня...

На время глянул, все, стопилась уже, только б жена не прошляпила, чтоб и не перетопить, и жарко было. Баня, она дело тонкое, пунктуальное.

В бане у меня полки в парной кедровые, сухие, без смолья, и в мойке, комнатке махонькой отдельной, там тоже скамейки кедровые, там же купленная по случаю старинная шайка, настоящая, от времени черная и седая краями как высохнет, только из нее ополаскиваюсь. Как и те, кто задолго до меня с ней в баню ходили, с нее вода теплее и чище. Все, домой, баня!

Машину завел, и тихонечко, не торопясь ползу себе, сигаретку опять, окно приоткрыл, вечер в лицо холодный, дышу. Подмерзает. Вроде небо почище стало и звезды повылазили, вверх глянул, вот так да! Глушу движок, голову задрал. Господи! Сколько ж их тут?!.. Млечный путь над головой светит, в небе, как петарда взорвалась, звезды искрами во все стороны... Какой он... мир-то, большой, небо, звезд вон сколько... а я-то чего здесь? Как я здесь оказался? Что это передо мной? Или это я пред стою? И чувствуешь вдруг — на колени бы встать надо перед всем вот этим и спасибо говорить всеми словами, всеми, которые только знаешь или слышал когда. А за что спасибо и сам не знаешь, просто — спасибо. Чуть ведь не встал... Удержался. Штаны, колени мочить не захотел, запачкаю, жена заругает, эх...

Чай-то кончился, а я стою. И время как остановилось. Тишина. Темно уже, только звезды снегом отражаются, искрят. Лишнее все ушло, не видно даже деревьев, так, темное что-то далеко... Домой бы надо, ждут там. Баня... Да и горка березовая ждет, в поленицу надо складывать... ◀

МИХАИЛ ПРОКОПЧУК

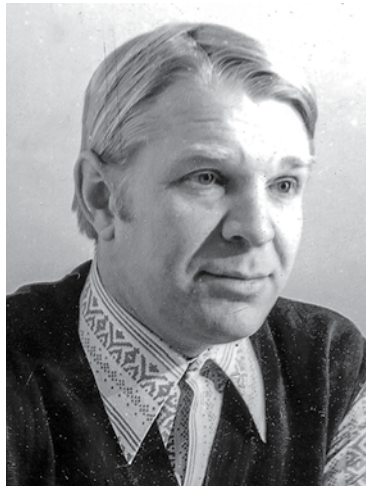

Фото
предоставлено
Владимиром
Коржовым

МИХАИЛ ПРОКОПЧУК

1 января 1942, Суйга Томской области – август, 1980, Барнаул. После окончания семилетки работал в кузнице, плотогоном, служил в рядах Советской армии. В начале 1960-х переехал на Алтай. Устроился работать на Барнаульский комбинат химволокон, освоил специальности слесаря и механика. Был сотрудником редакции газеты «Ленинское Знамя» г. Новоалтайска. Первая публикация состоялась 25 декабря 1966 года в газете «Молодежь Алтай». Стихи Михаила Прокопчука печатались в краевых газетах, альманахе «Алтай» и сборниках, выпущенных Алтайским книжным издательством: «Песня Юности», 1975; «Прикосновение», 1981; «Писатели Алтая», том 13, 2002. В 1979 году у Михаила Прокопчука вышла первая книга стихов «Удивление».

РАБОТА

Со звоном брёвна катятся под яр,
летят в Чулым. Стремительный и зыбкий.
Кипит река:
удар! накат! удар!
И мчатся брёвна — бронзовые слитки.
Отборный лес! Увесистый лесок!
Не раз, не два с ним глох в пути бульдозер.
И с наших лиц сбегает пот, как сок
с весенней молодеющей берёзы.
Момент — кора стирается в труху,
Трясётся штабель,
Брёвна в запань мчатся...
Наш плот отводит катер «115».
Трещит костёр, зовёт всех на уху.
Устали мы чертовски —
не беда! —
огромный плот уже за поворотом,
мы вслед глядим: красивая работа!..
Горит над нами светлая звезда.

УГОДЬЯ

Над речкой костёр с шалашом,
кусты чернобровой смородины.
Так шёл бы, и шёл бы, и шёл
в луга, за мосток у колодины.

Где скачет птенец-воробей,
где утка в истоне с утятами...
На мягкой покосной траве
заря разметалась космая.

Рассветной красы простота,
в росинках зелёное пение.
Кричат кулики у моста.
И нет ничего сокровеннее.

* * *

Ель. Пихтач. Свежо, не жарко.
Тишь. Болотистый приют.
Две руки, как две глухарки,
клюкву красную клюют.

ЦЫГАН

... И вдруг с народом что-то случилось:
«картям» не верит — и шабаш.
Чего от роду не бывало:
поди — украдь! — да не продашь.

Отзапрягался конь каурый —
впрягайся ты теперь, братва!
Гитара, жди до перекура —
засучивайтесь, рукава!

Вонзилась в землю наковальня.
Взлетают искры впопыхах.
Стучит ручник, звенит поляна,
Железо плавится в клещах.

Железо гнётся граневато —
ковать умели деды встарь —
горит болванка, точно золото,
в два меха дуют цыганята,
и — в ус не дуют, бесенята,
уже им кузня — не букварь!..

Потухнет день, зажжется вечер.
В доме под музыку отца
э-э! выйдет дочка: платье — веер,
актриса сельская! Ас-сса-а-а!!!

Клевер Юлий Юльевич.
Зимний пейзаж.
Холст, масло. 71,1 x 96,9.
Приобретено в 1981 году
у В. П. Островской, Барнаул.
Фото предоставлено
ГХМАК

КЛЕВЕР ЮЛИЙ ЮЛЬЕВИЧ

(19 (31) января 1850, Дерпт — 24 декабря 1924, Ленинград)

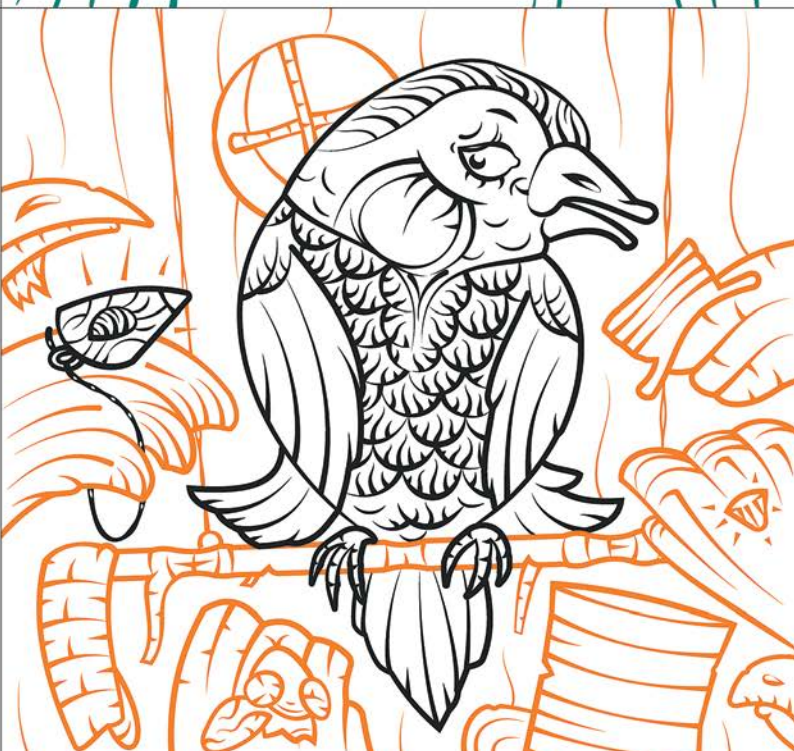
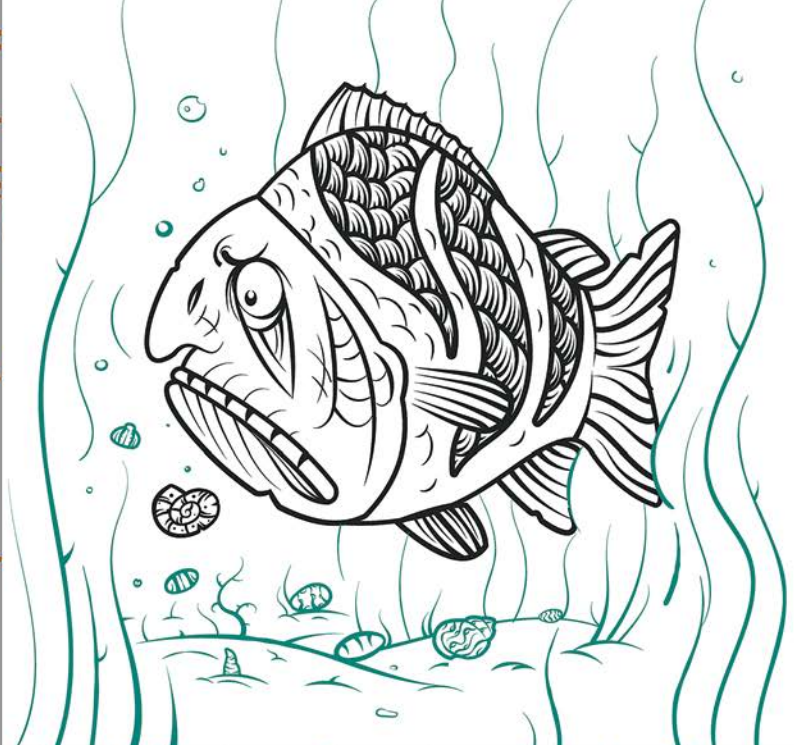
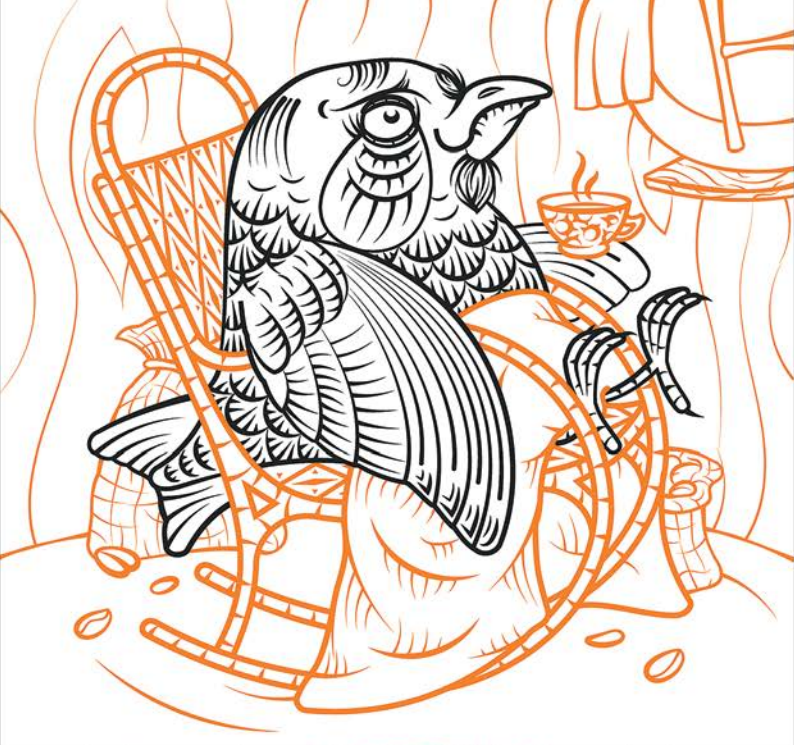
Пейзажист.

Сын профессора Дерптского университета, отец художника Ю. Ю. Клевера (младшего). Вольнослушателем посещал архитектурное отделение Императорской Академии художеств, затем учился в пейзажном классе (1868) у С. М. Воробьева и М. К. Клодта. В 1876 получил звание классного художника 1-й степени. Академик (1878). Профессор (1881). Жил в Санкт-Петербурге, семь лет в Германии с начала 1890-х. По возвращении в Россию работал в Санкт-Петербурге, Финляндии, Белоруссии, Прибалтике. Имел мастерскую в Риге.

Член объединений: Общество выставок художественных произведений (председатель правления 1878–1879),
Товарищество художников (Санкт-Петербург; 1904–1924).

Участие в выставках. ИАХ (1872–1894, 1907–1909); Вена (1873); ОПХ (1874, 1887); Филадельфия (1876); Париж (1878); Московское общество любителей художеств (1880–1881, 1884–1885, 1907–1911); Парижский Салон (1881–1882, 1884); Антверпен (1885); Берлин (1886); международные в Берлине (1880, 1883, 1888) и Мюнхене (1879, 1883, 1888, 1891); Петербургское общество художников (1891–1910, с перерывами). Персональные в С.-Петербурге (1882–1885).

Валерий Домрачев. Иллюстрации к сказкам М.Е. Салтыкова-Щедрина

Государственный художественный музей Алтайского края и журнал «Культура Алтайского края» в 2016 году знакомят читателей с лучшими произведениями русского искусства XIX века из собрания музея.

Хотите знать о картине больше?

1. С телефона на платформе ANDROID или IOS зайдите в GOOGLE PLAY.
2. Выберите и установите программу SMART MUSEUM.
3. Запустите программу, наведите телефон на код.
4. Получайте информацию в виде фото, текстов, аудио- и видеофайлов.